

ВОЛОШИН

МАКСИМИЛИАН
ВОЛОШИН

**БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М.ГОРЬКИМ**

**МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ**

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

**С о в е т с к и й
п и с а т е л ь**

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья
С. С. Наровчатова

Составление, подготовка текста
и примечания

Л. А. Евстигнеевой

ленинградское отделение

1 9 7 7

Р 2
В 68

Поэтическое творчество Максимилиана Волошина (1877—1932) занимает особое место в русской поэзии первой трети XX века. В начале своего пути М. Волошин примыкал к символистам, позднее участвовал в журнале акмеистов «Аполлон». Долгое время живя в Париже, он испытал серьезное влияние французских поэтов и художников-импрессионистов. С 1917 года Волошин постоянно жил в Крыму, в Коктебеле.

Природой и историческим прошлым Восточного Крыма навеяны лучшие стихотворения Волошина. Многие его произведения посвящены событиям мировой и русской истории, ярким страницам освободительной борьбы. Значительный интерес представляют его переводы из французских и бельгийских поэтов.

Несмотря на историческую ограниченность мировоззренческих основ, сложное и самобытное творчество М. Волошина является неотъемлемой частью русской поэтической культуры.

© Издательство «Советский писатель», 1977 г.

В $\frac{70402-049}{083(02)-77}$ 360-75

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

На берегу моря стоит каменный дом. От белой полосы прибоя он отделен лишь узкой асфальтовой дорожкой и немногими метрами прибрежной гальки. Памятная доска на стене дома сообщает, что в нем жил Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин.

Дом был выстроен по чертежам самого поэта и полностью отвечал его представлениям о том, как должен жить человек искусства. Просторная и светлая мастерская с высокими окнами на три стороны света: Волошин был не только поэтом, но и художником. Стены мастерской заняты книжными полками: библиотека в несколько тысяч томов. Литература, искусство, история, философия... И — неожиданно — руководство по столлярному делу, брошюры по землемерию, гидрологии, штукатурным работам. Но пойдем дальше. В доме хороший рояль, картины известных живописцев, бюст египетской царицы Таиах.

Увенчивает дом вышка для астрономических наблюдений. На ней обычно, под звездным небом, читали друг другу стихи заезжие поэты. А их немало перебивало здесь.

Каждый камень в доме хранит отпечаток замыслов и свершений его создателя. «Дом Волошина, — писал Андрей Белый, — целое единственной жизни, живой слепок неповторимого лика, вечная память о нем».

Но и все, что окружает дом, вошло неизгладимо и прочно в духовную сущность человека, поселившегося здесь. Взойдите на вышку и поглядите кругом. Это не тот Крым, что знаком нам по его южному побережью. Это странная Киммерия, известная эллинам с гомеровских времен. Серо-голубые холмы и скалы, древние и юные одновременно, каменистые долины, пропахшие полынью, зубцы Карадага и Сююрю-Кая, напоминающие лунные пейзажи. Все это запечатлено на акварелях Волошина, в которых многие видели влияние японской школы. Нет, Япония была здесь ни при чем, это выступала в голубых, зеленых, коричневых тонах волошинская Киммерия. Она оставила след в волошинской поэзии, четкий и долгий, во многом определила жизненный характер поэта, повлияла на его историко-философские взгляды.

Такую взаимозависимость нетрудно проследить, читая стихи поэта. Волошин был глубоко образованным человеком, и его Киммерия — это не только Коктебель и Карадаг, Сююрю-Кая и Старый Крым, но скифы и эллины, византийцы и гунуэзцы, готы и славяне, сложная и пестрая история которых разворачивалась на этих берегах. Смена времен и народов, взаимопроникновение и преемственность культур во многом определили содержание волошинской поэзии.

Необычна была Киммерия, необычен был дом, построенный на ее берегах, необычен был сам хозяин дома. Пышнобородый, с большой шапкой волнистых волос, перетянутых шнурком, в просторной блузе, напоминавшей хитон, в разношенных сандалиях и с узловатой палкой, схожей с посохом, он напоминал древнегреческого философа, на берегах понта Эвксинского размышляющего о судьбах мира.

Он был человеком добрым, с широким и честным сердцем, веселым и простодушным, — людям с ним было легко и просторно. «Дом поэта», как называл он свое жилище, всегда был полон гостей — писателей, художников и артистов. Многие оставались здесь надолго, здесь хорошо думалось и работалось.

Таким рисуют Волошина все воспоминания о нем. Иные говорят о его чудаковатости, но чудачества его притягательны и в укор их ему поставить нельзя. Открытый, умный, талантливый человек. Поэзия его в свое время высоко ценилась. Критики отмечали глубину содержания и безукоризненность формы, прекрасный язык и широту дарования.

Познакомившись с хозяином дома, узнаем о жизненном пути поэта и задумаемся над его стихами.

* * *

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился в Киеве 16 мая 1877 года. Отец его рано умер, воспитанием сына занималась мать

эмансипированная, умная, волевая женщина. Вначале они жили на юге России, потом поселились в Москве. На восточном берегу Крыма, недалеко от Феодосии, было в то время положено начало интеллигентской колонии. Пустынные участки в Коктебеле распродавались задешево. При сравнительно скромных достатках мать Волошина смогла приобрести небольшой участок и переехала туда с сыном. Это случилось в 1893 году, и юный Волошин перевелся в феодосийскую гимназию. Он тогда уже писал стихи и рисовал. Под праздники и на вакации юноша возвращался из Феодосии в Коктебель, минуя дороги, напрямик через прибрежные горы и холмы. Гористый гребень, откуда открывался вид на Коктебельскую бухту, Карадаг и Сююрю-Кая, был обычной остановкой на пути. Он стал и последним привалом Волошина спустя много лет: там, по завещанию поэта, он похоронен.

Окончив в 1897 году гимназию, Волошин поступил на юридический факультет Московского университета. Университет в те годы бурлил, молодежь требовала демократических преобразований. Волошин становится активным участником, а иногда инициатором многих студенческих выступлений. Он живо интересуется историей революционных движений в России, событиями, происходящими в стране.

4 февраля 1898 года он пишет: «Все мы живем в каком-то искусственно созданном для нас парнике, в который доступ внешним впечатлениям и свежим струям закрыт. Когда мы хотим узнать,

что делается там, за стенами, нам отвечают (подцензурные газеты), что там ничего хорошего нет, а если выглянем из окошка, то нас волк съест. И вот мы сидим по глухим провинциям и ничего не знаем, что вокруг нас в России делается и делалось. А делается такое, что волосы дыбом становятся и дух от негодования захватывает». Бунтарские настроения молодого студента, «его склонность к разного рода агитациям» не остаются незамеченными властями. Его отчисляют из университета и высылают со свидетельством о неблагонадежности по месту жительства — в Феодосию. Для возвращения в университет Волошину, как и всем другим отчисленным студентам, следовало дать письменное обязательство не участвовать в забастовках и не вступать в какие-либо общества и кружки. На последнее он никак не хотел соглашаться, и лишь настойчивые просьбы матери вынудили его подать в августе 1899 года прошение о повторном зачислении. Получив разрешение поступать осенью 1900 года на второй курс, Волошин осенью 1899 года впервые посещает зарубежные страны. Пока это только Италия, Швейцария и две столицы — Париж и Берлин. Во время летних каникул 1900 года он побывал в Австро-Венгрии, Германии, Швейцарии, Греции. По возвращении из-за границы Волошин неожиданно для себя был задержан жандармами и две недели отсидел в одиночке. Причиной ареста была прочно установившаяся за Волошиным в официальных кругах репутация неблагонадеж-

ного. Выпустив юношу из тюрьмы, его предупредили о возможной дальнейшей высылке, не дожидаясь которой он решил по предложению знакомого инженера поехать на строительство Ташкентско-Оренбургской железной дороги. Пребывание в Средней Азии, несмотря на кратковременность (сентябрь 1900 — февраль 1901), оставило глубокий след в творчестве поэта. «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, — писал он позже, — были решающим моментом в моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры».

Действительно, во многих стихах поэта мы встретим и прямые ссылки на «гималайские ступени», и образы, рожденные в песках далеких пустынь, и мысли, возникшие из сопоставлений виденного в юности и узнанного в зрелости. После Средней Азии, исключенный из университета, поэт уезжает в Европу продолжать образование. Но и в Париже, на шумном Монмартре, ему открываются видения среднеазиатских стран, видения Пустыни:

...Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей с заката —
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит — и здесь, и там,
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям. . .

Пустыня спит, и мысль растет...
И тихо всё во всей Пустыне:
Широкий звездный небосвод
Да аромат степной полыни...

(«Пустыня»)

Постоянным местопребыванием его становится Париж, но поэт много раз срывается с места и уходит странствовать. Эти путешествия обладают определенной целенаправленностью. «В моих странствиях, — писал Волошин, — я никогда не покидал пределов древнего Средиземноморского мира: я знаю Испанию, Италию, Грецию, Балеары, Корсику, Сардинию, Константинополь и связан с этими странами всеми творческими силами своей души».

Поэзия Волошина обогащается новыми красками и созвучиями, которые дарят ему «древние пристани Европы». Поэта охватывает чувство взаимосвязи тысячелетних культур, и перед его мысленным взглядом возникают аргонавты в Колхиде, Овидий на берегу понта Эвксинского, генуэзцы на Крымских холмах, русичи в Суроже. С необыкновенной силой это ощущение вылилось в цикле стихов «Киммерийские сумерки». «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель» — так начинается одно из стихотворений. Это дорога не по одним нагорьям и долинам через узорный терн, серебро кустарников и розовеющий миндаль, — это путь писателя, пытавшегося осмыслить своеобразие исторических судеб отдельных народов и цивилизаций.

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

(«Здесь был священный лес...»)

Сюда, к холмам Коктебеля, к зубцам Карадага, к восточно-крымскому побережью, творческий разум поэта стягивает мифы и предания всех времен и народов. Зыбкая тень встает впереди — Одиссей в Киммерии. Что видел древний мореплаватель со своего корабля, подплывая к этим берегам? То же, что и теперь видится поэту:

И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синее полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

(«Одиссей в Киммерии»)

И дальше: «Наш путь ведет к божницам Персефоны, К глухим ключам, под сени скорбных рощ Раин и ив, где папоротник, хвощ И черный тис одели леса склоны...»

Но вот другая струна звенит в разреженном коктебельском воздухе: «Див кличет по древию, велит послушати Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...» — это заговорило «Слово о полку Игореве». А Сурож, теперешний Судак, в сорока верстах по дороге отсюда... Как переплетаются, пере-

крещиваются, переходят один в другой давние
пути народов на этой древней земле!

С туч ветер плеснул дождем и мечется
с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

(«Гроза»)

В первое десятилетие века обрисовываются те качества поэзии Волошина, которые в эти годы определяют ее место в литературном течении русского символизма. Максимилиан Волошин присоединился к этому течению вскоре после появления в печати первых своих стихотворений и сперва на положении младшего, а затем полноправного соратника вошел в круг его ведущих поэтов. Он печатается в основных журналах символистской школы — «Весех», «Золотом руне», а под конец десятилетия — в органе акмеистов «Аполлоне».

В стихах, написанных в то время, сливаются несколько поэтических струй, одна из них на протяжении десятилетий станет преобладающей в творчестве Волошина. Эта струя, назовем ее условно «киммерийской», выбивается из-под древних камней Карадага, течет по славянскому

урочищу Тепсень, вливается в Черное море. Здесь поэт выступает, казалось бы, на очень суженной площадке — несколько десятков километров восточного побережья Крыма. Но эта узкая полоска земли силой поэтического обобщения превращается в бесконечный мост, по которому пестрой чередой идут люди, народы, эпохи. Автор этих стихов, однако, меньше всего напоминает хранителя древностей — слишком активно и живо воспринимает он событийный поток, слишком любит свою бедную, сухую, полынную Киммерию, чтобы целиком отдать ее истории. И не академическим гербарием, а полынным нагорьем, продуваемым насквозь степными и морскими ветрами, веет от поэзии Волошина, посвященной родному краю.

Травую жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извиистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатую стеной.

(«Полдень»)

Именно «киммерийские» стихи станут высшим достижением волошинской лирики. Им поэт отдаст все лучшее, что почерпнул в своих других

пристрастиях, — отчетливые линии парнасской школы и броские цвета импрессионистов. Ибо не только в первом десятилетии века, а, пожалуй, во все предреволюционное время эти художественные течения оказывали серьезное воздействие на творчество Волошина.

«Парнасом» называли группу французских поэтов, сформировавшуюся в середине XIX века. Это название определилось заглавием их первого коллективного сборника «Современный Парнас». Возникали и другие ассоциации на горе Парнас, согласно древнему мифу, обитали Аполлон и музы, отъединенные от людей с их низменными обыденными потребностями. Так и искусство, по исповеданию парнасцев, отъединялось от общества с его злободневными интересами. Уделом художника оставался самозамкнутый мир поэзии, совершенствование прекрасных форм искусства. Среди парнасцев были крупные поэты — Леконт де Лиль, Малларме, Сюлли-Прюдом, Эредиа. Вторжение современности, от которой настойчиво отрешивались парнасцы, предопределило распад группы. События франко-прусской войны и Парижской коммуны обострили противоречия среди поэтов, разделивших на два лагеря. Группа фактически просуществовала с 1866 по 1876 год (от первого до последнего ее сборника), но ее идейное влияние продолжало действовать. Этому способствовало то, что часть поэтов, входивших в нее, оставалась верной канонам парнасской школы. К ним принадлежал Эредиа, оказавший

воздействие на Волошина. Молодой русский поэт, с его активным интересом к событиям современности, не мог, естественно, принять канон парнасцев об отъединении художника от общества. Его следование течению шло преимущественно по эстетической линии. Творческий принцип парнасцев, выразившийся в скульптурной пластичности и живописности словесного образа и получивший сильное воплощение в стихах Эредиа, Волошин широко применил в своей поэзии.

Гаснет день. В соборе всё поблекло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стекла
В глубине готических пещер.

Темным светом вытканые ткани,
Страстных душ венчальная фата,
В них рубин вина, возникший в Кане,
Алость роз, расцветших у креста.

(«Вечерние стекла»)

И далее: «хризолит осенний и пьянящий», «мед полудней — царственный янтарь». Строки из цикла «Руанский собор» одинаково тяготеют к живописности парнасцев и вещиности акмеистов, тогда еще не вышедших на сцену. Акмеисты, кстати говоря, также в значительной степени ориентировались на парнасскую школу, и дальнейшее участие Максимилиана Волошина в их печатном органе «Аполлоне» не случайно.

Другим воздействием, испытанным Володи-

ным в те годы, был импрессионизм. Он разбросал свои цветные брызги и блики по многим стихам Волошина. Оттенки настроений, их переходы и смешение, противоборство и соподчинение чувства и сознания становятся свойственными волошинской поэзии. Импрессионистская прививка к парнасскому стволу вызвала к жизни первые цветы и первую завязь цикла «Париж»:

В серо-сиреновом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да Винчи.

Между мхом и травкою мохнатою
Ключ лепечет невнятно.
Алым трепетом пали на статую
Золотистые пятна.

Ветер веет и вьется украдками
Меж ветвей, над водой наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых.

Ветер «разбирает бледные волосы плакучей ивы», «многострунные сосны навевают думу вечернюю про минувшие весны», а рядом плывут «фонари экипажей», знаменуя неизменный диссонанс между природой и человеком.

Во всех стихах Максимилиана Волошина мы с самого начала видим цветение изошренной человеческой культуры. Поэзия его напоминает

порой зеленый плющ, обвивающий колонны разрушенного античного храма, а отдельное стихотворение похоже иногда на цветок, оставленный среди страниц старинной книги. Мифология окрашивает его видение мира в тона, знакомые современникам Гомера, и поэт XX века встречается нимф и дриад в рощах, пересекаемых автомобильным шоссе. «Духу механики», подчинившему, как считает Волошин, современность, поэт противопоставляет живительное начало в Прометее, «ослушнике вышней воли»:

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилием — могуч.
Лишенный крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил — един в моей цевнице,
Как в радуге — един распятый луч.

(«Два демона»)

Так же как и Блоку, культура и цивилизация кажутся Волошину враждующими величинами. Буржуазная цивилизация XIX—XX века вызывает в нем стойкое неприятие. Машинная, мещанская, бюргерская — таковы оценки, данные ей поэтом.

Волошин живет все это время в Париже, но часто возвращается в Россию. Он неприменный участник литературных и художественных начинаний русских символистов, постоянный сотрудник их ведущих журналов. В Коктебеле он начинает

строительство Дома поэта, растянувшееся на долгий срок.

Все эти годы, как мы видим, насыщены творчеством: происходит становление Максимилиана Волошина как поэта, художника, критика, искусствоведа. Первую книгу стихов он издает, обладая сложившейся литературной репутацией. Названа она скупой и строго: «Стихотворения. 1900—1910».

В. Я. Брюсов, слово которого в то время звучало очень весомо, так отзывался о первом сборнике молодого, но уже известного поэта: «Книга стихов М. Волошина до некоторой степени напоминает собрание редкостей, сделанное любовно, просвещенным любителем-знатоком, с хорошо развитым вкусом». Далее Брюсов видит здесь руку «настоящего мастера, любящего стих и слово, иногда их безжалостно ломающего, но именно так, как не знает к алмазу жалости настоящий ювелир».

Это сравнение с ювелиром часто сопутствовало Волошину, но справедливо оно лишь отчасти. Далеко не всегда его стихи напоминают ювелирные изделия, скорее это каменные глыбы, умело обработанные талантливым резчиком. Сами темы и сюжеты его стихов бывают настолько обширны, что ювелиру здесь просто нечего делать. Сильные удары резца, широкие мазки кистью более подходят для сравнения. Правда, это в полной мере можно отнести к последующим стихам Волошина, но и многие его ранние стихи по масштабности отраженных в них событий, по их временной и

*

пространственной насыщенности дают основание говорить о поэте именно так. Недаром в русской поэзии наиболее близкими Волошину можно считать Баратынского и Тютчева. Его философская лирика имеет корни в творчестве этих поэтов. Из современников ближе всего ему были Брюсов и Блок. Брюсов — строгой организацией стиха, интеллектуализмом, Блок — стихийным восприятием России. Сложно и опосредованно связан Волошин с поэзией Некрасова. Некрасовская истовость нашла отголосок в волошинских стихах исторического плана, где иногда совершенно явственно слышится отзвук некрасовских раздумий о доле «святорусского богатыря», о великом народном гневе и справедливой народной мести, скорбных строк легенды «о двух великих грешниках».

События 1905 года не могли не отразиться в творчестве Волошина, хотя и преломились в его поэзии через грани образов, рожденных Великой французской революцией.

Таков страстный, вьющийся рисунок стихотворения «Голова madame de Lamballe» — пронзительный луч, брошенный в революционную кипень 1792 года:

Это гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне
И над ним надругалась, раздела...
И на тело
Не смела
Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,

Бросив лоскутья
Воспаленного мяса на камне. . .

. . . Точно пламя, гудели напевы.
И тюремную узкою лестницей
В башню Тампля к окну королевы
Поднялась я народною вестницей. . .

Революция притягивает и страшит поэта. Притягивает историческими перспективами, страшит временными, но жестокими эксцессами.

Стихи, подобные этим, во всяком случае выходили за рамки брюсовского определения.

Пожалуй, лишь «киммерийский» цикл, где Волошин впервые заставляет зазвучать один из основных мотивов своей поэзии, более всего соответствует оценке Брюсова. Только не алмаз, а сердолик, халцедон, агат, привычные для коктейбельского берега, естественнее входят в образ. Но и в этом цикле возникают картины, поражающие своей мощью и неразгаданностью:

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых
гребней.
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные незнаемой страны.

(«Над зыбкой рябью вод. . .»)

Брюсовская оценка выглядела в те годы своеобразным приговором. Он был, в общем, лестен для Волошина, хотя, на наш взгляд, страдал од-

носторонностью. Читатель, закрывая первую книгу поэта, убеждался, что перед ним встал художник широких исторических интересов, глубоко взволнованный людскими судьбами. Знаток поэзии, прочитав сборник, отмечал строгий классицизм формы и неожиданные ритмические перепады свободного стиха, смелые попытки воскрешения античных образцов и безукоризненно выполненный венек сонетов.

Переломными для цветного, изощренного, причудливого бытия, отраженного в сборнике, стали последующие годы — началась первая мировая война.

В военное время Волошин живет во Франции, Швейцарии, Англии. Шовинистические настроения минуют поэта, он воспринимает войну как трагедию, общечеловеческую и личную:

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех. Одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

(«В эти дни великих шумов ратных. . .»)

Порожденная внешним миром, раздираемым кровавыми противоречиями, «яростью сгрудившихся народов, ужасом разъявшихся времен», эта трагедия пронизывает внутреннее существо поэта.

В 1916 году выходит вторая книга стихов Максимилиана Волошина — «Anno mundi ardentis.

1915» («В год пылающего мира»). В нее включены стихи, о которых поэт говорил в письме близкому человеку: «Там точка зрения взята настолько отдаленная, что даже и борющихся не видно. Самое страшное для меня в настоящей войне — ложь и то, что все говорят одно и то же». Официальной лжи воюющих сторон поэт противопоставлял стихи, где язык реальных событий был настолько зашифрован античными, библейскими, апокалипсическими образами, что трудно усваивался современным читателем. В них действительно не было видно «даже и борющихся». Такое программное стихотворение, как «Пролог», казалось, могло быть написано и современником автора и римлянином времен нашествия Аттилы. Во взгляде на войну Максимилиан Волошин близок к позиции Ромена Роллана, определенной им в сборниках с программным названием «Над схваткой». Полное неприятие международной бойни корректируется, однако, Волошиным в духе христианского пацифизма («благословить убийц и жертву»). Но как бы то ни было, искреннее страдание поэта, остро и болезненно воспринимающего происходящее, с начала до конца противостоящего силам, затеявшим братоубийственную войну, всегда будет вызывать уважение.

Роллановская позиция «над схваткой» приобрела в те годы для Волошина распространительное значение:

Один среди враждебных ратей —
Не их, не ваш, не свой, ничей —

Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

*(«Ты держишь мир
в простертой длани. . .»)*

В 1916 году кружным путем Максимилиан Волошин возвращается в Россию. Недолгое пребывание в Москве, а потом Коктебель, с редкими выездами, до конца жизни. В 1918 году выходит сборник его избранных стихотворений «Иверни». Редко встречающееся русское слово означает «черепки», «осколки», «отломыши». Это как бы части целого, а само целое — остается за пределами книги. Сборник составлен очень тщательно, его разделы «Странствия», «Париж», «Киммерия», «Любовь», «Облики», «Блуждания», «Армагеддон», «Двойной венок» дают представление о жизненном, духовном, творческом пути поэта. Шел первый революционный год, но единственное стихотворение о русской революции «Ангел мщения» помечено 1905 годом. Правда, выбрано оно так, что его не трудно переадресовать в год выхода книги. Формула «не их, не ваш, не свой, ничей» получает в этом стихотворении зримое подкрепление. Слова ангела мщения:

Народу русскому: я скорбный ангел мщенья!
Я в раны черные — в распахнутую новь —
Кидаю семена. Прошли века терпенья,
И голос мой — набат. Хоругвь моя — как
кровь.

...Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам;
Устами каждого воскликну я «свобода»,
Но разный смысл для каждого придам —

выглядят своеобразным манифестом. В восприятии поэта борющиеся стороны заранее уравниваются. Исторический фатализм определяет каждой стороне считать себя правой. Те, кто «испил хмельной отравы гнева», неизбежно станут «палачом иль жертвой палача».

Волошин был принципиальным противником насилия, но жил он в обстановке ожесточенной классовой борьбы, требующей от каждого четкого и твердого осознания своего места в ней. Насилие насилию рознь, и руками революции оно открывает дверь в будущее, а руками контрреволюции закрывает эту дверь. Такого разделения ни понять, ни принять Волошин не мог.

Стихотворение «Демоны глухонемые» даст название следующей его книге, вышедшей в 1919 году в Харькове. Дата создания этого стихотворения — 29 декабря 1917 года, но в восприятии Волошина оно подытоживало год двух революций, один из самых бурных и яростных в истории нашей отчизны. Стихотворению в сборнике было предпослано два эпиграфа. Из Тютчева: «Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Как демоны глухонемые, Ведут беседу меж собой» и из Библии: «Кто так слеп, как раб мой? И глух, как вестник мой, мною посланный?»

Они проходят по земле
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч. . .
Их судьбы — это лик господний,
Во мраке явленный из туч!

Мистическое восприятие революции отдавало народные судьбы во власть непостижимых сил. В стихах Волошина и речи не было о столкновении враждебных классов — пролетариата и буржуазии. И это при том, что приход не только Февральской, но и Октябрьской революции поэт встретил с нескрываемым воодушевлением. Спустя какие-то две недели после «Демонов глухонемых», в поразительной синхронизации с «Двенадцатью» А. Блока, он пишет стихотворение, посвященное свершающимся событиям:

Ни выхода, ни огня. . .
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?

...Я вижу в большом и малом
Водовороты комет. . .
Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

(«Из бездны»)

Все здесь предельно откровенно. Революция идет неведомыми и непонятными Волошину путями: «для разума нет исхода». Эта непонятность — мистическая, предопределенная свыше: свершаемому и надлежит быть непонятым. «Но дух, ему вопреки, И в бездне чует ростки Неведомого восхода». Слова «ему вопреки» относятся к разуму. И так, необъяснимости движения событий соответствует иррациональность их восприятия. Но видимая стихийность революции обладает, как кажется поэту, мистической заданностью, и он верит, что эта заданность предопределяет добрый исход.

Тогдашний читатель, даже не вникая в каждое слово стихотворения, видел, что Волошин встречает словами веры и благословения приход нового строя. Слова несли на себе груз символических образов, восприятие их затруднено общей формой изъяснения, но чувство, стоящее за ними, неподдельно и делает честь поэту. Напомним, что многие его друзья и соратники заняли в то время резко противоположную позицию. С Блоком, написавшим «Двенадцать», перестали здороваться даже близкие люди.

В России началась гражданская война. Крым, а вместе с ним Коктебель, захлестнули ее яростные волны. Дому поэта, по мысли Волошина, надлежало сыграть роль современного ковчега в разбушевавшейся буре. И, как подлинный ковчег, Дом был готов принять в свои стены семь пар чистых и семь пар нечистых. Но кто были чистыми и кто нечистыми? Положение новоявленного Ноя было едва ли не труднее, чем у легендарного.

Волошин отвергал революционное насилие. Естественно, отвергал он и контрреволюционный террор. Насильственный метод борьбы он считал неприемлемым в принципе, независимо от того, какая сторона и с какой целью его применяла.

Такой взгляд приводил его к неверным оценкам происходящего, а отсутствие четких классовых критериев обуславливало ложную трактовку ряда событий современности. Восприятие революции в волошинских стихах того времени часто опосредствованное. Он воссоздает в своей поэтической памяти Смутное время, раскол, разинское восстание, эпохи народных движений. Такое опосредствование — в духе творчества Волошина, стремившегося к глубинному осмыслению путей России. Так были написаны «Дметриус-император», «Протопоп Аввакум», «Стенькин суд». Они начертаны мрачными сильными красками и во многом напоминают суриковские картины не только колоритом, но и беспощадностью образов. Кстати говоря, Суриков являлся одним из чтимых Во-

лошиним художников, и как раз его памяти посвящен «Протопоп Аввакум».

В частном письме Максимилиан Волошин так говорит о своем восприятии тогдашних событий: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали. Я их ожидал давно и в формах еще более жестоких. Напротив: я почувствовал себя очень приспособленным к условиям революционного бытия и действия. Принципы коммунистической экономики как нельзя лучше отвечали моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже». Конечно, последние слова сказаны художником-бессребреником, для которого ограничительная продовольственная политика «военного коммунизма» оказалась далеко не страшной, но первая часть высказывания тоже достаточно красноречива, хотя и нуждается в комментариях. Никаких оснований не верить Волошину у нас нет. Помня о том, что революцию он не понял и оценки событий у него бывали ошибочными, следует также учитывать, что такое непонимание и такие оценки, к сожалению, были распространенным явлением среди русской интеллигенции тех лет. Только та ее часть, которая шла вплотную за Лениным, оказалась свободной от подобных заблуждений. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что поэт жил на периферии бушующего мира, вдалеке от революционных центров — Москвы и Петрограда.

Но непонимание причин и целей революции не отодвинуло Волошина в ряды ее противников. Несмотря на свои идейные колебания, поэт не пошел

по пути многих друзей и соратников, связавших судьбу с белогвардейщиной.

Имущественные претензии помещиков и капиталистов отвергались им целиком. Ни разу у него не возникла мысль оставить родину и уйти в эмиграцию. Между тем ряд писателей и художников решили этот первостепенный вопрос по-другому. Среди них, как известно, были крупные имена.

Максимилиана Волошина никогда не оставляла вера в свою страну и в свой народ. Россия ему кажется легендарной неопалимой купиною (так и назван большой цикл его стихов), горящей не сгорая. Поэта справедливо восхищает то, что жаркие пламена охватывают тех, кто пытается ее погасить.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат.
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.

(«Неопалимая купина»)

В реальном крымском бытии большим моральным подспорьем для Волошина была дружба с писателем В. В. Вересаевым и профессором Марксом, людьми прочной советской ориентации. Нам памятни благородные поступки поэта в ту

пору. В его доме скрывались коммунисты-подпольщики, он ходатайствовал и добивался освобождения людей, заподозренных в большевизме, с энтузиазмом поддерживал начинания Советской власти, когда она утверждалась в Крыму.

Волошинская Киммерия в эти годы расплещивается до размеров Дикого Поля — причерноморской степи, где веками сталкивались разноязыкие народы, где извечно бушевала вольница, где всегда реяла бунтарская стихия. Максимилиан Волошин чувствует себя неотделимым от России, от ее великого народа. Стремление разделить их судьбы было оценено рабоче-крестьянской властью. Логика истории вела и привела к тому, что Волошина в это время воспринимали не только как русского, но и как советского поэта. Весьма характерно, что в начале 1921 года одно из его стихотворений получает первую премию газеты «Красный Крым». А тогда, по горячим следам только что окончившейся беспощадной схватки, особенно внимательно присматривались к людям. Волошина этой премией выделили среди других интеллигентов. Руководители партии и правительства заботливо и бережно отнеслись к поэту и его дому в Коктебеле, проявляли интерес к судьбе Волошина. Об этом свидетельствуют охранные грамоты, подписанные М. И. Калинин и А. В. Луначарским, а также вызовы Волошина на заседания коллегии Наркомпроса и прижизненные выставки акварелей поэта-художника в Москве и Ленинграде.

Стихи 1917—1919 годов Волошин объединил под названием «Пути России». Это были напряженные поиски поэтом своего места в России в те времена, когда она стала Советской Россией.

Окончилась гражданская война, страна вступила в пору мирного развития. Волошинский дом снова распахнул двери старым и новым знакомым. В нем перебивали в свое время М. Горький, А. Толстой, В. Брюсов, А. Белый, М. Цветаева, И. Эренбург, В. Вересаев, А. Грин, О. Мандельштам и многие другие прозаики, поэты, художники, ученые. Теперь комнаты и террасы опять были наполнены наезжавшими гостями. Парк, насаженный матерью поэта, давно разросся, и на его дорожках читали стихи уже другие поэты. Хозяин дома благожелательно выслушивал строки своих друзей, читал собственные стихи. В первые годы после гражданской войны Максимилиан Волошин активно печатался в советских газетах, журналах, альманахах. Его произведения встречались вполне доброжелательно. Но в 1923 году стихи Волошина подверглись тенденциозной критике в журнале «На посту». В целях дискредитации поэта в его стихах на исторические темы напостовцы искали прямых аналогий современным событиям, обвиняли автора во враждебном отношении к революционной действительности. Волошин попробовал возразить им в «Красной нови», но получил повторный резкий удар. Сектантская импровизация была воспринята Волошиным в крымском далеке как официальное мнение. Он замкнулся в себе. Стихи его перестали появляться в печати.

Наиболее значительным произведением, созданным Максимилианом Волошиным в последние его годы, явился «Дом поэта». Поэтический рисунок этого большого стихотворения, написанного классическим пятистопным ямбом, строг и прост, повествование разворачивается медленно и торжественно, как свиток древней летописи. Это — итог жизни поэта и одновременно его завещание.

Стихотворение открывается строками, приглашающими путника войти в Дом поэта. Спокойная гордость заключена в широком приглашающем жесте:

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

Таким же жестом поэт знакомит читателя с окрестной коктебельской землей, с возлюбленной, милой его сердцу Киммерией:

А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.

В приглашающем жесте не забыт сад вокруг дома: «Земля могил, молитв и медитаций — Она у дома вырастила мне Скупой посев айлантов и акаций В ограде тамарисков...»

Волошин остается Волошиным — даже рисуя пейзаж, он возьмет для сравнения античный метр: «Скалистых гор зубчатый окоем Замкнул залив алкеевым стихом, Асимметрично-строгими строфами». Конечно, мастер писал эти строки. Читатель, никогда ничего не ведавший об алкеевом стихе, навсегда сохранит в памяти «асимметрично-строгие строфы», так точно воссоздающие ритм волн, бьющихся о берег Коктебельского залива.

Единство поэзии и природы всюду, куда ни кинешь взгляд в этих местах. «Вон там — за профилем прибрежных скал, Запечатлевшим некое подобье (Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье), — Как рухнувший готический собор, Торчащий непокорными зубцами... Встает стена...» И с усталым восхищением произносится: «Но сказ о Карадаге... не высловить на скудном языке».

Максимилиан Волошин сравнивает киммерийскую землю с погасшим Карадагским вулканом:

И та же страсть, и тот же мрачный гений
В борьбе племен и смене поколений.

Вглядываясь в застывшую лаву, поэт видит в ней не только «смоленные ахейские лады» героев

гомеровского эпоса, но и нечто более близкое современности. В самобичующем порыве Волошин решил разделить с самодержавным государством ответственность за проводимую царизмом на окраинах России хищническую политику. Причем сделал он это в такой непродуманно обобщающей форме, которая заставляла предполагать, что самообвинение относится ко всему русскому народу. Такой взгляд был глубоко ошибочным. Ушедший мир, воссозданный поэтической фантазией Волошина, вобрал в себя наследие древних цивилизаций, сменявших одна другую на крымской земле. Картины его расцвета неправомерно и антиисторично были отождествлены в воображении поэта с «мусульманским раем», крушение которого, вызванное вхождением Крыма в состав Российской империи, будто бы предопределило и упадок культуры, и оскудение края. Автор как будто забыл, что в течение столетий этот упоминаемый в стихотворении «рай» осуществлял свою жизнеспособность за счет разбойничьих набегов на украинские, польские и русские земли. Массовый угон рабов и продажа их в Турцию, вассалом которой было Крымское ханство, составляли постоянный источник его доходов. История неопровержимо свидетельствует о том, что присоединение в XVIII веке Крыма к России имело прогрессивное значение. Бурно происходило экономическое развитие края: строились новые города, развивалось садоводство, виноградарство, табаководство, создавалась возможность освоения лучших достижений прогрессивной русской культуры. Таковы были факты,

*

но они не нашли отражения в стихотворении Волошина.

Далее следуют строки, чрезвычайно важные для определения позиции поэта в «недавние трагические годы», под которыми подразумевалась гражданская война:

В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять...

Нет необходимости объяснять, что ничему помешать Волошин не мог. Ожесточенная классовая борьба, вылившаяся в формы гражданской войны, опрокидывала «общечеловеческие» схемы, превращала в мираж абстрактный гуманизм, определявший сознание и владевший сердцем поэта. Миротворчество Волошина в России, расколотой надвое, не имело никакой почвы. Белый офицер тоже верил в Россию, но она не совмещалась с Россией красного комиссара. Заводчик Путилов и рабочий Путиловского завода не хотели, да и не могли найти общий язык.

Стремление занять миротворческую позицию между двумя лагерями определялось и объясня-

лось положением поэта, стоявшего вне прочных социальных связей, не обладавшего знанием закономерностей исторического развития общества. Но в ходе событий Волошин все отчетливее понимал, что русский народ, от которого поэт ни в коем случае не хотел себя отделить, бесповоротно встал на сторону Советской власти. И когда дело дошло до последнего выбора — оставаться со своим народом на своей, советской, земле или уйти в белую эмиграцию за рубеж, Волошин принял единственно верное решение. Он остался в Коктебеле и, как известно, приветствовал вступление красных войск в Крым.

Личное благородство поэта никогда и никем не подвергалось сомнению. Советская власть не вменила ему в вину благодушие, с которым он относился к ее противникам.

Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар —
Нечаянный, — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.

Мятущийся и заблуждающийся сын, но сын
русской, а теперь советской земли!

И вот снова текут дни поэта в Доме поэта.

Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы...

Как будто все по-прежнему, как было, но одна тревожная мысль не дает ему покоя:

И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я — не изгой, а пасынок России...

Эти строки создавались в 1925—1926 годах, и тяжелое настроение, вызванное напостовским разгромом, продолжало владеть Волошиным. Литературные сектанты настойчиво представляли его изгоем. Защищаясь мысленно от подобных обвинений, Волошин печально объявил себя пасынком России, хотя, конечно, хотел быть и был прямым ее сыном.

Стихотворение-исповедь заканчивается обращением к читателю, полным спокойной мудрости. Это одни из лучших написанных Максимилианом Волошиным строк:

Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Таково это стихотворение, вобравшее в себя многие раздумья и заблуждения поэта, рисующее его сложный духовный облик.

В тетради Волошина появляется скорбная запись, сделанная его рукой: «1930 год был бесплоден, 1929 закончился тяжелой болезнью. 9 декабря у меня был удар, после которого я не мог работать. Удар небольшой, но сказался на руке... Теперь уже 31-й год, почти полтора года не было написано ни строки».

11 августа 1932 года Максимилиана Волошина не стало. Поэт погребен на месте его давнего привала на пути из Феодосии в Коктебель.

* * *

Подведем черту и спросим, что ценно для нас в поэзии Максимилиана Волошина? Ценно все, что в его стихах смогло донести до нас грозное дыхание времен войн и революций и сохранить для нас нравственную и художественную красоту. Ценно все, что говорит о любви к народу, к России, которую поэт увидел и признал Советской Россией. Ценно все, что прекрасно воплотилось в его стихах, — киммерийские степи, горы и море. Большая часть стихов Максимилиана Волошина отвечает этому высокому критерию.

* * *

Без поэзии Максимилиана Волошина будет неполным представление о русской поэзии начала

XX века и, скажем больше, о советской поэзии первых лет революции. Ибо поэт, разделивший в тяжелые годы гражданской войны судьбу своего народа и своей страны, искренно вставший на сторону Советской власти, скончавшийся на родном, а не на чужом берегу, может и должен быть включен в широкое русло советской поэзии со всем многообразием ее талантов.

Сергей Наровчатов

СТИХОТВОРЕНИЯ

В ВАГОНЕ

Снова дорога. И с силой магической
Всё это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Слова вагоны едва освещенные,
Тусклые пятна теней,
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный, вечный,
Бесконечный,
Однотонный
Шум колес.
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес...
Жизнь... работа...
Где-то, кто-то
Вечно что-то
Всё стучит.
Ти-та... то-та...
Вечно что-то
Мысли сонной
Говорит.

Так вот в ушах и долбит, и стучит это:
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...
Мысли с рыданиями ветра сплетаются,
Поезд гремит, перегнать их старается...

Чудится, еду в России я...
Тысячи верст впереди.
Ночь неприютная, темная.
Станция в поле... Огни ее —
Глазки усталые, томные
Шепчут: «Иди...»
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито.
Прожито — отжито. Вынуто — выпито...
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...

Чудится степь бесконечная...
Поезд по степи идет.
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная.
Скользкие стены вагонов
Дождик сечет.
Песенкой этой всё в жизни кончается,
Ею же новое вновь начинается,
И бесконечно звучит и стучит это:
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...

Странником вечным
В пути бесконечном
Странствуя целые годы,
Вечно стремлюсь я,
Верую в счастье,

И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет далекою Русью.
Мысли с рыданиями ветра сплетаются,
С шумом колес однотонным сливаются,
И безнадежно звучит и стучит это:
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...

Май 1901

В поезде между Парижем и Тулузой

КАСТАНЬЕТЫ

Е. С. Кругликовой

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярк,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих, —
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.
Щедро лентами одеты
С этой южной пестротой;
В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный
Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,

Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий,
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд,
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам,
Словно щелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

Июль 1901
*Mallorca, Valdemosa*¹

¹ Майорка, Вальдемоса (исп.). — *Ред.*

ПУСТЫНЯ

Монмартр... Внизу ревет Париж —
Коричневато-серый, синий...
Уступы каменистых крыш
Слились в равнины темных линий.
То купол зданья, то собор
Встает из синего тумана.
И в ветре чувствуется простор
Волны соленой океана...
Но мне мерещится порой,
Как дальних дней воспоминанье,
Пустыни вечной и немой
Ненарушимое молчанье.
Раскалена, обнажена,
Под небом, выцветшим от зноя,
Весь день без мысли и без сна
В полубреду лежит она,
И нет движенья, нет покоя.
Застывший зной. Устал верблюд.
Пески. Извивы желтых линий.
Миражи бледные встают —
Галлюцинации Пустыни.

И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана.
И тени мертвых городов
Уныло бродят по равнине
Неостывающих песков,
Как вечный бред больной Пустыни.

Царевна в сказке, — словом властным
Степь околдованная спит,
Храня проклятой жабы вид
Под взглядом солнца, злым и
страстным.

Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей с заката —
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит — и здесь, и там,
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям.
Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей:
Забывших дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища.
И тлеет медленно закат,
Усталый конь бодрее скачет,
Копыта мерно говорят,
Степной джюсан звенит и плачет.
Пустыня спит, и мысль растет...

И тихо всё во всей Пустыне,
Широкий звездный небосвод
Да аромат степной полыни. . .

1901

Ташкент — Париж

ТАНГЕЙЗЕР

Смертный, избранный богиней,
Чтобы свергнуть гнет оков,
Проклинает мир прекрасный
Светлых эллиских богов.
Гордый лик богини гневной,
Бури яростный полет.
Полный мрак. Раскаты грома...
И исчез Венерин грот.
И певец один на воле,
И простор лугов окрест,
И у ног его долина,
Перед ним высокий крест.
Меркнут розовые горы,
Веет миром от лугов,
Веет миром от старинных
Острокрыших городков.
На холмах в лучах заката
Купы мирные дерев,
И растет спокойный, стройный,
Примирающий напев.

И чуть слышен вздох органа
В глубине резных церквей,
Точно отблеск золотистый
Умирающих лучей.

1901
Андорра

* * *

Как мне близок и понятен
Этот мир — зеленый, синий,
Мир живых прозрачных пятен
И упругих, гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна
Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

1901 или 1902

* * *

...И мир — как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...

1962

ПАРИЖ

1

ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза. . .
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам, танцуя
Всё быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи. . .

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики. . .
В проносащемся мраке
Замутились их лики. . .

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятенье,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья. . .

И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre Dame. . .¹

Март 1904

2

В серо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да Винчи.

Между мхом и травой мохнатую
Ключ лепечет невнятно.
Алым трепетом пали на статую
Золотистые пятна.

Ветер веет и вьется украдкой
Меж ветвей, над водой наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых.

¹ Нотр Дам (франц.). — *Ред.*

Разбирает бледные волосы
Плакучей ивы.
По озерам прозелень, полосы
И стальные отливы.

И, одеты мглою и чернию,
Многострунные сосны
Навевают думу вечернюю
Про минувшие весны.

Облака над лесными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывут из аллей бриллиантами
Фонари экипажей.

*2 июля 1905
В Булонском лесу*

3

Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:

Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

1902

4

На старых каштанах сияют листья,
Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
Звенит от безвольных усилий.

Я болен весеннею смутной тоской
Несознанных миром рождений.
Овей мое сердце прозрачною мглой
Зеленых своих наваждений!

И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острою грустью. . .
Неси мои думы, как воды реки,
На волю к широкому устью!

1906

5

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло...
И кто-то горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод...
Огни плясали меж волнами...
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей...

*Лето 1904
На Сене близ Медона*

6

Слепые застилая дни,
Дожди под вечер нежно-немы:
Косматые цветут огни,
Как пламенные хризантемы,
Стекают блики по плечам
Домов, лоснятся на каштанах,
И город стынет по ночам
В самосветящихся туманах...

В ограде мреет голый сад. . .
Внося колонну над колонной,
Из мрака лепится фасад —
Слепой и снизу осветленный.
Сквозь четкий переплет ветвей
Тускнеют медные пожары,
Блестят лучами фонарей
Пронизанные тротуары.
По ним кипит людской поток
Пьянящих головокружений, —
Не видно лиц, и к стеблям ног
Простерты снизу копыя теней.
Калится рдяных углей жар
В разверстых жерлах ресторанов,
А в лица дышит теплый пар
И запах жареных каштанов.

20 апреля 1915

7

Парижа я люблю осенний строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты —
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток всё тех же лиц — одних без перемен,
Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную, и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов разъяты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб — сквозь дождь
издалека

Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ламанша.

1909

8

В молочных сумерках за сизой пеленой
Мерцает золото, как **желтый** сгнь в опалах,
На бурый войлок **мха**, на шелк листов опалых
Росится тонкий дождь, осенний и лесной.

Сквозящих даль аллея струится сединой.
Прель дышит влагою и тленьем трав увялых.
Края раздвинувши завес линияло-алых,
Сквозь окна вечера синее свод ночной.

Но поздний луч зари возжег благоговейно
Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна.
Орозовил углы карнизов и колонн,

Зардел в слепом окне, златые кинул блики
На бронзы черные, на мраморные лики,
И темным пламенем дымится Трианон.

1909

ДИАНА ДЕ ПУАТЬЕ

Над бледным мрамором склонились к водам низко
 Струи плакучих ив и нити бледных верб.
 Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб
 Тобою осиян, Диана-Одалиска.

Богиня строгая, с глазами василиска,
 Над тронем Валуа воздвигла ты свой герб,
 И в замках Франции сияет лунный серп
 Среди лилий Генриха и саламандр Франциска.

В бесстрастной наготе, среди охотниц-нимф
 По паркам ты идешь, волшебный свой заимф
 На шею уронив Оленя-Актеона.

И он — влюбленный принц, с мечтательной тоской
 Глядит в твои глаза, владычица! Такой
 Ты нам изваяна на мраморах Гужона.

1907

ГОЛОВА MADAME DE LAMBALLE

Это гибкое, страстное тело
 Растоптала ногами толпа мне
 И над ним надругалась, раздела...
 И на тело
 Не смела

Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,
Бросив лоскутья
Воспаленного мяса на камне...

И парижская голь
Унесла меня в уличной давке,
Кто-то пил в кабаке алкоголь,
Меня бросив на мокром прилавке...

Куафер меня поднял с земли,
Расчесал мои светлые кудри,
Нарумянил он щеки мои
И напудрил...

И тогда, вся избита, изранена
Грязной рукой,
Как на бал завита, нарумянена,
Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом...

Неслась вакханалия.

Пел в священном безумье народ.
И, казалось, на бале в Версале я...
Плавный танец кружит и несет...

Точно пламя, гудели напевы.
И тюремную узкою лестницей
В башню Тампля к окну королевы
Поднялась я народной вестницей...

1905—1906

Париж

ПАРИЖ В 1915 ГОДУ

Всё тот же он во дни войны,
В часы тревог, в минуты боли...
Как будто грезит те же сны
И плавит в горнах те же волн.
Всё те же крики продавцов
И гул толпы, глухой и дальний...
Лишь голос уличных певцов
Звучит пустыней и печальней.
Да ловит глаз в потоках лиц
Решимость сдвинутых надбровий,
Улыбки маленьких блудниц,
Войной одетых в траур вдовий;
Решетки запертых окон,
Да на фасадах полинялых
Трофеи праздничных знамен,
В дождях и ветре обветшалых;
Да по ночам безглазый мрак
В провалах улиц долго бродит,
Напоминая всем, что враг
Не побежден и не отходит;
Да светы небо стерегут.
Да ветер доносит запах пашни,
Да беспокойно-долгий гуд
Идет от Эйфелевой башни.
Она чрез океаны шлет
То бег часов, то весть возмездья...
И сквозь железный переплет
Сверкают зимние созвездья.

*19 февраля 1915
Париж*

ЦЕППЕЛИНЫ НАД ПАРИЖЕМ

Весь день звучали сверху струны
 И гуды стерегущих птиц.
 А после ночь писала руны...
 И взмахи световых ресниц
 Чертили небо. От окрестных
 Полей поднялся мрак и лег.
 Тогда в ущельях улиц тесных
 Заголосил тревожный рог...
 И было видно: осветленный
 Сияньем бледного венца,
 Как ствол дорической колонны,
 Висел в созвездии Тельца
 Корабль... С земли взвивались змеи,
 Высоко бил фонтан комет
 И гас среди звезд Кассиопей...
 Внизу несомый малый свет
 Строений колебал громады...
 Но взрывов гул и ядер поток
 Ни звездной тиши, ни прохлады
 Весенней — превозмочь не мог.

*18 апреля 1915
 Париж*

ВЕСНА

Мы дни на дни покорно нижем.
 Даль не светла и не мутна...

Над замирающим Парижем
Плывет весна... и не весна.

В жемчужных утрах, в зорях рдяных
Ни радости, ни грусти нет;
На зацветающих каштанах
И лист — не лист, и цвет — не цвет.

Неуловимо беспокойна,
Бессолнечно просветлена,
Неопьяненно и нестройно
Взмывает жданная волна.

Душа болит в краю бездомном;
Молчит, и слушает, и ждет...
Сама природа в этот год
Изнемогла в боренье темном.

26 апреля 1915

Париж

14

Неслись года, как клочья белой пены...
Ты жил во мне, меняя облик свой;
И, уносимый встречною волной,
Я шел опять в твои замкнутыя стены.

Но никогда сквозь жизни перемены
Такой пронзенной не любил тоской
Я каждый камень вещей мостовой
И каждый дом на набережных Сены.

И никогда в дни юности моей
Не чувствовал сильнее и больней
Твой древний яд отстоянной печали —

На дне дворов, под крышами мансард,
Где юный Дант и отрок Бонапарт
Своей мечты миры в себе качали.

19 апреля 1915
Париж

* * *

Балтрушайтису

К твоим стихам меня влечет не новость,
Не яркий блеск огней:
В них чудится унылая суровость
Нахмуренных бровей.

В них чудится седое безразличье,
Стальная дрёма вод,
Сырой земли угрюмое величье
И горько сжатый рот.

1903

Москва

В ЦИРКЕ

Андрею Белому

Клоун в огненном кольце...
Хохот мерзкий, как проказа,
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра; свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро хлещущих пощечин.

Как огонь, подвижный круг...
Люди — звери, люди — гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Всё крикливо, всё пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро...

В лунном свете с мандолиной
Он поет в своем окне
Песню страсти лебединой
Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа;
Клоун в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза. . .

1903

Москва

* * *

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквах, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны, —

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках
дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903

Москва

* * *

Маргарите Васильевне Сабашниковой

Я ждал страдания столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвилась вокруг сердца, как запястье.

Желанный луч с собой принес
Такие жгучие, мучительные ласки.
Сквозь влажную лучистость слез
По миру разлились невиданные краски

И сердце стало из стекла,
И в нем так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».

1903

* * *

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок — непризнанный гений
Средь буднично-серых людей.

До 17 декабря 1903

* * *

О, как чутко, о, как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад...
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити темного познания
Привели меня назад...

1903 или 1904

**КОГДА ВРЕМЯ
ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ**

1

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.

Ключья тумана — вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья.
Лампу Психеи несу я в руке —
Синее пламя познания.

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли смешались.
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

15 июня 1904
St. Cloud¹

¹ Сен-Клу (франц.). — *Ред.*

2

Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней.

Гаснуть словами в обманных догадках,
Дымом кадилльным стелиться вдали.
Разум запутался в траурных складках,
Мантия мрака на безднах земли.

Тени Невидимых жутко громадны,
Неосвязаемо близки впотьмах.
Память — неверная нить Ариадны —
Рвется в дрожащих руках.

Время свергается в вечном паденье,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья,
Смерть и Рожденье — вся нить бытия.

Июль 1905

3

И день и ночь шумит угрюмо,
И день и ночь на берегу
Я бесконечность стерегу
Средь свиста, грохота и шума.

Когда ж зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность,
Сквозит двойная бесконечность
Из отраженной глубины.

1903

4

Валерию Брюсову

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.

Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.

Да, я помню мир иной —
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я — прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.

Как ядро, к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,

Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским —
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!

Вечность с жгучей пустотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примиряющих небес.
Мне так радостно и ново
Всё обычное для вас —
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.
Ваши детские понятия
Смерти, зла, любви, грехов —
Мир души, одетый в платье
Из священных лживых слов.
Гармонично и поплёкло
В них мерцает мир вещей,
Как узорчатые стекла
В мгле готических церквей. . .
В вечных поисках истоков
Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить.

Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,

Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!

1903
Коктебель

* * *

Одилону Рэдону

Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа. . .
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мироздания,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли.

1904

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Бальмонту

В душе моей мрак грозовой и пахучий...
Там вьются зарницы, как синие птицы...
Горят освещенные окна...
И тянутся длинны,
Протяжно-певучи
Во мраке волокна...
О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучии...
И сразу всё стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучии.
Из недра сознания, со дна лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...
И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый.

1904

Париж

* * *

Зеленый вал отпрянул и пугливо
Умчался вдаль, весь пурпуром горя...
Над морем разлилась широко и лениво
Певучая заря.

Живая зыбь, как голубой стеклярус.
Лиловых туч карниз.
В стеклянной мгле трепещет серый парус,
И ветер в снастях повис.

Пустыня вод... С тревогою неясной
Толкает челн волна.
И распускается, как папоротник красный,
Зловещая луна.

1904

* * *

Дрожало море вечной дрожью.
Из тьмы пришедший синий вал
Победной пеной потрясал,
Ложась к гранитному подножью.
Звенели звезды, пели сны...
Мой дух прозрел под шум волны.

1904 (?)

* * *

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов. . .
В них есть запах, в них есть прелесть
Умирающих цветов.

Я люблю узорный почерк —
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.

Мне так близко обаянье
Их усталой красоты. . .
Это деревья Познанья
Облетевшие цветы.

1904

ОТРЫВКИ ИЗ ПОСЛАНИЙ

1

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в четкий стих
Мое далекое посланье.
Пусть будет он, как вечер, тих,
Как стих «Онегина», прозрачен,
Порою слаб, порой удачен,
Пусть звук речей журчит ярчей,
Чем быстро шепчущий ручей...
Вот я опять один в Париже
В кругу привычной старины...
Кто видел вместе те же сны,
Становится неволью ближе.
В туманах памяти отсель
Поет знакомый ригурнель.

Всю цепь промчавшихся мгновений
Я мог бы снова воссоздать:
И робость медленных движений,
И жест, чтоб ножик иль тетрадь
Сдержат неловкими руками,

И Вашу шляпку с васильками,
Покатость Ваших детских плеч,
И Вашу медленную речь,
И платье цвета эвкалипта,
И ту же линию в губах,
Что у статуи Таиах,
Царицы Древнего Египта,
И в глубине печальных глаз —
Осенний цвет листвы — топаз.

Рассвет. Я только что вернулся.
На веках — ночь. В ушах — слова.
И сон в душе, как кот, свернулся. . .
Письмо. . . От Вас?

Едва-едва
В неясном свете вижу почерк —
Кривых каракуль смелый очерк.
Зажег огонь. При свете свеч
Глазами слышу вашу речь.
Вы снова здесь? О, говорите ж.
Мне нужен самый звук речей. . .
В озерах памяти моей
Опять гудит подводный Китеж,
И легкий шелест дальних слов
Певуч, как гул колоколов.

Гляжу в окно сквозь воздух мгlistый:
Прозрачна Сена. . . Тюильри. . .
Монмартр и синий, и лучистый,
Как желтый жемчуг — фонари.
Хрустальный хаос серых зданий. . .
И аромат воспоминаний,

Как запах тлеющих цветов,
Меня пьянит. Чу! Шум шагов...
Вот тяжелой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло...
Донесся дальний гул народа;
В провалах улиц мгла и тишь.
То день идет... Гудит Париж.

Для нас Париж был ряд преддверий
В просторы всех веков и стран,
Легенд, историй и поверий.
Как мутно-серый океан,
Париж властительно и строго
Шумел у нашего порога.
Мы отдавались, как во сне,
Его ласкающей волне.
Мгновенья полные, как годы...
Как жезл сухой, расцвел музей...
Прохладный мрак больших церквей...
Орган... Готические своды...
Толпа: потоки глаз и лиц...
Припасть к земле... Склониться ниц...

Любить без слез, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть

Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем,
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти.

Здесь всё теперь воспоминанье,
Здесь всё мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.
Но только нет. . . Продленный миг
Есть ложь. . . И беден мой язык.

5 июля 1904

2

И были дни, как муть опала,
И был один, как аметист.
Река несла свои зеркала,
Дрожал в лазури бледный лист.
Хрустальный день пылал так ярко,

И мы ушли в затишье парка,
Где было сыро на земле,
Где пел фонтан в зеленой мгле,
Где трепетали поминутно
Струи и полосы лучей,
И было в глубине аллея
И величаво и уютно.
Синела даль. Текла река.
Душа, как воды, глубока.

И наших ног касалась влажно
Густая, цепкая трава;
В душе и медленно и важно
Вставали редкие слова.
И полдня вещее молчанье
Таило жгучую печаль
Невыразимого страданья.
И, смутным оком глядя вдаль,
Ты говорила:

«Смерть сурово
Придет, как синяя гроза.
Приблизит грустные глаза
И тихо спросит: «Ты готова?»
Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень.

Какая темная Обида
Меня из бездны извлекла?
Я здесь брожу, как тень Аида,
Я не страдала, не жила. . .
Мне надо снова воплотиться
И крови жертвенной напиться,

Чтобы понять язык людей.
Печален сон души моей.
Она безрадостна, как Лета...
Кто здесь поставил ей межи?
Я родилась из чьей-то лжи,
Как Калибан из лжи поэта.
Мне не мила земная твердь...
Кто не жил, тех не примет смерть».

Как этот день теперь далеко
С его бескрылою тоской!
Он был как белый свет востока
Пред наступающей зарей.
Он был как вещей сон незрящей,
Себя не знающей, скорбящей,
Непробудившейся души.
И тайны в утренней тиши
Свершались:

*«Некий встал с востока
В хитоне бледно-золотом,
И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко.
Земли пустые страшны очи.
Он встретил их и ослепил,
Он в мире чью-то кровь пролил
И затопил ей бездну ночи».*

И, трепеща, необычайны,
Горé мы подняли сердца
И причастились страшной Тайны
В лучах пылавшего лица.

И долу, в мир вела дорога —
Исчезнуть, слиться и сгореть.
Земная смерть есть радость бога:
Он сходит в мир, чтоб умереть.

И мы, как боги, мы, как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Терять друг друга на пути,
Страдать, искать и не найти...

Сентябрь 1904 — 29 июня 1905

ПРЕДВЕСТИЯ

Сознание строгое есть в жестах Немезиды —
Умей читать условные черты:
Пред тем как сбылись мартовские Иды,
Гудели в храмах медные щиты. . .

Священный занавес был в скинии распорот —
В часы Голгоф трепещет смутный мир. . .
О, Бронзовый Гигант! Ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени факир. . .

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик тройне,
И каждый диск сочился, точно рана. . .
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов. . .

Уж занавес дрожит перед началом драмы...
Уж кто-то в темноте, всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова...

9 января 1905

С.-Петербург

ТАИАХ

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царевна!
Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предрассветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло.
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Всё, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал. . .

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.

Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей. . .

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной. . .
Ты ведь знала: я — Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.

Мы друг друга не забудем,
И, целуя дольний прах,
Отнесу я сказку людям
О царевне Таиах.

Май 1905
Париж

* * *

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле,
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая.

И арки черные и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность.
В душе моей растет такая нежность! . .
Как медленно текут расплавленные дни. . .

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

26 июня 1905

Париж

* * *

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил.
И кто-то снова оторвет. . .

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

29 июня 1905

Париж

ЗЕРКАЛО

Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать. . .
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза, —
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиися губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх
И я молю его: «Останься, будь во мне, —
Не прерывай рождающейся муки. . .»
разлуки . . .

*

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне — глубоко. . .
Но время наконец застынет надо мной
И тусклою плевой мое затянет око!

1 июля 1905

Париж

* * *

Небо в тонких узорах
Хочет день превозмочь,
А в душе и в озерах
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
В эту черную пасть,
Робким сердцем приникнуть,
Чутким ухом припасть.

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля.
Нет, послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля.

Я к траве припадаю.
Быть твоим навсегда...
«Знаю... знаю... всё знаю», —
Шепчет вода.

Ночь темна и беззвездна.
Кто-то плачет во сне.
Опрокинута бездна
На водах и во мне...

6 июля 1905

Париж

* * *

Мир закутан плотно
В сизый саван свой —
В тонкие полотна
Влаги дождевой.

В тайниках сознания
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

С грустью принимаю
Тягу древних змей:
Медленную Майю
Торопливых дней.

Затерявшись где-то,
Робко верим мы
В непрозрачность света
И прозрачность тьмы.

Лето 1905
Париж

В МАСТЕРСКОЙ

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там, в окне, в зеленой мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Смутный час. . . Все линии нерезки.
Все предметы стали далеки.
Бледный луч от алой занавески
Оттеняет линию щеки.
Мир теней погасших и поблѣклых,
Хризантемы в голубой пыли;
Стебли трав, как кружево, на стеклах. . .
Мы — глаза таинственной земли. . .
Вглубь растут непрожитые годы.
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.

Девочка милая, долгой разлукою
Время не сможет наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю;

Близко касаются головы наши,
Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным
движеньем,
Звездные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым
отраженьем
Нашего вечного, слитного Я.

Ночь придет. За бархатную мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укурю,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre Dame.¹
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними тайну тайн Египта —
Бледный лик царевны Таиах. . .

11 октября 1905

Париж

¹ Нотр-Дам (франц.). — Ред.

ВОСЛЕД

Мысли поют: «Мы устали... мы стынем...»
Сплю. Но мой дух неспокоен во сне.
Дух мой несется по снежным пустыням
В дальней и жуткой стране.

Дух мой с тобою в качанье вагона.
Мысли поют и поют без конца.
Дух мой в России... Ведет Антигона
Знойной пустыней слепца.

Дух мой несется, к земле припадая,
Вдоль по дорогам распятой страны.
Тонкими нитями в сердце вращая,
В мире клубятся кровавые сны.

Дух мой с тобою уносится... Иней
Стекла вагона заткал, и к окну,
К снежной луне, гиацинтово-синей,
Вместе с тобою лицом я прильну.

Дух мой с тобою в качанье вагона.
Мысли поют и поют без конца...
Горной тропюю ведет Антигона
В знойной пустыне слепца...

Февраль 1906

Париж

* * *

Александрѣ Михайловнѣ Петровой

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать,
что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

1906

Богдановщина

РУАНСКИЙ СОБОР

Руан 24 июля 1905 года

Анне Рудольфовне Минцловой

1

НОЧЬ

Вечер за днем беспокойным
Город, как уголь, зардел,
Веет прерывистым, знойным,
Рдяным дыханием тел.

Плавны, как пение хора,
Прочь от земли и огней
Высятся дуги собора
К светлым пространствам ночей.

В тверди сияюще-синей,
В звездной алмазной пыли,
Нити стремительных линий
Серые сети сплели.

В горний простор без усилья
Взвились громады камней...
Птичьи упругие крылья —
Крылья у старых церквей!

1906

ЛИЛОВЫЕ ЛУЧИ

О фиолетовые грозы,
Вы — тень алмазной белизны!
Две аметистовые Розы
Сияют с горней вышины.

Дымится кровь огнем багровым,
Рубины рдеют винных лоз,
Но я молюсь лучам лиловым,
Пронзившим сердце вечных Роз.

И я склоняюсь на ступени,
К лиловым пятнам темных плит,
Дождем фиалок и сирени
Во тьме сияющей облит.

И храма древние колонны
Горят фиалковым огнем.
Как аметист, глаза бессонны
И сожжены лиловым днем.

1967

ВЕЧЕРНИЕ СТЕКЛА

Гаснет день. В соборе всё поблекло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стекла
В глубине готических пещер.

Темным светом вытканые ткани,
Страстных душ венчальная фата,
В них рубин вина, возникший в Кане,
Алость роз, расцветших у креста,

Хризолит осенний и пьянящий,
Мед полудней — царственный яштарь,
Аметист — молитвенный алтарь,
И сапфир испуганный и зрящий.

В них горит вечерний океан,
В них призыв далекого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.

Тем, чей путь таинственно суров,
Чья душа тоскою осиянна,
Вы — цветы осенних вечеров,
Поздних зорь далекая Осанна.

1907

4

СТИГМАТЫ

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведет?
Под ногой не гулкий чую камень,
А журчанье вещей вод. . .

Дух пронзают острые пилястры,
Мрак ужален пчелами свечей.

О, сердца, расцветшие, как астры,
Золотым сиянием мечей!

Свет страданья, алый свет вечерний
Пронизал резной, узорный храм.
Ах, как жалят жала алых терний
Бледный лоб, приникший к алтарям!

Вся душа — как своды и порталы,
И, как синий ладан, в ней испуг.
Знаю вас, священные кораллы
На ладонях распростертых рук!

1967

5

СМЕРТЬ

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко — в древнем храме
Вздох земли подъямлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди —
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, — вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись, завеса в темном храме,
Разомкнись, лазоревая твердь!
Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни — огненная Смерть!

1907

6

ПОГРЕБЕНЬЕ

Глубь земли. . . Источенные крипты.
Слышно пенье — погребальный клир.
Ветви пальм. Сухие эвкалипты.
Запах воска. Тление и мир. . .

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонков
Я сложу, как радостное бремя,
Как гирлянды праздничных венков.

Не придя к конечному пределу
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

Свет очей — любовь мою сыновью
Я тебе, незрячей, отдаю
И свою солнечную кровью
Злое сердце мрака напою.

1907

7

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сердце острой радостью ужалено.
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Небо в перьях — высится и яснится...
Жемчуг дня... Откуда мне сие?
И стоит собор — первопричастница
В кружевах и белой кисее.

По речным серебряным излучинам,
По коврам сияющих полей,
По селеньям, сжавшимся и скученным,
По старинным плитам площадей,

Вижу я, идут отроковицами,
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей — невесты во Христе.

Этим камням, сложенным с усилиями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

1907

БИМЕРИЙСКИЕ СУМЕРКИ

Константину Феодоровичу Богаевскому

1

ПОЛЫНЬ

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла,
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звезд, таких же
сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камни
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я — свет потухших солнц, я — слов
застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

1906

2

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный
Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в
серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу
миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и
орарях.

Припаду я к острым щербням, к серым срываю
размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой
торжественный Коктебель!

1907

3

Темны лики весны. Замутились влагой долины,
Выткали синюю даль прутья сухих тополей.
Тонкий снежный хрусталь опрозрачил дальние
горы.

Влажно тучнеют поля.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль по пустынным пескам.

1907

4

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели, красны, буры,
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники, и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры. . .
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте. . . А там — простор,
Там дышит тяжело усталый Океан свобода,
И веет запахом гниющих трав и йода.

1907

5

Здесь был священный лес. Божественный гонец
 Ногой крылатою касался сих прогалин.
 На месте городов ни камней, ни развалин.
 По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
 В зеленых сумерках таинственно печален.
 Чьей древнею тоской мой вещей дух ужален?
 Кто знает путь богов — начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щебни,
 И море древнее, вздымая тяжко гребни,
 Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
 И лики темные отвергнутых богов
 Глядят и требуют, зовут. . . неотвратимо.

1907

6

Равнина вод колышется широко,
 Обведена серебряной каймой.
 Мутится мыс, зубчатую стеной
 Ступив на зыбь расплавленного тока.

Туманный день раскрыл золотое око,
 И бледный луч, расплесканный волной,

Скользит, дробясь над мутной глубиной, —
То колос дня от пажитей востока.

В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

Вверх обрати ладони тонких рук —
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907

7

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых
гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные неизвестной страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзая и возмездя
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

1907

8

MARE INTERNUM ¹

Я — солнца древний путь от красных скал Тавриза
До темных врат, где стал Гераклов град —
Кадикс.

Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс,
И струйный столб огня на мне сверкает сизо.

Вот рдяный вечер мой: с зубчатого карниза
Ко мне склонился кедр и бледный тамариск.
Широко шелестит фиалковая риза,
Заливы черные сияют, как оникс.

Люби мой долгий гул и зыбких взводней змен,
И в хорах волн моих напевы Одиссеи.
Вдохну в скитальный дух я власть дерзать
и мочь,

И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

1907

¹ Внутреннее море (лат.). — *Ред.*

ГРОЗА

Див кличет по древию, велит послушати
Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу. . .

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим былъем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой

И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью —
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди, и вста звериный вой.

С туч ветер плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам. . .
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло. . .

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

1907

ПОЛДЕНЬ

Травую жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извилистой долины.

Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатую стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душистых трав, и камней отблеск
И злобный крик цикад, и клетот хищных
птиц —

Мутят сознание. И зной дрожит от крика. . .
И там — во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лика.

1907

11

ОБЛАКА

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (всё выше, всё тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздями глициний
Свисают вниз. . . Зной глуше и тусклей.

А по степям несется бег коней,
Как темный лет разгневанных эринний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на долы расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Ассуры.

1909

12

СЕХМЕТ

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто, с узкой грудью, с профилем гиены,
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою распаля.
И персть путей блуждает и томится. . .

124

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом отвечает земля.

1909

13

Сочилась желчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбка бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел четко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день — одна большая рана,
И вечер стал — запекшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

30 августа 1909

ОДИССЕЙ В КИММЕРИИ

Л. Д. Зиновьевой-Аннибал

Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн всё глуше голоса,

И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синеет полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рощ
Раин и ив, где папоротник, хвощ

И черный тис одели леса склоны...
Туда идем, к закатам темных дней,
Во сретенье тоскующих теней.

17 октября 1907
Коктебель

* * *

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты — слезный свет во тьме железной,
Ты — горький звездный сок. А я —
Я — помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи. . . Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день. . . Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907
Петербург

* * *

Блуждая в юности извилистой дорогой,
Я в темный Дантов лес вступил в пути своем,
И дух мой радостный охвачен был тревогой.

С безумной девушкой, глядевшей в водоем,
Я встретился в лесу. «Не может быть случайна, —
Сказал я, — встреча здесь. Пойдем теперь вдвоем».

Но, вещим трепетом объят необычайно,
К лесному зеркалу я вместе с ней приник,
И некая меж нас в тот миг возникла тайна.

И вдруг увидел я со дна встающий лик —
Горящий пламенем лик Солнечного Зверя.
«Уйдем отсюда прочь!» Она же птичий крик

Вдруг издала и, правде снов поверя,
Спустилась в зеркало чернеющих пучин. . .
Смертельной горечью была мне та потеря.

И в зрящем сумраке остался я один.

16 мая 1907

Москва

СОЛНЦЕ

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе — истоку Дня
Земля — свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

1907

Петербург

ПОЛДЕНЬ

Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи.
Горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь.
В черно-синем огне расцветают медные тучи.
Горечью дышит полынь.

В ярых горнах долин, упоенных духом лаванды,
Темным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
Мерно плывут над землей.

«Травы древних могил, мы выросли из камней и праха,
К зною из ночи и тьмы, к солнцу на зов возросли.
К полдням вынесли мы, трепеща от сладкого страха,
Мертвые тайны земли.

В зное полдней глухих мы пьянеем, горькие травы.
Млея по красным холмам, с иссиня-серых камней,
Душный шлем фимиам — благовонья сладкой отравы —
В море расплавленных дней».

1907

ОСЕНЬЮ

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьется в пляске
Красный лист, —
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,
Веток свист.

Ветер клонит
Ряд раки,т
Листья гонит
И вихрит.
Вихрей рати,
И на скате
Перекаати-
Поле мчит.

Воды мутит,
Гомит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там —
По нагорьям,
Плоскогорьям,

Лукоморьям
И морям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили,
Пепеля;
Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

В море прянет —
Вир встает,
Воды стянет,
Загудёт,
Рвет на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червлёный
Солнца диск —
Миллионы
Алых брызг!
Гребней взвивы,
Струй отливы,
Коней гривы,
Пены взвизг. . .

1967

Коктебель

* * *

Священных стран
Вечерние экстазы.
Сверканье лат
Поверженного Дня!
В волнах шафран,
Колышутся топазы,
Разлит закат
Озерами огня.

Как волоса,
Волокна тонких дымов,
Припав к земле,
Синеют, лиловеют.
И паруса,
Что крылья серафимов,
В закатной мгле
Над морем пламенеют.

Излом волны
Сияет аметистом,
Струистыми
Смарагдами огней. . .

О, эти сны
О небе золотистом!
О, пристани
Крылатых кораблей! . .

1907

* * *

Над горестной землей — пустынной и огромной,
Больной прерывистым дыханием ветров,
Безумной полднями, облитой кровью темной
Закланных вечеров —

Свой лик, бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несешь ты в славе дня!
Пустыни времени лучатся под стезею
Всезрящего огня.

Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста — к закату клонишь ты
И гасишь темный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.

На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры — сторожа покинутой земли —
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растет вдали.

И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письма на дорог, начертанных в пустыне.
И в небе числа звезд.

1907

* * *

Перепутал карты я пасьянса,
Ключ иссяк, и русло пусто ныне.
Взор пленен садами Иль-де-Франса,
А душа тоскует по пустыне.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе — пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...

Ноябрь 1908

* * *

Возлюби просторы мгновенья,
Всколоси их звонкую степь,
Чтобы мигов легкие звенья
Не спаялись в трудную цепь.
Ах, как тяжело бремя свободы,
Как темны просторы степей!
Кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей?

Что рук не свяжете?
Ног не подкосите?
На темной пажити
Меня не бросите?
Не веют крылья
Живых вестей
Здесь на развилии
Слепых путей.

Не зови того, кто уходит,
Не жалея о том, что прошло:
Дарит смерть, а жизнь лишь уводит.
Позабудь и знак и число.

Ах, как дики эти излоги!
Как грустна вечерняя муть! . .
Но иди: в полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь.

Край одиночества,
Земля молчания. . .
Сбылись пророчества,
Свершились чаянья.
Под синей схиною
Простерла даль
Неотвратимую
Печаль.

Осень 1908
Париж

* * *

Пришла изночница; в постель
Она со мной легла.
И мыслей сонную метель
Качает мгла.
Придет волна, отхлынет прочь,
Опять плеснет в лицо,
И пред зарею птица-ночь
Снесет яйцо. . .

1908

* * *

Вещий крик осеннего ветра в поле.
Завернувшись в складки одежды темной,
Стонет бурный вечер в тоске бездомной,
 Стонет от боли.

Раздирая тьму, облака, туманы,
Простирая алые к Ночи руки,
Обнажает Вечер в порыве муки
 Рдяные раны.

Плачьте, плачьте, плачьте, безумцы ветры,
Над горой, над полем глухим, над пашней...
Слышу в голых прутьях, в траве вчерашней
 Вопли Деметры.

1308

ПРИЗЫВ

У излучин бледной Леты,
Где неверный бродит день,
Льются призрачные светы,
Веет трепетная тень.

В белой мгле, в дали озерной,
Под наметом тонких ив,
Ты, гранатовые зерна
Тихой вечности вкусив,

Позабыла мир наш будний,
Плен одежд и трепет рук,
Темным золотом полудней
Осмугленный знойный луг.

Но, собрав степные травы —
Мак, шалфей, полынь и чобр, —
Я призывные отравы
Расточу меж горных ребр.

Я солью в сосуде медном
Жизни желчь и смерти мед,

И тебя по рекам бледным
К солнцу горечь повлечет.

Время сетью легких звений
Оплетет твой белый путь,
Беглым золотом мгновений
Опалит земную грудь,

И, припав к родному полю
(Все ли травки проросли?),
Примешь сладкую неволю
Жизни, лика и земли.

1908

* * *

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодной синью,
Я пришла по сожженным лугам.
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликам ветра и голосу моря. . .

Май 1909
Коктебель

ОНА

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она — забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца — Таиах —
И покрывало Моны Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи

Пред ликом восковых мадонн
На знойных улицах Севильи.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

Июль 1909

CORONA ASTRALIS ¹

1

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стоjar —
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, —
Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но — странные, — его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь —
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремится
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрит нам путь проверенных орбит!

¹ Звездный венок (лат.). — *Ред.*

2

Закрит нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя. . .
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, оставшие от роя! . .
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, —
Явь наших снов земля не истребит!

3

Явь наших снов земля не истребит:
В парче лучей истают тихо зори,
Журчанье утр сольется в днѣвном хоре,
Ущербный серп истлеет и сгорит,

Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей, разверстых на Фаворе,
Блеск близких Солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
Земных пустынь, ни жидкие топазы,
Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
Нам ведом день немеркнувших ночей, —
Полночных Солнц к себе нас манят светы.

4

Полночных Солнц к себе нас манят светы...
В колодцах труб пыливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы Пса до Веги и от Беты
Медведицы до трепетных Плеяд —
Они простор небесный бороздят,
Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел,
Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знания не потух.
Мы помним всё: наш древний, темный дух,
Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

5

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш звездный дух забвением ночей!

Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья недопеты. . .
Когда для всех сапфирами лучей
Сияет день, журчит в полях ручей, —
Для нас во мгле слепые бродят светы.

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
Напрасный ветер свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид. . .
Но он еще тоскливей и грустнее,
Наш горький дух. . . И память нас томит.

6

Наш горький дух. . . (И память нас томит. . .)
Наш горький дух пророс из тьмы, как травы,
В нем навий яд, могильные отравы.
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
Не создадут незыблемей оправы
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны и мертвый лик Сатурна —
Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушеньях звезд рождалась мысль и крепла,
Но дух устал от свеянного пепла, —
В нас тлеет боль внежизненных обид!

7

В нас тлеет боль внежизненных обид.
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит
Певучий дух, задушенный телами, —
Лаокоон, спутанный узлами
Горючих змей, напрягся... и молчит.

И никогда — ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

8

Изгнанники, скитальцы и поэты —
Кто жаждал быть, но стать ничем не смог...
У птиц — гнездо, у зверя — темный лог,
А посох — нам и нищества заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
Расплескан мед, и песни недопеты.

О, в срывах воль найти, познать себя
И, горький стыд смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду,

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду —
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

9

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, —
Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
И запах тел, и шорохи растенья —
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света — Феб
Дает слепцам глубинные прозренья.
Скрыт в яслях бог. Пещера заточенья
Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве
Скупым Отцом ей возвращенный плод,
Свои дары избраннику несет —

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
Кто стал слепым игралищем судеб,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
 Видны края расписанной гробницы:
 И Солнца челн, богов подземных лица,
 И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
 В реке плоты, спит зверь, вьют гнезда птицы, —
 Так видит он из складок плащаницы
 И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
 Следить людей напрасные волненья,
 Без темных дум, без мысли «почему?»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
 Вкусив покой, неведомый тому,
 Кому земля — священный край изгнанья.

Кому земля — священный край изгнанья,
 Того простор полей не веселит,
 Но каждый шаг, но каждый миг таит
 Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцанья,
 Как будто он на камнях древних плит
 Хотел прочесть священный алфавит
 И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущенье клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

12

Кто видит сны и помнит имена,
Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, принял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена.

Кто не пошел искать земной улады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
Всё ж не извел родную тень со дна, —
Тому в любви не радость встреч дана.

13

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,

Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски — навеки одинокой,
Как зыбь морей пустынной и широкой, —
Он не отдаст. Кто оцет жаждал — тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

14

А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий — нам.
Нам не ступать по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманному снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз.
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной
Тьмы,
В себе несем свое изгнание мы —
В мирах любви неверные кометы!

15

В мирах любви, — неверные кометы, —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, —
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля — священный край изгнания,

Кто видит сны и помнит имена, —
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!

Август 1909
Коктебель

ДЕЛОС

Сергею Маковскому

Оком мертвенным Горгоны
Обожженная земля:
Гор зубчатые короны,
Бухт зазубренных края.

Реет в море белый парус. . .
Как венец с пяти сторон —
Сизый Сирос, синий Парос,
Мирто, Наксос и Микон.

Гневный Лучник! Вождь мгновений!
Предводитель мойр и муз!
Налагатель откровений,
Разрешитель древних уз!

Сам из всех святынь Эллады
Ты своей избрал страной
Каменистые Циклады,
Делос знойный и сухой.

Ни священных рощ, ни кладбищ
Здесь не ўзрят корабли,
Ни лугов, ни тучных пастбищ,
Ни питающей земли.

Только лавр по склонам Цинта,
Да в тенистых щелях стен
Влажный стебель гиацинта,
Кустик белых цикламен.

Но среди безводных кручей
Сердцу бога сладко мил
Терпкий дух земли горячей,
Запах жертв и дым кадил.

Делос! Ты престолом Феба
Наг стоишь среди морей,
Воздымая к солнцу — в небо
Дымы черных алтарей.

1909

* * *

Станет солнце в огненном притине,
Струйки темной потекут жары. . .
Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.

Дрём ветвей, пропитанных смолою,
Листья, мох и травы я сложу
И огню, плененному землею,
Золотые крылья развяжу.

Вспыхнут травы пламенем багровым,
Золотисто-темным и седым,
И потянет облаком лиловым
Горький, терпкий и пахучий дым.

Ты, Ликей! Ты, Фойбос! Здесь ты, близко!
Знойный гнев, Эойос, твой велик!
Отрок-бог! Из солнечного диска
Мне яви сверкающий свой лик.

1909

* * *

Дубы нерослые поднимают облак крон,
Таятся в толще скал теснины, ниши, гроты.
И дождь, и ветер, и зной следы глухой работы
На камни врезали. Источен горный склон,
Расцветен лишаям и мохом обрамлен,
И стены высятся, как древние киоты;
Здесь чернь и киноварь, там — пятна позолоты
И лики стертые неведомых икон...

1909

* * *

Ступни горят, в пыли дорог душа...
Скажи: где путь к невидимому граду?
— Остановись. Войди в мою ограду
И отдохни. И слушай не дыша,
Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.

Январь 1910

* * *

Ты живешь в молчанье темных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и таинства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо...

12 февраля 1910

* * *

День морозно-сизый расцвел и замер,
Побелело море, целуя отмель,
Всхлипывают волны, роняют брызги
Крылья тумана...
Обнимает сердце покорность. Тихо...
Мысли замирают. В саду маслина
Простирает ветви к слепому небу
Жестом рабыни...

20 февраля 1910

**ИЗ ЦИКЛА
«КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА»**

1

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы изможденной.
Здесь каждый след сожжен тоской,
Здесь каждый холм — порыв стесненный.

Я вновь пришел — к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.

Всё так же пуст Эвксинский понт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,
Текучий, гулкий и лиловый.

9 февраля 1910

2

Седым и низким облаком дол повит...
Чернильно-сини кручи лиловых гор.

Горелый, ржавый, бурый цвет трав.
Полосы йода и пятна желчи.

В морщине горной, в складках тисненных кож
Тускнеет сизый блеск чешуи морской.

Скрипят деревья. Вихрь траву рвет,
Треплет кусты и разносит брызги.

Февральский вечер сизой тоской повит.
Нагорной степью мой путь уходит вдаль.

Жгутами струй сечет глаза дождь.
Северный ветер гудит в провалах.

1910

3

К излогам гор душа влекома...
Яры, увалы, ширь полей...
Всё так печально, так знакомо...
Сухие прутья тополей,
Из камней низкая ограда,
Быльем поросшая межа,
Нагие лозы винограда
На темных глыбах плантажа,
Лучи дождя и крики птичьи,
И воды тусклые вдали,
И это горькое величье
Весенней вспаханной земли...

12 февраля 1910

4

Солнце! Твой родник
 В недрах бьет по темным жилам. . .
 Воззывающий свой лик
 Обрати к земным могилам!

Солнце! Из земли
 Руки черные простерты. . .
 Воды снежные стекли,
 Тали в поле ветром стерты.

Солнце! Прикажи
 Виться лозам винограда.
 Завязь почек развяжи
 Властью пристального взгляда!

14 февраля 1910

5

Звучит в горах, весну встречая,
 Ручьев прерывистая речь;
 По сланцам стебли молочая
 Встают рядами белых свеч.

А на полянах влажно-мшистых
 Среди сгнивших за зиму листов —
 Глухие заросли безлистных
 Лилово-дымчатых кустов.

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.

16 февраля 1910

6

Облака клубятся в безднах зеленых
Лучезарных пустынь восхода,
И сбегают тени с гор обнаженных
Цвета роз и меда.

И звенит и блещет белый стеклярус
За Киик-Атламой костистой,
Плещет в синем ветре дымчатый парус,
Млеет след струистый.

Отливают волны розовым гляncем,
Влажные выгибая гребни,
Индевет берег солью и сланцем,
И алеют щебни.

Скрыты горы синью пятен и линий —
Переливами перламутра. . .
Точно кисть лиловых бледных глициний,
Расцветает утро.

21 февраля 1910

7

Над синевой зубчатых чаш,
 Над буро-глинистыми лбами
 Июньских ливней темный плащ
 Клубится дымными столбами.
 Веселым дождевым вином,
 Водами, пьяными, как сусло,
 И пенно-илистым руном
 Вскипают жаждущие русла.
 Под быстрым градом тонких льдин
 Стучат на крышах черепицы,
 И ветки сизые маслин
 В испуге бьют крылом, как птицы.
 Дождь, вихрь и град — сечет, бьет, льет
 И треплет космы винограда,
 И рвется под бичами вод
 Кричащая Гамадриада. . .
 И пресных вод в песке морском
 Встал дыбом вал, ярясь и споря,
 И желтым ширится пятном
 В прозрачной прозелени моря.

13 июня 1913

8

Сквозь облак тяжелые свитки,
 Сквозь ливней косые столбы
 Лучей золотистые слитки
 На горные падают лбы.

Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным, полынным лугам
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,
Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Всё шире, всё шире, всё шире
Развертывается прибой.

18 ноября 1919

9

Опять бреду я босоногий;
По ветру лоснится ковыль;
Что может быть нежней, чем пыль
Степной разъезженной дороги? ..
На бурый стелется ковер
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так бледны дали серых гор!
Соленый ветер в пальцах вьется. . .
Ах, жажду счастья, хмель отрав
Не утолит ни горечь трав,
Ни соль овечьего колодца. . .

16 октября 1919

10

Твоей тоской душа томима,
Земля утеранных богов!
Дул свежий ветр. . . Мыплыли мимо
Однообразных берегов.

Ныряли чайки в хлябь морскую,
Клубились тучи. Я смотрел,
Как солнце мечет в зыбь стальную
Алмазные потоки стрел,

Как с черноморской волной
Азова илистые воды
Упорно месит ветер крутой
И, вестник близкой непогоды,

Развертывает свитки туч,
Срывает пену, вихрит смерчи,
И дальних ливней темный луч
Повис над берегами Керчи.

1912

11

Заката алого заржавели лучи
По склонам рыжих гор... и облачной галеры
Погасли паруса. Без края и без меры
Растет ночная тень. Остановись. Молчи.

Каменья зноем дня во мраке горячи.
Луга полынные нагорий тускло-серы.
И низко над холмом дрожащий серп Венеры
Как пламя воздухом колеблемой свечи...

1913

КАРАДАГ

1

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неуемной дрожью,
Направь ладью к ее подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил —
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь утор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

14 июня 1918

2

Над черно-золотым стеклом
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,

Беззвучно оплыви кругом
Сторожевые изваянья,
Войди под стрельчатый намет,
И пусть душа твоя поймет
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря — безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

17 июня 1918

13

КОКТЕБЕЛЬ

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит

172

Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заклучена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой, —
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

6 июня 1918

14

Акрополи в лучах вечерней славы.
Кастилий нищих рыцарский покров.
Трояды скорбь среди немых холмов.
Апулии зеркальные оправы.

Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.

Озер агатовых колдующие очи.
Сапфирами увлажненные ночи.
Сухие русла, камни и полынь.

Теней Луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты. . .

24 октября 1916

15

ПУСТЫНЯ

И я был сослан в глубь степей,
И я изведаль мир огромный
В дни страннической и бездомной
Пытливой юности моей.

От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озер

Вели ступени плоскогорий
К престолом азиатских гор,

Откуда некогда, бушуя,
Людские множества текли,
Орды и царства образуя
Согласно впадинам земли;

И, нисходя по склонам горным,
Селился первый человек
Вдоль по теченьям синих рек,
По тонким заводям озерным,

И оставлял на дне степей
Меж чернобыльника и чобра
Быков обугленные ребра
И камни грубых алтарей.

Как незапамятно и строго
Звучал из глубины веков
Глухой пастуший голос рога
И звон верблюжьих бубенцов,

Когда, овейный туманом,
Сквозь сон миражей и песков,
Я шел с ленивым караваном
К стене непобедимых льдов.

Шел по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам,
Под небом исступленно-синим
Вослед пылающим столпам.

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звездном дереве времен,

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой купины.

19 ноября 1919

Коктебель

* * *

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.
Нам темной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смирняя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч. . .

Невольник жизни дольней — богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней — уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль — бессмертна жажда муки!

20 марта 1910

* * *

Я, полуднем объятый,
Точно терпким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном;

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной Луны,

Запах лилий и гнили,
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

10 апреля 1910

* * *

Склоняясь ниц, овеян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
 О мать земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
 Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
 Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело бога
 Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
 Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли —
Благодарю!

7 ноября 1910

* * *

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я,
Что мы в кольце одной неволи —
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

3 декабря 1910

* * *

К Вам душа так радостно влекома!
О, какая веет благодать
От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик черный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы? Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня — невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живем для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)

Ваша книга странно взволновала —
В ней сокрытое обнажено,

В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я перешел порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо — есть!»

9 декабря 1910

* * *

Дети солнечно-рыжего меда
И коричнево-красной земли —
Мы сквозь плоть в темноте проросли,
И огню наша сродна природа.
В звездном улье века́ и века́
Мы, как пчелы у чресл Афродиты,
Вьёмся, солнечной пылью повиты,
Над огнем золотого цветка.

1910

* * *

В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог —
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной гибели обрек.

И, не противясь древней силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили.

Не верил в чудо смерти жрец,
И жертва тайны не страшилась,
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.

1910

* * *

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговейно
Текущий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

1910

* * *

Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог. . .
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова. . .

Смирясь, я всё ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал.

И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, —
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.

1910

* * *

Теперь я мертв. Я стал строками книги
 В твоих руках. . .
И сняты с плеч твоих любви вериги,
 Но жгуч мой прах.
Меня отныне можно в час тревоги
 Перелистать,
Но сохранят всегда твои дороги
 Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
 Стихов моих,
Но вслушайся — ты слышишь пенье птицы?
 Он жив — мой стих!
Не отходи смущенной Магдалиной —
 Мой гроб не пуст. . .
Коснись единый раз на миг единый
 Устами уст.

1910

* * *

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь — ко мне стучалась ты,
То требуя стихов, то ласки, то игрушки
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой мечты в тебе горит бесплодно?
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, всё великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

21 декабря 1911

* * *

Возьми весло, ладью отчаль,
И пусть в ладье вас будет двое.
Ах, безысходность и печаль
Сопровождают всё земное.

1911

* * *

Безумья и огня венец
Над ней горел.
И пламень муки,
И ясновидящие руки,
И глаз невидящий свинец,
Лицо готической сивиллы,
И строгость щек, и тяжесть век,
Шагов ее неровный бег —
Всё было полно вещей силы.
Ее несвязные слова,
Ночным мерцающие светом,
Звучали зовом и ответом.
Таинственная синева
Ее отметила средь живших. . .
. . . И к ней бежал с надеждой я
От снов дремучих бытия,
Меня отвсюду обступивших.

1911

* * *

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках в складках
Глубоких заливов
Ждал я призыва и знака,
И раз пред рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновнесть свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Перепополняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы

И читать судьбу человека
По линиям вещих ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что растет,
Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягощенные ветви.
И если я причинял боль,
То потому только,
Что жалостлив был в те мгновенья,
Когда надо быть жестоким,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели. . .

1911

ДВА ДЕМОНА

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счетчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.
Я тот, кто кинул шарик планет
В огромную рулетку Зодиака.

1911

2

На дно миров пловцом спустился я —
Мятежный дух, послушник вышней воли.

Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилим — могуч.
Лишенный крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил — един в моей цевнице,
Как в радуге — един распятый луч.

7 февраля 1915
Париж

* * *

Так странно, свободно и просто
Мне выявлен смысл бытия,
И скрытое в семени «я»,
И тайна цветенья и роста.
В растенье и в камне — везде,
В горах, в облаках, над горами
И в звере, и в синей звезде
Я слышу поющее пламя.

Август 1912

МАЙЕ

Когда февраль чернит бугор
И талый снег синеет в балке,
У нас в Крыму по склонам гор
Цветут весенние фиалки.
Они чудесно проросли
Меж влажных камней в снежных лапах,
И смешан с запахом земли
Стеблей зеленых тонкий запах.
И ваших писем лепестки
Так нежны, тонки и легки,
Так чем-то вещим сердцу жалки,
Как будто бьется в них, дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской маленькой фиалки.

28 января 1913

* * *

Я узнаю себя в чертах
Отриколийского кумира
По тайне благостного мира
На этих мраморных устах.

О, вещий голос темной крови!
Я знаю этот лоб и нос,
И тяжкий водопад волос,
И эти сдвинутые брови. . .

Я влагой ливней нисходил
На грудь природы многолицей,
Плодотворя ее. . . я был
Быком, и облаком, и птицей. . .

В своих неизреченных снах
Я обнимал и обнимаю
Семелу, Леду и Данаю,
Поя бессмертьем смертный прах.

И детский дух, землей томимый,
Уносит царственный орел
На олимпийский мой престол
Для радости неугасимой. . .

1 февраля 1913

* * *

В янтарном забытьи полуденных минут
С тобою схожие проходят мимо жены,
В душе взволнованной торжественно поют
Фанфары Тьеполо и флейты Джорджионе.

И пышный снится сон: и лавры, и акант
По мраморам террас, и водные аркады,
И парков замкнутых душистые ограды
Из горьких буксусов и плющевых гирлянд.

Сменяя тишину веселым звоном пира,
Проходишь ты, смеясь, меж перьев и мечей,
Меж скорбно-умных лиц и блестящих речей
Шутов Веласкеса и дураков Шекспира...

Но я не вижу их... Твой утомленный лик
Сияет мне один на фоне Ренессанса,
На дымном золоте испанских майолик,
На синей зелени персидского фаянса...

1 февраля 1913

* * *

И будут огоньками роз
Цвести шиповники, алея,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных,
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожженных.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдешь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кошт, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.
Крылом зубчатым вырастая,
Коснется моря тень вершин,
И ты возникнешь, млея, тая,
В полынном сумраке долин.

14 июня 1913

* * *

И было так, как будто жизни звенья
Уж были порваны... успокоенье
Глубокое... и медленный отлив
Всех дум, всех сил... Я сознавал, что жив,
Лишь по дыханью трав и повилики.
Восход Луны встречали чаек клики...
А я тонул в холодном лунном сне,
В мерцающей лучистой глубине,
И на меня из влажной бездны плыли
Дожди комет, потоки звездной пыли...

5 июля 1913

* * *

Я быть устал среди людей,
Мне слышать стало нестерпимо
Прохожих свист и смех детей...
И я спешу, смущаясь, мимо,
Не подымая головы,
Как будто не привыкло ухо
К враждебным ропотам молвы,
Растущим за спиною глухо;
Как будто грязи едкий вкус
И камня подлого укус
Мне не привычны, не знакомы...
Но чувствовать еще больней
Любви незримые надломы
И медленный отлив друзей,
Когда, нездешним сном томима,
Дичась, безлюдует душа
И замирает не дыша
Клубами жертвенного дыма.

8 июля 1913

* * *

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата.

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом, — со мною тайно схожий, —
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

1913

* * *

Мой пыльный пурпур был в лоскутьях,
Мой дух горел: я ждал вестей,
Я жил на людных перепутьях
В толпе базарных площадей.
Я подходил к тому, кто плакал,
Кто ждал, как я... Поэт, оракул —
Я толковал чужие сны...
И в бледных бороздах ладоней
Читал о тайнах глубины
И муках длительных агоний.
Но не чужую, а свою
Судьбу искал я в снах бездомных
И жадно пил от токов темных,
Не причащаясь бытию.
И средь ладоней неисчетных
Не находил еще такой,
Узор которой в знаках четных
С моей бы совпадал рукой.

1913

* * *

Над головою подымая
Снопы цветов, с горы идет...
Пришла и смотрит...

Кто ты?

— Майя.

Благословляю твой приход.
В твоих глазах безумство. Имя
Звучит, как мира вечный сон...
Я наважденьями твоими
И зноем солнца ослеплен.
Войди и будь.

Я ждал от рока
Вестей. И вот приносишь ты
Подсолнечник и ветви дрока —
Полудня жаркие цветы.
Дай разглядеть себя... Волною
Прямым, лоснящихся волос
Прикрыт твой лоб, над головою
Сиянье вихрем завилось.
Твой детский взгляд улыбкой сужен,
Недетской грустью тронут рот,
И цепью маленьких жемчужин
Над бровью выступает пот.

Тень золотистого загара
На разгоревшихся щеках...
Так ты бежала... вся в цветах...
Вся в нимбах белого пожара...
Кто ты? дитя? царевна? паж?
Тебя такой я принимаю:
Земли полуденный мираж,
Иллюзию, обманность... — майю.

7 июля 1914

* * *

В эту ночь я буду лампадой
В нежных твоих руках...
Не разбей, не дыши, не падай
На каменных ступенях.

Неси меня осторожней
Сквозь мрак твоего дворца, —
Станут биться тревожней,
Глуше наши сердца...

В пещере твоих ладоней —
Маленький огонек —
Я буду пылать иконней...
Не ты ли меня зажег?

До 8 июля 1914

* * *

Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая...
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым —
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, —
Люби его с плотью и кровью —
Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно —
Люби его в самое сердце!

8 июля 1914

* * *

Томимый снами, я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветер упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега.

Август 1914
Дорнах

* * *

Ангел непогоды пролил огонь и гром,
Напоив народы яростным вином.

Средь земных безлюдий тишина гудит
Грохотом орудий, топотом копыт.

Преклоняя ухо в глубь души, внемли,
Как вскипает глухо желчь и кровь земли.

Ноябрь 1914
Дорнах

* * *

Плывущий за руном по хлябям диких вод
И в землю сеющий драконьи зубы — вскоре
Увидит в бороздах не озими, а всход
Гигантов борющихся... Горе!

3 февраля 1915

* * *

В осенний день по стынувшим полянам
Дымящиеся водят борозды
Не пахари; не радуется ранам
Своим земля; не плуг вскопал следы;
Не семена пшеничного посева,
Не ток дождей в разъявшуюся новь —

Но сталь и медь, живую плоть и кровь
Недобрый Сеятель в годину лжи и гнева
Рукою щедрою посеял. . . Бед
И ненависти колос, змеи плевел
Взойдут в полях безрадостных побед,
Где Землю-мать жестокий сын прогневил.

3 февраля 1915
Париж

* * *

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынувшей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех. Одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

5 февраля 1915
Париж

* * *

Я глазами в глаза вникал,
Но встречал не иные взгляды,
А двоящиеся анфилады
Повторяющихся зеркал.

Я стремился чертой и словом
Закрепить преходящий миг.
Но мгновенно плененный лик
Угасает, чтоб вспыхнуть новым.

Я боялся, узнав — забыть...
Но в стремлении нет забвенья.
Чтобы вечно сгорать и быть —
Надо рвать без печали звенья.

Я пленен в переливных снах,
В завивающихся круженьях,
Раздробившийся в отраженьях,
Потерявшийся в зеркалах.

7 февраля 1915

РЕЙМСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

В минуты грусти просветленной
Народы созерцать могли
Ее — коленопреклоненной
Средь виноградников земли.
И всех, кто сном земли недужен,
Ее целила благодать,
И шли волхвы, чтоб увидеть
Ее — жемчужину жемчужин.
Она несла свою печаль,
Одета в каменные ткани,
Прозрачно-серые, как даль
Спокойных óвидей Шампани.
И соткан был ее покров
Из жемчуга лугов поемных,
Туманных утр и облаков,
Дождей хрустальных, ливней темных.
Одежд ее чудесный сон,
Небесным светом опален,
Горел в сиянье малых радуг,
Сердца мерцали алых роз,
И светотень курчавых складок
Струилась прядями волос.

Земными создана руками,
Она сама была землей —
Ее лугами и реками,
Ее предутренними снами,
Ее вечерней тишиной.
 ..И, обнажив, ее распяли...
Огонь лизал и стрелы рвали
Святую плоть... И по ночам,
В порыве безысходной муки,
Ее обугленные руки
Простерты к зимним небесам.

19 февраля 1915

Париж

АПОЛЛИОН

И открыл он кладезь бездны,
и вышла саранча...

Апокалипсис IX, 1—12

Из звездной бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший:

«Время

Топтать точило ярости!
За то, что люди
Для демонов, им посланных служить,
Тела построили
И создали престолы;
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра;
За то, что в своевольных теченьях воздуха
Сплели гнездо
Мятежным духам взрыва;
За то, что безразличью
Текучих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса;
За то, что скупость руд
В рать пауков железных превратили,

Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити, —
За то
Освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, скованный в круженьях вещества
И в пляске вихрей, —
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не покорят их вновь,
В себе самих смилив и оборов
Гнев, Скупость, Своеволие, Безразличие...»

И видел я:
Раскрылись двери неба
В созвездье Льва,
И бесы
На землю ринулись...
Оставив дома,
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырвыши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ,
Сами — и пастыри и пища.
Время
Как будто опрокинулось...
И не крещенным водой Потопа
Казался мир:
Из тины выползали

Огромные, коленчатые гады,
Железные кишки пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали снопы огня
И жалили хвостом,
В морях и реках рыбы
Метали икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застлался,
Падали на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых,
Чудовищных строением и размером,
В телах людей горючие личинки оставляли;
И эти полчища исчадий, получивших
И лик, и плоть, и злобу от людей,
Снедь человечью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли, жевали, пожирали,
А города, подобно жерновам
Без усталости работая, мололи
Зерно отборное из первенцев семейств
На пищу демонам. . .

И Ангел Бездны,
Ликуя, возгласил:
«Снимается проклятье Вавилона!
Языков разделенью пришел конец!
Одни и те же речи живут в устах врагов.
Но смысл имен и емкость слов я искажил внутри:
Понятья спутались,
Язык же стал безвыходно единым.
Каждый мыслит войной убить войну

И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь,
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как блудница,
Ласкает воинов,
А Истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Обледенелой крови. . .»

23 апреля 1915

Париж

ДРУГУ

А я, таинственный певец,
На берег выброшен волною. . .

Мы, столь различные душою,
Единый пламень берегли,
И братски связаны тоскою
Одних камней, одной земли.
Одни сверкали нам вдали
Созвездий пламенные диски;
И где бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Феодосийские холмы.
Нас тусклый плен земной тюрьмы
И рдяный уголь горящей правды
Привел к могильникам Ардавды,
И здесь, вверяясь бытию,
Снастили мы одну ладью;
И, зорко испытывая дали
И бег волнистых облаков,
Крылатый парус напрягали
У киммерийских берегов.
Но ясновидящая сила
Хранила мой беспечный век:
Во сне меня волною смыло
И тихо вынесло на брег.
А ты, пловец, с душой бессонной

От сновидений и молитв,
Ушел в круговороты битв
Из мастерской уединенной.
И здесь, у чуждых берегов,
В молчанье ночи одинокой
Я слышу звук твоих шагов,
Неуловимый и далекий.

Я буду волить и молить,
Чтобы тебя в кипенье битвы
Могли, как облаком, прикрыть
Неотвратимые молитвы.
Да оградит тебя господь
От Князя огненной печали,
Тоской пытающего плоть,
Да защитит от едкой стали,
От жадной меди, от свинца,
От стерегущего огнива,
От злобы яростного взрыва,
От стрел крылатого гонца,
От ядовитого дыханья,
От проникающих огней,
Да не смутят души твоей
Ни гнева сладостный елей,
Ни мести жгучее лобзанье.
Да не прервутся нити прях,
Сидящих в пурпурных лоскутьях
На всех победных перепутьях,
На всех погибельных путях.

23 августа 1915

Биарриц

* * *

Ты держишь мир в простертой длани,
И ныне сроки истекли. . .
В начальный год Великой Брани
Я был восхйщен от земли.

И, на замо́к небесных сводов
Поставлен, слышал, смуты полн,
Растущий вопль земных народов,
Подобный реву многих волн.

И с высоты недостижимой
Извергся Вестник, оку зримый,
Как вихрь сверлящей синевы.
Огнем и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.

И, сводом потрясая звездным,
На землю кинул он ключи,
Земным приказывая безднам
Извергнуть гучи саранчи,
Чтоб мир пасти жезлом железным.

А на вратах земных пещер
Он начертал огнем и серой:
«Любовь воздай за меру мерой,
А злом за зло воздай без мер».

И, став как млечный вихрь в эфире,
Мне указал Весы:

«Смотри:

В той чаше — мир; в сей чаше — гири:
Всё прорастающее в мире
Давно завершено внутри».

Так был мне внешний мир показан
И кладезь внутренний разъят.
И, знаньем звездной тайны связан,
Я ввержен был обратно в ад.

Один среди враждебных ратей —
Не их, не ваш, не свой, ничей —
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

11 сентября 1915

Биарриц

* * *

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло?

Не ты ли
Смесил народы
Густо и крепко,
Заквасил тесто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людские
В точиле гнева?

Не ты ли
Поэта кинул
На стогны мира
Быть оком и ухом?

Не ты ли
Отнял силу у рук
И запретил
Сложить обиды
В глубокой чаше
Земных весов,
Но быть назначил
Стрелой, указующей
Разницу веса?

Не ты ли
Неволил сердце
Благословить
Убийц и жертву,
Врага и брата?

Не ты ли
Неволил разум
Принять свершенье
Непостижимых
Твоих путей
Во всем горенье
Противоречий,
Несовместимых
Для человеческой
Стесненной мысли?

Так дай же силу
Поверить в мудрость
Пролившей крови;
Дозволь увидеть

Сквозь смерть и время
Борьбу народов
Как спазму страсти,
Извергшей семя
Внемирных всходов!

1 декабря 1915

Париж

* * *

Верь в безграничную мудрость мою:
Заповедь людям двойную даю.
Сын благодати и пасынок нив!
Будь благодарен и будь справедлив!
Мера за меру. Добро за добро.
Честно сочти и верни серебро.
Да не бунтует мятежная кровь.
Равной любовью плати за любовь.
Два полюбивших да станут одно,
Да не расплещут святое вино!

1915

* * *

И был повергнут я судьбой
В кипящий горн страстей народных —
В сей град, что горькою звездой
Упал на узел токов водных.

1915

* * *

Чем глубже в раковины ночи
Уходишь внутренней тропой,
Тем строже светит глаз слепой,
А сердце бьется одиноче. . .

1915

* * *

Пламенный истлел закат...
Стелющийся дым костра,
Тлеющего у шатра,
Вызовет тебя назад...
 Жду тебя, дальний брат, —
 Брошенная сестра...

Топот глухих копыт
Чуткий мой ловит слух...
Всадник летит, как дух,
Взмыленный конь храпит...

Дышит в темноте верблюды,
Вздрагивают бубенцы,
Тонкие свои венцы
Звезды на песке плетут...
 Мысли мои — гонцы
 Вслед за конем бегут.

19 июля 1916

* * *

Не успокоена в покое,
Ты вся ночная в нимбе дня...
В тебе есть темное и злое,
Как в древнем пламени огня.

Твои негибкие уборы,
Твоих запястий бирюза,
И строгих девушек Гоморры
Любовь познавшие глаза,

Глухой и травный запах мирры —
В свой душный замыкают круг...
И емлют пальцы тонких рук
Клинок невидимой секиры.

Тебя коснуться и вдохнуть...
Узнать по запаху ладоней,
Что смуглая натерта грудь
Тоскою древних благовоний.

14 декабря 1916

Ограниченье себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли
И от воли — для отрешенности сознания.
Когда же и сознание внутри себя ты сможешь
погасить —

Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо —
Живою кровью принесенных жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах
знанья,
Чтоб испытать сыновность и сиротство,
И немоту отверженной земли.
Душа твоя пройдет сквозь пытку и крещенье
Страстную влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зеркалах зёмных вод.
Твое сознание будет

Потеряно в лесу противучувств,
Средь черных пламеней, среди пожарищ мира.
Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспамятного «я»,
Увидишь ты, что все явленья —
Знаки,
По которым ты вспоминаешь самого себя
И волокно за волокном собираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земли,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду — и в тварях и в вещах — томится
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты — освободитель божественных имен,
Пришедший изназвать
Всех духов — узников, увязших в веществе,
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума
Вселенную Свободы и Любви, —
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

24 июня 1917

Коктебель

МАТЕРИНСТВО

Мрак... Мать... Смерть... созвучное
единство...

Здесь рокот внутренних пещер,
там свист серпа в разрывах материнства:
из мрака — смерч, гуденье дремных сфер.
Из всех узлов и вязей жизни — узел
сыновности и материнства — он
теснее всех и туже напряжен:
дверь к бытию водитель жизни сузил.
Я узами твоих кровей томим,
а ты, о мать, — найду ль для чувства слово?
Ты каждый день меня рождаешь снова
и мучима рождением моим.
Кто нас связал и бросил в мир слепыми?
Какие судьбы нами расплелись?
Как неотступно требуешь ты: «Имя
свое скажи мне! кто ты? назовись».
Не помню имени... но знай: не весь я
рожден тобой, и есть иная часть,
и судеб золотые равновесья
блюдет вершительная власть.
Свобода и любовь в душе неразделимы,
но нет любви, не налагавшей уз...

Тягло земли — двух смертных тел союз. . .
Как вихри мы сквозь вечности гонимы.
Кто возлюбил другого для себя,
плоть возжелав для плоти без возврата,
тому в свершении расплата:
через нас родятся те, кого, любя,
связали мы желаньем неотступным.
Двойным огнем ты очищалась, мать, —
свершая всё, что смела пожелать,
ты вознесла в слиянье целокупном
в себе самой возлюбленную плоть. . .
Но как прилив сменяется отливом,
так с этих пор твой каждый день господь
отметил огненным разрывом.
Дитя растёт, и в нём растёт иной,
не женщиной рожденный, непокорный,
но связанный твоей тоской упорной —
твоею вязью родовой.
Я знаю, мать, твой каждый час — утрата.
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
затем что в ней самой — награда и возврат!

5 июля 1917

ДМЕТРИУС-ИМПЕРАТОР

(1591—1613)

Убиенный много и восставый,
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И години более кровавой
Не видала Русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать, в сенях замешкав,
Голосила, плача надо мной.
С перерезанным наотмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет;
И рука господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.
Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человечесьим мясом пироги.
Проклиная царство Годунова,

В городах без хлеба и без крова
Мерзли у набитых закровов.
И разъялась земная утроба,
И на зов стнящих голосов
Вышел я — замученный — из гроба.

По Руси, что ветер, засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,
Пасолнцы на небе засвечал.
Над Москвою в полночь шестернею
Мчал, бичом по маковкам хлестал.
Вихрь-витной гулял я в ратном поле,
На московском венчаный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной — с лебедью — с Мариной
Я — живой и мертвый, но единый —
Обручался заклтым кольцом.

Но Москва дынула дыхом злобным —
Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске, с дудкою в руке,
А вокруг — вблизи и вдалеке —
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке. . .
Не видала Русь такого сраму.
А когда свезли меня на яму
И свалили в смрадную дыру —
Из могилы тело выходило
И лежало цело на юру.
И река от трупа отливала,
И земля меня не принимала.

На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Тут меня тогда уж стало много:
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасну в обличенье вора
Царь Василий, не стыдясь позора,
Детский труп из Углича опять
Вез в Москву — народу показать,
Чтобы я на царском на призоре
Почивал в Архангельском соборе
Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала
И меня, живого, обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу — безглавый —
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлую рекой
И, кружась по-над Москвою, в гневе,
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию — на Яик, —
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки.

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца — шел мне третий год —
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века — мертвый, неизбывный —
Правил я лихой годиною бед.
И опять приду — чрез триста лет.

19 декабря 1917

Коктебель

СТЕНЬКИН СУД

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змея Горынского,
Жду вестей из полунощных стран.

Всё ль, как прежде, сияет — не сглазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье, в начале поста?

Зажигают ли свечи, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Всё ль блюдут в воеводствах своих?

Благолепная да многохрамая,
А из ней хоть святых выноси...
Что-то чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как, бывало, казацкая, дерзкая,
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь —

Гребенская, донская да терская
Собиралась ватажить Сарынь,

Да на первом на струге, на «Соколе»,
С полюбовницей — пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.

Да как кликнешь сподрушных-приспешников:
«Васька Ус, Шелудяк да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод, да попов, да дворян.

Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
А за всё, что творил неуказного,
Лютый смертью своей заплатил.

Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.

Уж по-царски уважили пыткую:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу, на правую,
Сам судьей на Москву ворочусь,

Рассужу, развяжу — не помилюю, —
Кто хлопы, кто попы, кто паны. . .
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.

Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому всяк —
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех,
Поотрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех

И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.

Мы устроим в стране благолепье вам,
Как, восставши из мертвых с мечом,
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым
Да с Емелькой придем Пугачом.

22 декабря 1917
Коктебель

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

14 июля 1789. — Ничего.

Дневник Людовика XVI

Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль.
В ушах звенит призыв Камиля Демулена.
Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.
Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и Де-Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят столб и надпись: «Здесь
танцуют».

Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже. Помешали...

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:
«Четырнадцатого июля — ни-чего».

12 декабря 1917

ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещий луч...
Их судьбы — это лик господний,
Во мраке явленный из туч!

29 декабря 1917

Коктебель

ИЗ БЕЗДНЫ

Полночные вздулись воды.
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня. . .
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух, ему вопреки,
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным, —
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распяты серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть господь.

Я вижу в большом и малом
Водовороты комет...
Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

15 января 1918
Коктебель

ПРЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом германских орд
И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли, и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший «Акты
Остготских королей», следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых тибрских берегах, —
В те дни всё население Рима
Тотила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден
Был Вечный Град: ни огонь сглотать,
Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик, и пуст, и дик,
Как перевозданный материк.
В молчанье вещем цепенели,

Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —
Все вековые отложенья
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождая небосклон
И окоем земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья
И Древний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа,
И выпал мир. И принял папа
Державу, и престол воздвиг.
И новый Рим процвел — велик
И необъятен, как стихия.

Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть. . . Истлей, Россия!
И царством духа расцвети!

17 января 1918
Коктебель

ЕВРОПА

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хризолит,
Он говорил, указывая тростью:

«Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу,
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов,
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен, —
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей ее горючие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.

Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке,
И девушкой, лежащей на быке.
Полярным льдам уста ее открыты,
У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты,
Раскинул острова Архипелаг.
Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь матерние органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствовалище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.
И здесь, как муж, поял ее Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель,
Сквозь Бычий Ход Махмут-завоеватель
Проник к ее заветным берегам.
И зачала и понесла во чреве
Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и гнев
Собой Восток и Запад сопряжет!
Но, роковым охвачен нетерпеньем,
Всё исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.
Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его — всемирное служенье.
Двойным путем ведет его судьба —

Она и в имени его двуглава:
Пусть sclavus — раб, но Славия есть
СЛАВА:

Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Всё, что живет, и всё, что будет жить:
Как солнца бег нельзя предотвратить —
Зачатое не может не родиться.
В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!»

20 мая 1918
Коктебель

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? Есть или нет?
Омут... Стремнина... Головокруженье...
Бездна... Безумие... Бред...

Всё неразумно, необычайно...
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою,
Молнией поражен.
Карл под Полтавой; ужален Москвою,
Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат.
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!

Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стынет в равнинах метель;
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.

Мы — зараженные совестью: в каждом
Стеньке — святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем. не умирая,
Дух обнажаем до дна...
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая купина!

28 мая 1919
Коктебель

БЕГСТВО

Посвящается матросам М., В., Б.

Кто верит в жизнь, тот верит чуду
И счастье сам в себе несет.
Товарищи! Я не забуду
Наш черноморский переход!

Одесский порт — баркасы, боты,
Фелюг пузатые борта,
Снастей живая теснота,
Канаты, мачты, стеньги, шкоты. . .

Раскраску пестрых их боков —
Линялых, выеденных солью
И солнцем выжженных тонов,
Привыкших к водному раздолью.

Якорь, опертый на бизань, —
Бурый, с клешнями, как у раков,
Покинутая Березань,
Полуразрушенный Очаков.

Уж видно Тендрову косу
И скрылись черни рощ Кинбурна.
Крепчает ветер, дышит бурно
И треплет кивер на носу.

То было в дни, когда над морем
Господствовал французский флот
И к Крыму из Одессы ход
Для морехода был затворен.

К нам миноносец подбегал,
Опрашивал, смотрел бумагу.
Я буржуа изображал,
А вы — рыбацкую ватагу.

Когда нас быстрый пулемет
Хлестнул в заливе Ак-Мечети,
Как помню я минуты эти
И вашей ругани полет!

Потом поместья Воронцовых
И ночью резвый бег коней
Среди гниющих Сивашей,
В снегах равнин солончаковых.

Мел белых хижин под луной,
Над дальним морем блеск волшебный,
Степных угодий запах хлебный,
Коровий, влажный и парной.

И русые при первом свете
Поля. . . И на краю полей
Евпаторийские мечети
И мачты пленных кораблей.

*17 июня 1919
Коктебель*

НАПИСАНИЕ О ЦАРЯХ МОСКОВСКИХ

1

Царь Иван был ликом некрасив,
Очи имел серы, пронзительны и беспокойны,
Нос протягновенен и покляп.
Ростом велик, а телом сух.
Грудь широка, и туги мышцы.
Муж чудных рассуждений.
Многоречив зело.
В науке книжной опытен и дерзок.
А на рабы, от бога данные,
Жестокосерд.
В пролитье крови
Неумолим.
Жен и девиц сквернил он блудом много.
И множество народа
Немилостивой смертью погубил.
Таков был Царь Иван.

2

Царь же Федор,
Образ имея постника,
Смиреньем обложен,

О мире попеченья не имея,
А только о спасении духовном.

3

Царь Борис — во схиме боголеп —
Был образом цветущ,
Сладкоречив вельми,
Нищелюбив и благоверен,
Строителен зело
И о державе попечителен.
Держась рукой за верх срачицы, клялся
Сию последнюю со всеми разделить.
Единое имея исправленье:
Ко властолюбию несытое желанье
И ко врагам сердечно прилежанье.
Таков был Царь Борис.

4

Царевич Федор — сын Царя Бориса —
Был отрок чуден,
Благолепием цветущ,
Как в поле крин, от бога преукрашен.
Очи велики, черны,
Бел лицом,
А возраст среден.
Книжному научен почитанью.
Пустошное али гнилое слово
Из уст его вовек не исходише.

5

Царевна Ксения
Власы имея черны, густы,
Аки трубы лежаще по плечам.
Бровьми союза, телом изобильна,
Всё светлостью облистана
И млечной белостью
Всетельно облиянна.
Воистину во всех делах чредима.
Любила воспеваемые гласы
И песни духовные.
Когда же плакала,
Блистая еще светлее
Зелной красотой.

6

Расстрига был ростом мал,
Власы имея руды.
Безбород и с бородавкой у переносицы.
Пясти тонки.
А грудь имел широку.
Мышцы толсты.
А тело помраченно.
Обличьем прост,
Но дерзостен и остроумен
В речах и в наученье книжном.
Конские ристалища любил.
Был ополчитель смел.
Ходил танцюя.

7

Марина Мнишек была прельстительна,
 Бела лицом, а брови имея тонки,
 Глаза змеинные. Рот мал. Поджаты губы.
 Возрастом невелика.
 Надменна обращеньем.
 Любила плясания и игрища.
 Рядишася в платья
 Тугие с обручами.
 Но паче честных камней любяше
негритенка.

8

Царь Василий был ростом мал,
 А образом нелеп.
 Очи подслеповаты.
 Скуп и неподатлив.
 Но книжен и хитер.
 Любил наушников.
 Был к волхвованью склонен.

9

Боярин Федор — во иночестве Филарет —
 Роста и полноты был средних.
 Был обходителен.
 Опальчив нравом.
 Владетелен зело.
 Божественное писанье разумел отчасти,
 Но в знании людей был опытен;

Царями, боярами играше,
Аки на тавлее,
И роду своему престол Московский
Выиграл.

10

Такими видел их и, видев, записал
Иван Михайлович
Князь Катырев-Ростовский.

23 августа 1919
Коктебель

КИММЕРИЙСКАЯ СИВИЛЛА

С вознесенных престолов моих плоскогорий
Среди мертвых болот и глухих лукоморий
Мне видна
Вся туманом и мглой и тоской повитая
Киммерии печальная область.
Я пасу костяки допотопных чудовищ.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Отверделых сияний и оттиски слав,
Шестикрылья распятых в скалах херувимов
И драконов, затянутых илом, хребты.

12 сентября 1919

И семя светится голубоватым, тонким,
Струнным пламенем. . .

Да будет горсть полна, рука щедра в размахе
И крепок сеятель!
Благослови посев свой, Иисусе!

11 ноября 1919

Коктебель

СОН

Лишь только мир
Скрывается багровой завесой век,
Как время,
Против которого я выгребаю днем,
Уносит по теченью,
И, увлекаем плавной водовертью,
В своем страстном и звездном теле,
Я облаком виюсь и развиваюсь
В мерцающих пространствах,
Не озаренных солнцем,
Отданный во власть
Противовесам всех дневных явлений.
И чувствую. как над затылком
Распахиваются провалы.
И вижу себя клубком зверей,
Грызущих и ласкающихся.
Огромный, бархатистый и черный змей
Плавает в озерах Преисподней,
Где клубятся гады
И разбегаются во мраке пауки.
А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездия
Гудят в Зверином круге.

А после наступает
Беспамятство
И насыщение:
Душа сосет от млечной, звездной влаги...
Потом отлив ночного Океана
Вновь твердый обнажает день:
Окно, кусок стены,
Свет кажется колонной,
Камни — сгущенной пустотой...
А в обликах вещей — намеки,
Утратившие смысл.
Реальности еще двоятся
В зеркальной влаге сна.
Но быстро крепнут и ладятся
И с беспощадной
Наглядностью
Вновь обступают жизнь
Слепым и тесным строем.
И начинается вседневный бег
По узким коридорам
Без окон, без дверей,
Где на стенах
Написаны лишь имена явлений,
И где сквозняк событий
Сбивает с ног,
И гулки под уверенной пятою
Полуприкрытые досками точных знаний
Колодцы и провалы
Безумья.

12 ноября 1919

Коктебель

ЗАКЛИНАНИЕ

(от усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она светится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

*19 июня 1920
Коктебель*

ДИКОЕ ПОЛЕ

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны,
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Темная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта —
Без имен, без конца, без числа,
Вся копытом да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла!

Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет, развалист и хляб,
По оврагам, увалам, излогам,
По немереным скифским дорогам,
Меж курганов да каменных баб!
Вихрит вихрями клочья бурьяна
И гудит, и звенит, и поет...
Эти поприща — дно океана,
От великих обсякшее вод.

Распалял их полуденный огонь,
Индевела заречная синь,
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги. . .
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопы
Колченогих, раскосых людей.
И орлы на Равеннских воротах
Исчезали в водоворотах
Всадников и лошадей.

Было много их — люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»,
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств.

Долго Русь раздирали по ключьям
И усобицы, и татарва. . .
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, овейанный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,
Белокаменный и златоглавый,
Над скудою закуренных изб.

Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи. . .
От кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Голытьбу с тесноты да с неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север — к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.
Их разлет был широк и несвязан —
Жгли, рубили, взимали ясак. . .
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги Понизовья
Да концы вечевых городов.
Лишь Никола-угодник, Егорий —
Волчий пастырь, строитель земли,
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

Русь! Встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,

И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих богородиц
На оградах Печерских церквей.

Всё, что было, повторится ныне,
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне:
В небе — бог, на земле — богатырь.
Эх! Не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь. . .
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

20 июня 1920

Коктебель

ГОТОВНОСТЬ

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?
Апокалипсическому Зверю
Ввергнутый в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и смраде — верю!
Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия,
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, — вот плоть моя!

24 октября 1921
Феодосия

ИЗ ЦИКЛА «ПУТЯМИ КАИНА»

1

ОГОНЬ

1

Плоть человека — свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи, оставляя по дороге
Отставших братьев:
Птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь — первый знак земного мятежа,
А знак второй —
Раздутый ветром факел.

3

Вначале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,

Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод —
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы.
Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец — невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав.

И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина — блюстительница пепла
Из древней самки выявила лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага —
Пещера стала храмом,
Трапеза — таинством,
Огнище — алтарем,
Домашний обиход — богослуженьем.
И человечество
Питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего бога.
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

Когда непробужденный человек
 Еще сосал от сна благой природы
 И радужные грезы застилали
 Видения дневного мира, пахарь
 Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
 Перебегающего поле Фавна,
 А на дорогах легче было встретить
 Бога, чем человека,
 И пастух,
 Прислушиваясь к шумам, различал
 В дыханье ветра чей-то вещей голос,
 Когда разъятые
 Потом сознаньем силы
 Ему являлись в подлинных обличьях
 И он вступал в борьбу и в договоры
 С живыми волями, что раздували
 Его очаг, вращали колесо,
 Целили плоть, указывали воду, —
 Тогда он знал, как можно приневолить
 Себе служить ундин и саламандр
 И сам в себе старался одолеть
 Их слабости и страсти.

 Но потом,
 Когда от довременных снов сознанья
 Очнулся он к скупому дню, ослеп
 От солнечного света и утратил
 Дар ясновиденья,
 И начал, как дитя,

Ощупывать и взвешивать природу,
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число — он позабыл,
Что в обезбоженной природе живы
Всё те же силы, что овладевают
И волей, и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.
И жадные кобольды
Сплавляют сталь и охраняют руды,
Гнев саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие эльфы
Скользят по проволокам
И мчатся в звонких токах,
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают моторы машин,
Ундины рек и никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
Когда-то столь знакомые, и мыслит
Себя единственным владыкою стихий,
Не видя, что на рынках и базарах,
За призрачностью биржевой игры,
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор,

Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расплзшуюся жижу,
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
Равным силе,
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.
Ступени каждой в области познания
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И Магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы эти вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребления и машинах.

*30 января 1923
Коктебель*

3

МЕЧ

1

Меч создал справедливость.

2

Насильем скованный,
Отточенный для мщенья,
Он вместе с кровью напитался духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.

И стала рукоять его ковчегом
Для их мошей.

(Эфес поднять до губ — доныне жест военного салюта.)

И в этом меч сподобился кресту —
Позорному столбу, который стал
Священнейшим из символов любви.

3

На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
«Марии — Деве милосердной — слава!»,
«Не обнажай меня без нужды,
Не вкладывай в ножны без чести!»,
«In te, o Domine, speravi!»¹ —
Восклицают средневековые клинки.

¹ «На тебя, господи, уповаю!» (лат.). — *Ред.*

Меч сосвященствовал
Во время
Литургии,
Меч нарекался в таинстве крещения.
Их имена «Отклер» и «Дюрандаль»
Сверкают, как удар.
И в описях оружия
К иным прибавлено рукой писца:
«Он — Фея».

4

Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом
Его лицо и плоть его, а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви,
Карающей и мстящей,
Мир рассекающей на «Да» и «Нет»,
На зло и на добро.
«Si! Si!», «No! No!»¹ —
Как утверждает Сидов меч «Тисона».

5

Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека —
Меч не погиб, но расщепился в дух:

¹ «Да! Да!», «Нет! Нет!» (исп.). — *Ред.*

Защитницею чести стала шпага
(Ланцет для воспаленных самолюбий),
 А меч —
Вершителем судебных приговоров.
 Но, обесчещенный,
 Он для толпы остался
 Оракулом
И врачевателем болезней;
И палачи, собравшись, хоронили
 В лесах Германии
 Усталые мечи,
 Которые отсекли
 Девяносто девять.

6

Казнь реформировал
Хирург и филантроп,
И меч был вытеснен
Машинным производством,
Введенным в область смерти, и с тех пор
Он стал характером,
Учением, доктриной:
Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной —
Антиномией Кантова ума.

7

О правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало

На чаши мира: «Горе — побежденным».
Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества ее
Сначала всех людей?
Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?
Не тот ли, кто принес «Не мир, а меч»,
В нас вдунул огонь, который
Язвит и жжет и будет жечь наш дух,
Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
«Отмщение мне, и аз воздам за зло».

1 февраля 1922
Коктебель

4

ПОРОХ

1

Права гражданские писал кулак,
Меч — право государственное, Порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему,
 Со дна реторт преступного монаха
 Порох
 Явил свой дымный лик и разметал
 Доспехи рыцарей,
 Как ржавое железо.

3

«Несчастные, тащите меч на кузню,
 А на плечо берите аркебузы:
 Честь, сила, мужество — бессмысленны.
 Теперь
 Последний трус стал равен
 Храбрейшему из рыцарей».
 — «О, сколь благословенны
 Века, не ведавшие пороха,
 В сравненье с нашим временем, когда
 Горсть праха и кусок свинца способны
 Убить славнейшего. . .»
 Так восклицали
 Неистовый Орланд и мудрый Дон-Кихот —
 Последние мечи средневековья.

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях,
 Порох
 Свил черное гнездо
 На дне ружейных дул,

В жерле мортир, в стволах стальных
орудий,
Чтоб в ярости случайных пробуждений
В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл,
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара.
Он дал ружью — прицел,
Стволу — нарез,
Солдатам — строй,
Героям — дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Беспрекословность, точность, дисциплину.
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Всё оперение турниров и парадов,

И выкрасил в зелено-бурый цвет
Разъезженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла —
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.

7

Но черный порошок в мире был предтечей
Иных еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы
на пороге
Клубящейся, невероятной ночи
И видим облики чудовищных теней,
Не названных, но мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.

*28 января 1923
Коктебель*

5

ПАР

1

Пар вился струйкою
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека!

2

Лишь век назад хозяин догадался
 Котел, в котором тысячи веков
 Варился суп, поставить на колеса
 И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
 Пар выпер поршень, напружил рычаг,
 И паровоз, прерывисто дыша,
 С усилием сдвинулся
 И потащил по рельсам
 Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век Пара. Но покорный
 Чугунный вол внезапно превратился
 В прожорливого Минотавра:
 Пар послал
 Рабочих в копи — рыть руду и уголь,
 В болота — строить насыпи, в пустыни —
 Прокладывать дороги;
 Запер человека
 В застенки фабрик, в шахты под землей,
 Запачкал небо угольною сажей,
 Луч солнца — копотью
 И придушил в туманах
 Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю,
 Сжал океаны, вытянул пейзаж

В однообразную раскрашенную
Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;
Замкнул
Просторы путнику;
Лишил ступни
Горячей ошупи
Неведомой дороги,
Глаз — радости открытий новых далей,
Ладони — посоха и ноздри — ветра.

5

Дорога, ставшая
Грузоподъемностью,
Пробегом, напряженьем,
Кратчайшим расстоянием между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Рассекла толщи камня, превратила
Проулок, площадь, улицу — в канавы
Для стока одичалых скоростей,
Вверх на мосты загнала пешеходов,
Прорыла крысы ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье — заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,

Беседу, размышленья; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

7

Адам изваян был
По образу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобию человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры.
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;
Ноги
Стесал, как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув души, вдунул людям пар.

8 февраля 1922

Коктебель

КОСМОС

1

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись,
Отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза —
И брызнул свет.
Два огненных луча,
Скрестясь в воде,
Сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчастья
Слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая распределила воды,
От чресл размножилась земная тварь,
От жил — растения,
От кости — камень,
И двойники —
Небесный и земной —
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром,
Мир же был Адам.

Он мыслил небом,
Думал облаками,
Он глиной плотствовал,
Растеньем рос,
Камнями костенел,
Зверел страстями,
Он видел Солнцем,
Грезил сны Луной,
Гудел планетами,
Дышал ветрами.
И было всё —
Вверху, как и внизу, —
Исполнено высоких соответствий.

2

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне Океана.
С высоких башен,
Сложенных людьми,
Из жирной глины тучных межиречий
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам

Одна в другую вставленные сферы,
И семь планет свой суточный пробег
Алмазными орбитами свершали.
А в дельтах рек халдейский звездочет
И пастухи иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер
И к тонким звездным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Всё в преходящем было только знак
Извечных тайн,
Начертанных на небе.

3

Потом замкнулись прорези небес.
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Палестрою для Олимпийских игр
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.

На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли,
Играя медью мускулов, атлеты
Крылатым взмахом умощенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф
И звонких теорем.

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:

Всё было осязаемо и близко —
Дух мыслил плоть
И чувствовал объем,
Мял глину перст,
И разум мерил землю.

Распоры кипарисовых колонн,
Вощенный кедр закуренных часовен,
Акрополи в звериной пестроте,
Линялый мрамор выкрашенных статуй
И смуглый мрамор липких алтарей,
И ржа, и бронза золоченых кровель,
Чернь, киноварь, и сепия, и желчь —
Цвета земли понятны были глазу,
Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.
Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась
И погружалась в иступленный сон —
Сплетенье рук
И напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Пиндаровых строф.

Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

4

Сгустилась ночь.
Могильники земли

Извергли кости праотца Адама
И Каина.
В разрыве облаков
Был виден холм
И три креста —
Голгофа,
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижимым темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд
И Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы
Внутрь земли — воронкой —
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью,
А центром Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий,
И громоздились библии камней —
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры,
Шквалы ересей,
Смерчи народов —
Гунны и монголы.
Набаты,

Интердикты
И костры,
Сто сорок пап
И шестьдесят династий,
Сто императоров,
Семьсот царей,
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов —
Труба Суда
И черный луч Голгофы.
В пространстве и во времени земля
Была сосредоточием вселенной:
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

5

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир.
Но Галилей
Сорвал его,
Зажал в кулак
И землю
Взвил кубарем
По вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего Солнца.

Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей,
И только богу не хватало места.
Пытливый дух апостола Фомы,

Воскресшему сказавший:
«Не поверю,
Покамест пальцев в раны не вложу», —
Разворотил тысячелетья веры.
Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук
Проверил осязаньем,
Он взвесил свет,
Измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.

Материя явилась бесконечной,
Единосушной в разных естествах,
Стал Промысел
Всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом,
Вездесущ — эфир:
Всепроницаемый,
Всетвердый,
Скользкий —
«Его ж никто не видел и нигде».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол —
Механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохраненья
Материи и Силы.

Человек,
Голодный далью чисел и пространства.

Был пьян безверьем —
Злейшею из вер.
А вокруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб
Сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи,
Он мыслил
Вселенную
Как черный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Себя сама постигшая машина.

6

Но неумный разум разложил
И этот мир,
Построенный на ощупь
Вникающим и мерящим перстом.

Всё относительно:
И бред, и знание.
Срок жизни истин:
Двадцать — тридцать лет —
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости,
Ни смысла тяготенья,

Ни масс планет,
Ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества —
Есть круговерти силы;
Нет твердости —
Есть натяженье струй;
Нет атома —
Есть поле напряженья
(Вихрь малых «нет» вокруг большого «ДА»).

Нет плотности,
Нет веса,
Нет размера —
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур,
Потенциалов,
Масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство — лишь многообразье форм;
Есть не одна,
А много математик;
Мы существуем в космосе, где всё
Теряется,
Ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложения и распада,
А человек —
Могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.

Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй.
Бессмертья нет.
Материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц
Возникли
В единый миг
И сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно.
Явленья жизни — беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознание — вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

7

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей,
Облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, —
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.
Системы мира —
Слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знания.
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом!
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим Вавилонских башен,
Ты — заклинатель сфинксов и химер!..

12 июня 1923

Коктебель

7

ЛЕВИАФАН

Множество, соединенное в одном лице, именуется государством — civitas. Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее, — этого смертного бога.

Гоббс. «Левиафан»

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,

Простертому на стогнах городов,
На гноище поруганной вселенной,
Мне — Иову — сказал господь:

«Смотри:

Вот царь зверей, всех тварей завершенье —
Левиафан!

Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взрыв Океан, поднялся Зверь Зверей,
Чудовищный, свирепый, многочленный. . .
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцания зеркал,
И беглый огонь, и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был мною сотворен, —
Сказал господь, —
Все жизни отправленья
В нем дивно согласованы. Лишен
Сознания — он весь пищеваренье.
И человечество извечно включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца.

Тусклым, косным
Его ты видишь. Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилищах;
А глубже — в безднах темных —
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ ему подобных
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.

5

Я говорил:
«Зачем меня сознанием
Ты в этой тьме кромешной озарил
И, дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал господь:

«Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты
И смысл хулить моих предназначений?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда Любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба —
Лишь первый шаг к пожарищам любви.
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам огнем томлюсь в твоей крови.
Как я — тебя, так ты взыскуешь землю.
Сгорая — жги!
Замкнутый в гроб — живи!
Таким мой мир приемлешь ли?»
— «Приемлю...»

1924

Коктебель

8

СУД

Праху — прах...
Я стал давно землей...
Мною
Цвели растенья,
Мною
Светило солнце.
Всё, что было плотью,
Развеялось, как радужная пыль,
Живая, безымянная.

306

И Океан времен
Катил прибой столетий...

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную;
И вспомнил себя
Я каждую частицей,
Рассеянную в мире.

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.
В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
И травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели.
Холодело солнце.
Настало
Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы,
Могильники вздувались, расседались,
Обнажая
Побеги бледной плоти.
Пясти
Ростками тонких пальцев
Тянулись из земли;

Ладони розовели;
Стебли рук и ног с усилием прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро поднималась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша. . .

Когда же темным клубнем,
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова
И мертвые разверзлись очи, — небо
Разодралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть. . .
И каждый
Внутри себя увидел Солнце
В Зверином круге. . .
И сам себя судил. . .

5 февраля 1915

Париж

* * *

Среди верховных ритмов мироздания
Зиждитель бог обмолвился землей.
(Но дьявол поперхнулся человеком.)
Для лжи необходима гениальность.
Но человек бездарен. И напрасно
Его старался дьявол просветить.
В фантазии и творчестве он дальше
Простой подмены фактов не пошел.
(Так школьник лжет учителю.) Но в мире
Исчерпаны все сочетанья. Он
Угадывает в мире комбинаций
Лишь ту, которой раньше не встречал.

18 января 1926
Коктебель

КОЛДОВСТВО

Килы присаживали мужикам,
Невстанихи рабочим причиняли
Да женок портили.
Да в срубах жгли, соломой оболочки. .
Пытали накрепко, допрашивали тесно
Нещадно жгли огнем. . .
Дурну училися на Волге у ярыжных.
«На море Окияне,
На острове Буяне
Стоит дуб крепковат,
На дубу ворон сидит,
Пузырь во рту держит.
Ты, пузырь, в воде наливайся,
Ты, кила, у него развывайся. . .
Скормила во щак его же естество.
Как мертвяк не встанет,
Так чтоб он не встал,
Как у мертвого тело пропало,
Так чтоб он вовсе пропал».
Бесовские чинили волхвованья,
Прельщали богомерзким чародейством.
Московские Иваны лютовали —
Ярыжники, воряги, дармоеды. . .

Щенок-ярчук от первого помета...
«Как люди в зеркало смотрят,
Так бы муж на жену не насмотрел...»
Меня же он позорной лаей лаял...
Да подкинула зажженную лучину,
А подкиня, стала так фост поднимши спать.
В снопу соломенном, в сосновом срубе
На градской площади велели сжечь.

Январь 1926

Коктебель

* * *

Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, прости ладонь...
Солнце... Вода... Облака... Огонь... —
Всё, что есть прекрасного в мире...

Факел косматый в шафранном тумане...
Влажной парчю расплесканный луч...
К небу из пены прости длани...
Облачных грамот закатный сургуч...

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли...

22 июня 1926

Коктебель

КАЛЛИЕРА

Посв. С. В. Шервинскому

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стерт,

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец, над городищем вознесенный,
Народ зовет «Иссыпанной короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера, —
Отроковица эллинской земли
В венецианских бусах — Каллиера.

18 ноября 1926
Коктебель

* * *

Фиалки волн и гиацинты пены
Цветут на взморье около камней.
Цветами пахнет соль... Один из дней,
Когда не жаждет сердце перемены
И не торопит преходящий миг,
Но пьет так жадно златокудрый лик
Янтарных солнц, просвеченный сквозь
просинь,
Такие дни под старость дарит осень...

20 ноября 1926

Коктебель

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ БЕРЕГА

Эти пределы священны уж тем, что однажды под
вечер
Пушкин на них поглядел с корабля, по дороге
в Гурзуф...

27 августа 1927
Коктебель

* * *

Весь жемчужный оком
Облаков, воды и света
Ясновиденьем поэта
Я прочел в лице твоём.

Всё земное — отраженье,
Отсвет веры, блеск мечты...
Лица милого черты —
Всех миров преображенье.

16 июня 1928

Коктебель

СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ

1

Родился я в деревне. Как скончались
Отец и мать, ушел взыскати
Пути спасения в обитель к преподобным
Зосиме и Савватию. Там иноческий образ
Сподобился приять. И попустил господь
На стол на патриарший наскоčiti
В те поры Никону. А Никон окаянный
Арсена-жидовина
В печатный двор печатать посадил.
Тот грек и жидовин в трех землях трижды
Отрекся от Христа для мудрости бесовской
И зачал плевелы в церковны книги сеять.
Тут плач и стон в обители пошел:
Увы и горе! Пала наша вера.
В печали и тоске, с благословенья
Отца духовного, взяв книги и иная,
Потребная в молитвах, аз изыдох
В пустыню дальнюю, на остров на
Виданьской —
От озера Онеги двенадцать верст.

Построил келейку безмолвья ради
И жил, молясь, питаюсь рукодельем.
О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
Я образ богоматери с младенцем —
Вольяшный, медный — поставил ко стене:
«Ну, свет-Христос и богородица, храните
И образ свой, и нашу с вами келью».
Пришел на третий день и издали увидел
Келейку малую, как головню, дымящу.
И зачал зря вопить: «Почто презрела
Мое моление? Приказу не послушала?

Келейку

Мою и твоя не сохранила?» Идох
До кельи обгорелой, ан кругом
Сенишко погорело вместе с кровлей,
А в кельи чисто: огонь не смел войти.
И образ на стене стоит-сияет.

В лесу окрест живуще бесы люты.
И стали в келью приходите ночами.
Страшат и давят: сердце замирает,
Власы встают, дрожат и плоть и кости.
О полночи пришли однажды двое:
Один был наг, другой одет в кафтане.
И, взяв скамью — на ней же почиваю, —
Нача меня качати, как младенца.
Я ж, осерчав, восстал с одра, и беса
Взял поперек, и бить учал
Бесищем тем о лавку, вопиюще:

«Небесная царица, помоги мне!»
А бес другой к земле прилип от страха,
Не может ног от пола оторвать.
И сам не веет, как бес в руках изгибнул.
Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
Мокром мокры от скверного мяса.

В другой же раз, уснуть я не успел,
Сенные двери пылко растворились,
И в келью бес вскочил, что лютой тать:
Согнул меня и сжал так крепко, туго,
Что пикнуть мне невозможно, ни дохнуть.
Уж еле-еле пискнул: «Помози ми!»
И сгинул бес, а я же со слезами
Глаголю к образу: «Владычица, почто
Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
Злодей не погубил». Тут сон нашел
С печали той великия, и вижу,
Что богородица из образа склонилась;
Руками беса мучает, измяла
Злодея моего и в руки мне дала.
Я с радости учал его крушить и мять,
Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
«Измучил ты меня, злодей, и сам пронал».
По долгой по молитве взглянул в окно —
Светает.
Лежит бесище, как мокрое тряпье,
Помале дрогнул и ногу подтянул,
А после руку.
И паки ожил. Встал, как будто пьян,
И говорит: «Ужо к тебе не буду, —
Пойду на Вытегру». А я ему:

«Не смей — там волость людна.
Иди, где нет людей». А он, как сонный,
От келейки по просеке пошел.

Увидел хитрый дьявол, что не может
Ни сжечь меня, ни силой побороть,
Так насадил мне в келию червей,
Рекомых мравии. Начаше мураши
Мне тайны уды ясть, и ничего иного,
Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне, и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены подползают. Окопал я
Всю келейку и камнем затолок.
Они ж сквозь камни лезут и — под печь.
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесей той напасти
Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить всё стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесей сей напасти!»
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека!
Худого мравия не может одолеть,
Не только дьявола, без божьей благодати.

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой дьявол церковь мучал
И праведную веру истреблял,
Как мурашей, святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил — думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку всполз и руку
Отсечену на сердце положил.
И чую — богородица мне руку
Перстами осязает. Я ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана,
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет. А в сердце радость.
Был на Москве в подворье у Николы
Угрешского. И прискочи тут скоро

Стрелецкий голова Бухвостов — лют разбойник.
И поволок на плаху, на Болото.
Язык урезал мне и прочь помчал.
В телеге душу мало не вытряс мне,
Столь боль была люта! . .
О, горе дней тех! Из моей пустыни
Пошел царя спасать, а языка не стало.
Что нужного, и то мне молвить нечем.
Вздыхнул я к господу из глубины души:
«О скорого услышанья Христова!»
С того язык от корня и пополз
И до зубов дошел и стал глаголить ясно.

Свели меня в темницу в Пустозерье.
По двух годех пришел ко мне мучитель
Елагин — полуголова стрелецкой.
Чтоб нудить нас отречься веры старой.
И непослушливым велел он паки
Языки резать, руки отрубать.
Пришел ко мне палач с ножом, с клещами,
Гортань мне отворять, а я вздохнул
Из сердца умиленно: «Помоги мне!»
И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
Как мне палач язык под корень резал
И руку правую на плахе отсекал.
(Как первый резали — что лютый змей кусал.)
До Вологды шла кровь проходом задним.
Теперь в тюрьме три дня я умирал.
Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
Где был язык во рте — слин стало много,
И что под головой — все слинами омочишь:
И ясть нельзя, понеже яди

Во рту вращати нечем.
Егда дадут мне рыбы, шей да хлеба,
Сомну в единый ком да тако вдруг глотаю.
А по отъятии болезни от руки
Я начал правило в уме творити,
Псалмы читаю, а дойду до места:
«Возрадуется мой язык о правде твоя», —
Вздохну из глубины — слезишка
Из глазу и покатится:
«А мне чем радоваться? Языка и нету...»
И паки: «Веселися, сердце, радуйся, язык!»
Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?»
Нет языка в устах, и сердце плачет».
Так больше двух недель прошло, а всё молю,
Чтоб богородица язык мне воротила.
Возлег на одр, заснул и вижу: поле
Великое да светлое — конца нет...
Налево же на воздухе, повыше,
Лежат два языка мои:
Московской — бледноват, а пустозерской
Зело краснешенек.
Взял на руку красной и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,
А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резаному месту,
Идеже прежде был, его приставил, —
Он к корню и прильни, где рос с рожденья.
Возбнух я радостен: что хочет сие быти?
От времени того помалу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденью и к молитве

По-прежнему способен, как в пустыне,
И слин нелепых во устех не стало,
И есть язык, мне богом данный, — новый
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новый.

3

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих,
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестом
И политый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!»
С гудением великим огонь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.
Тела и ризы прочих не сгорели.
А Епифания останков не нашли.

*16 февраля 1929
Коктебель*

ТВАРЬ

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню: русла
И пути ему видней отсюда,
Здесь он постигает различенье
Всех вещей на доброе и злое,
На порок, цветенье и распад.
Мир в пустыне виден по-иному,
За мирским виднее мировое,
Мудрость в нем рождается иная,
Он отныне весь иной — он Инок.
Серафим из монастырской кельи
Жить ушел в пустыню со зверями,
Сам себе в лесу избу построил
На речном обрыве возле бора,
Огород вскопал, поставил улья
(Пчелки в улье то же, что черницы),
Мох сбирал, дрова рубил, молился
По пустынножительскому чину.
Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь крохами, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь звери к келье собирались:

Зайцы, волки, лисы да куницы,
Прилетали вóроны и дятлы,
Приползали ящерицы, змен,
Принимали хлеб от Серафима.
Тишину и строгость любят звери,
Сердцем чтут молитву и молчанье.
Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит
Сухарями серого медведя.
Онемела и ступить не смеет.
Серафим же говорит: «Не бойся,
Покорми его сама». — «Да страшно —
Руку он отъест». — «Ты только веруй,
Он тебя не тронет. . . Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то? Не видишь?
Гостью-то попотчевать нам нечем?
Принеси нам утешеньица».
Час спустя медведь вернулся к келье:
Подад старцу осторожно в пасти
Пчельный сот, завернутый в листы.
Ахнула монахиня. А старец:
«Лев служил Герасиму в пустыне,
А медведь вот Серафиму служит. . .
Радуйся! Чего нам унывать,
Коли нам лесные звери служат?
Не для зверя, а для человека
Бог сходил на землю. Зверь же раньше
Человека в нем Христа узнал.
Бык с ослом у яслей Вифлеемских
До волхвов младенцу поклонились.
Не рабом, а братом человеку
Создан зверь. Он приклонился долу,

Дабы людям дать подняться к богу.
Зверь живет в сознание омраченном,
Дабы человек мог видеть ясно.
Зверь на нас взирает с упованием,
Как на божиих сынов. И звери
Веруют и жаждут воскресенья. . .
Покорилась тварь не добровольно,
Но по воле покорившего, в надежде
Обрести через него свободу.
Тварь стонает, мучится и ищет
У сынов господних откровенья,
Со смиреньем кротким принимая
Весь устав жестокий человека.
Человек над тварями поставлен
И за них ответит перед богом:
Велика вина его пред зверем,
Пред домашней тварью особливо».

1 апреля 1929

Коктебель

ДОМ ПОЭТА

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций —
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый оком
Замкнул залив алкеевым стихом,
Асимметрично-строгими строфами.

Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубоких трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там — за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ошечье и подлобье), —
Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдальеке
Встает стена. . . Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань. . .
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.
Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть, и тот же мрачный гений
В борьбе племен и смене поколений.
Доселе грезят берега мои:
Смоленные ахейские лады,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,

Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками.
В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глет зеленовато-бусый
Соседствует с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста
Среди булыжников оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата —
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата! . .
Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень —
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы — Россия — не пришли.
За полтора ста лет — с Екатерины —
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли,
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел, источники иссякли.

Нет в море рыб, в фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомерово́й страны,
И патетически обнажены
Ее хребты, и мускулы, и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.
Усобица, и голод, и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняла со дна.
В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять,
А сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил.
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар —
Нечаянный, — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток

Обращена, как церковь, мастерская.
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

Войди, мой гость, стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога. . .
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы,
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты. . . Пусть!
Почетней быть твердым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я — не изгой, а пасынок России
И в эти дни — немой ее укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнания,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,

Так минет всё — Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия
Развеется. . . Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи. . .
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

25 декабря 1926

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Апри де Ренье

* * *

Нет у меня ничего,
Кроме трех золотых листьев и посоха
Из ясеня,
Да немного земли на подошвах ног,
Да немного ветра в моих волосах,
Да бликов моря в зрачках. . .
Потому что я долго шел по дорогам
Лесным и прибрежным
И срезал ветвь ясеня,
И у спящей осени взял мимоходом
Три золотых листа. . .
Прими их. Они желты и нежны
И пронизаны
Алыми жилками,
В них запах славы и смерти.
Они трепетали под темным ветром судьбы,
Подержи их немного в своих нежных
руках —
Они так легки, и помяни
Того, кто постучался в твою дверь вечером,
Того, кто сидел молча,
Того, кто, уходя, унес

Свой черный посох
И оставил тебе эти золотистые листья
Цвета смерти и солнца. . .
Разожми руку, прикрой за собой дверь,
И пусть ветер подхватит их
И унесет. . .

Осень 1910

* * *

Приляг на отмели. Обеими руками
Горсть русого песка, зажженного лучами,
Возьми и дай ему меж пальцев тихо течь,
А сам закрой глаза и долго слушай речь
Журчащих вод морских и ветра трепет
И ты почувствуешь, как тает постепенно пленный,
Песок в твоих руках, — и вот они пусты.
Тогда, не раскрывая глаз, подумай, что и ты —
Лишь горсть песка, что жизнь порывы воль мятежных
Смешает, как пески на отмелях прибрежных.

5 мая 1911

Коктебель

КРОВЬ МАРСИЯ

Как голос вод в лесных ключах различен,
Так у деревьев есть голос — долгий, смутный. . .
Прислушайся: у каждого свой голос в ветре.
И ствол немой передает листе живой
Подземные слова своих глухих корней.
Весь темный лес — один широкошумный голос.

Прислушайся, как дуб шумит, береза
Лепечет, замирая, глухо ропщут буки
И стонут ясени, а беглый трепет ивы
Звучит почти как речь невнятная,
И слышатся в порывах
Морского ветра
Таинственные жалобы сосны...
Ее кора и ствол обагрены
Горячей кровью бедного сатира...

Марсий!
Я знал и видел
Марсия,
Чьей дерзкой флейтою была побита лира.
Я видел, как он был привязан
Руками и ногами
К стволу сосны,
И рассказать могу,
Что было
Меж богом и сатиром,
Ибо видел,
Как он привязан был, лишенный кожи,
К стволу сосны.

Он кроток был, задумчив, скрытен
И молчалив;
Маленький и с сильными ногами,
С ушами длинными, заостренными,
С темной бородкой,
В которой вились нити седых волос.
Зубы были
Ровны, белы, и смех его, короткий, редкий,

В глазах светился
Какой-то ясностью —
Печальной и внезапной —
Молчаливой. . .
Ступал он четко, сухо,
Ходил походкой быстрой и танцующей,
Как некто, в глубине себя несущий
Какую-то большую радость, но молчащий.
Он редко улыбался, говорил немного,
Поглаживая темную бородку
С серебряною проседью.

В дни осени,
Когда сатиры празднуют сбор винограда
И пьют из бурдюков, и славят дивный плод.
И тамбурин
Гудит, грохочет, бьет;
В дни осени,
Когда они танцуют,
Скача с копыта на копыто, вокруг
Больших амфор и красного точила,
С лозою меж рогов
И с факелом в руках;
В дни осени,
Когда всё пьяно, Марсий
За их толпой
Шел легкими шажками, не мешаясь
В их оргию,
И не алила
Струя вина его лохматой шерсти: он,
Сорвавши гроздь, серьезный, сев на землю,
Ел осторожно ягоду за ягодой

И в руку
Сплевывал пустые шкурки.

Он жил один у рощи гулких сосен.
Была его пещера низка и глубока —
В плече скалы у горного ключа.
В ней помещалась
Постель из мха,
Глиняная чаша,
Миска деревянная,
Скамейка
И связка тростников в углу.
А рядом,
В защите от ветров,
Он, будучи искусен в плетении корзин
И лаком
До меда свежего, поставил ульи.
И гул роев сливался с гулом сосен...
Так жил Марсий, сатир.

Днем
Бродил он по полям, повсюду, где текут
Подземные таинственные воды;
Он ведал все ключи:
Те, что из скал сочатся за каплей капля,
Те, что из песков бегут и бьют в траве,
Те, что жемчужатся,
Те, что кипят,
Обильные, скупые,
Источники рек, начала ручейков,
Те, что в лесах, и те, что на равнине.

Священные ключи и сельские колодцы —
Он знал все воды
Окрестности.

Марсий был искусен
Из тростника вырезывать свирели:
Умел обрезать
В должном месте ствол,
Чтоб стал он
Сиринксом или флейтой,
Сделать дырки для пальцев
И одну большую для губ,
Смирненное дыхание которых
Вдруг наполняло лес таинственной песнью,
Нежданною и чистой,
И росло, смеялось, плакало, роптало и
шуршало.

Марсий был искусен и терпелив.
Он иногда работал на заре иль при луне,
Поглаживая темную бородку
С серебряною проседью.

Он знал прекрасно тысячи приемов
Срезать тростник — короткий или длинный,
И о звуке:
Как следует приставить губы, сделать,
Чтоб брызнул звук пронзительный и чистый,
Иль нежный, иль глухой, короткий или тихий,
Как сохранять дыханье,
Как сидеть,
Как ставить руки

Локтями вниз,
И многое другое. . .

Он не любил играть, когда могли услышать.
Он никогда из грота не спускался,
Чтоб вызывать на состязанье в пеньё
Окрестных пастухов, как прочие сатиры.
По вечерам, когда все люди спали,
Беззвучно он скользил по влажным травам
И уходил порою до рассвета
На склоны гор и, севши там меж сосен,
Глядел в молчанье в бесконечность, в ночь. . .
И флейта лес дыханьем наполняла,
И чудо! — каждое, казалось, пело
Во мраке дерево. Его таким я слышал,
И был велик, таинственен, прекрасен
Огромный лес, живущий в малой флейте,
Со всей своей душой, с листвою, с ключами,
И с небом, и с землей, и с ветром.

Но те, что слышали его,
Смеялись, повторяя:
«Этот Марсий сошел с ума,
Его напевы плачут, потом смеются,
Вдруг смолкают, возникают. . .
И, бог весть почему
Умолкнув, плачут снова».
— «Он не умеет петь по правилам
И прав, играя только для лесных деревьев» —
Так говорил фавн Агес — знаменитый
Певец, завистливый соперник.
Он был стар, имел один лишь рог,

И не любил он
Марсия.

В то время Аполлон
Остановился, проходя страну Аркадийской,
На несколько часов у жителей Келены.
Был собран хлеб, и близки сборы
Винограда.
А так как грозди были тяжелы,
И полны житницы,
И все довольны,
То с радостью приветствовали бога-
Кифареда.
Прекрасен был стоявший в диске солнца,
Касаясь струн великолепным жестом,
Надменный бог, торжественный, довольный
И царственный. Порою отирал
Он пот с чела. И струны лиры пели,
И черепаха рокотала глухо.
И гимн вставал, размеренный и строгий,
Над мирною и пурпурной землею.
А лира пела под руками бога,
Как бы охваченная пламенем...

Толпились все кругом —
И пастухи и пастыри,
Пастушки, рыболовы, дровосеки
Сидели вокруг него;
И я, старик, один в живых из всех,
Кто некогда внимали звукам
Великой лиры.
И фавны, и сильваны, и сатиры

Окрестных рощ, равнин и гор
Сошлись, чтобы послушать Аполлона.
Один лишь Марсий
Оставался наверху,
В пещере,
И, лежа,
Слушал сосны, пчел и ветер.

О Марсий!
Туда они пришли искать тебя. . .
Когда умолкла лира, все хотели,
Чтобы Певец послушал наших песен.
И, кто на дудочке, а кто на флейте,
Будили эхо.
По очереди каждый пел.
И доходили песни до уха бога —
Наивные, глухие, грубые.
Порою два певца перекликались,
И песни двух соперников, сменяясь,
Фальшивили, и ритмы их хромали.
А Аполлон их слушал благосклонный,
Безмолвный, стоя в сиянье солнечном,
Внимательный и к пастухам, и к фавнам,
Неутомимый, снисходительный,
Бесстрастный. . .

Пока не появился Агес. Был он стар,
Морщинист, безголос, страдал одышкой,
А когда-то искусен был на флейте,
Но с годами лишились силы пальцы. И когда
Беззубым ртом он дунул —
Из флейты знаменитой родился звук

Такой пронзительный и режущий,
Что Аполлон не мог не улыбнуться
И сделал вид, что поправляет струны лиры.
Но старый Агес
Заметил улыбку
И был расстроен.
«Раз он улыбнулся, услышав меня,
Наверно рассмеется, услышав Марсия», —
Подумал Агес
И богу о сатире начал говорить.
Как съевший меда уж не помнит воска —
Улыбку Лирника, когда он рассмеется
Над Марсием,
Они забудут.

Он пришел.
Толпа раздалась,
Чтоб пропустить его.
Он шел, спеша,
Сухими, быстрыми, короткими шагами,
Как некто, кто торопится скорее кончить дело.
Он нес с собою флейту —
Маленькую,
Верную,
Из одного куска.
Он сел на землю против Аполлона,
Скромный, опустив глаза
Пред богом ослепительным,
Стоявшим в диске солнца с золотою лирой!

И он запел...
Сперва казалось,

Как будто ветерок шуршит в саду,
Как будто воды текут в траве иль по пескам...
Потом как будто дождь, потоки, ливень...
Потом как будто ветер или море, —
Потом он замолчал... И снова флейта
Запела ясно... Вдруг мы услышали
Жужжанье пчел и ропот гулких сосен...
Покамест пел он, обернувшись к солнцу, —
Светило медленно закатывалось.
И Аполлон теперь стоял в тени,
Обеззолоченный и сразу ставший темным
Из светлого,
Как будто вдруг вошедший в ночь.
А Марсий между тем,
Ласкаемый последними лучами,
Алившими лицо, багрянившими шерсть,
Пел, упоенный солнцем, и казалось,
Что к флейте золотой он прижимал уста.
И слушали все Марсия, сатира.
И, приоткрывши рты, все ждали смеха бога
И смотрели на лик божественный,
Который теперь
Казался ликом медным.
Вдруг, ясными глазами на бога глядя, Марсий
На два куска сломал об погу флейту.
Тогда огромный вопль, звериный, долгий,
Вопль радости и гиканья, восторга, топанье
ногами
Внезапно поднялись и смолкли сразу,
Потому что средь возгласов и смеха
Аполлон
Стоял один — жестокий и безмолвный

И не смеялся, всё поняв.

Марсий говорит:

«Пусть так! Он сам хотел. Я — победитель бога,
Привет тебе, земля, так долго и так много
Меня питавшая! Леса мои! Родник
Текучих вод, где я срезал сухой тростник,
В котором трепетно смеется и рыдает
Мое дыхание — растет и ропщет, тает,
То всхлипами ручья, то шумами листья.
Лица, над водами склонившегося, вы
Уж не увидите. Мне не следить глазами
В небесной синеве за стройными ветвями!
Накажет грозный бог сатира. Взрежет нож
Мой мягкий бурый мех, сдерет покровы кож,
Кровавая шерсть мою. Умру я. Но напрасно
Завистник царственный, соперник мой опасный,
Рукой неопытной наладивши свирель,
Мой голос отыскать захочет. . . А теперь
Вы тело Марсия, дрожащее от боли,
Из кожи вынете, зане не всё равно ли,
Что я уйду с земли: мой голос не умрет,
Покамест ветер морской в стволе сосны поет»

Эмиль Верхарн

УЖАС

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей —
Свой клич к стадам давно похороненных.

Кошара из камней тоски моей была
В полях моей страны, унылой и проклятой,
Где вьется ручеек, поросший бледной мятой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.

И овцы черные с пурпурными крестами
Идут, послушные, и огненный баран,
Как скучные грехи, тоскливыми рядами.

Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряха?
Мне жизнь глядит в глаза и пятится от страха. . .

1904

НА СЕВЕР

С темными бурями споря
Возле утесистых стен,
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьей сирен.

Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды. . .
Ветер попутный, сырой и усталый,
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданье
С берега молча глядела. . .
В море сквозь сумерки синие
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.

В бледном мерцанье тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело. . .
Море шумело. . .
Ширились белые крылья
Царственной пены. . .

И пели сирены,
Запутаны в спаси,
Об юге, о страсти. . .

Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя, дрожали
Высокие груди. . .
Но в море глядевшие люди
Их не видали. . .

И мимо прошел торжествующий сон —
Корабли, подобные лилиям, —
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

1904

НОЯБРЬ

Большие дороги лучатся крестами
В бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
В бесконечность между равнинами.
Большие дороги скрестились в излучины
В дали холодной, где ветер измученный,
Сыростью вея,
Ходит и плачет по голым аллеям.

Деревья, шатаясь, идут по равнинам,
В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествиях длинных,
На север уходят процессии их.

О, эти дни «Всех Святых»...
«Всех Мертвых»...

Вот он — Ноябрь — сидит у огня,
Грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
С веток срывают убранство,
И улетают, звеня и стена,
В мглу, в бесконечность, в пространство.
Деревья, мертвые. все в памяти слились.
Как звеня, в пенье, в вечном повторенье
Ряды имен жужжат в богослуженье.
Деревья в цепи длинные сплелись,
Кружатся, кружатся, верны заклатью.
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простертые ввысь,
Бог весть к какому Распятью!
Вот он — Ноябрь — в дождливой одежде,
В страхе забился в углу у огня.
Робко глядит он, а в поле, как прежде,
Ветры, деревья, звеня и стена,
В сумраке тусклом, сыром и дождливом
Кружатся, вьются, несутся по нивам.
Ветры и деревья, мертвые, святые,
Кружатся и кружатся цепью безнадежною
В вечерах, подернутых серой мглою снежною.
Ветры и деревья... мертвые... святые...
И Ноябрь дрожащими руками
Зажигает лампу зимних вечеров.

И смягчить пытается слезами
Ровный ход безжалостных часов.

А в полях всё то же. Мгла всё тяжелее...
Мертвые... деревья... ветер и туман.
И идут на север длинные аллеи,
И в ветвях безумных виснет ураган.
Серые дороги вдаль ушли крестами
В бесконечность тусклых, дремлющих полей.
Серые дороги и лучи аллей —
По полям... по скатам... вдаль... между
лесами...

1904

ДЕКАБРЬ

(Гости)

«Откройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте, люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листов».

«Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг;
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам».

«Откройте, люди, я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя.
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман».

«Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-бледный мы знаем лик.
Сырые стены и норы трещин
Всегда готовый для вас приют».

«Откройте, люди, замки, засовы,
Я вьюга, люди, откройте мне,
Мой плащ клубится и платье рвется
Вдоль по дорогам седой зимы».

«Входите, вьюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,
Где в красном пепле живет огонь».

Мы беспокойны, мы любим север,
Мы люди диких, пустынных стран.
Входите, ветры и непогоды,
За все невзгоды мы любим вас.

1905

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

О, вечера, распятые на склонах небосклона,
Над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстная кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распятые над зеркалом болот...

О пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
Вы кличете стада на светлый водопой?

Уж в небо смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных
терний
Голгофы — черные над черною землей! ..

Вот вечера, распятые над черными крестами,
Туда несите месть, отчаянье и гнет. .
Прошла пора надежд. . Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод ..

1905

ДЕРЕВО

Одинокое, —
Лето ль баюкает, треплют ли зимы,
Иней ли ствол серебрит, иль зеленеет листва,
Вечно — сквозь долгие дни гнева и нежности —
Оно налагает свое бытие на равнины.

Сотни и сотни лет видеть всё те же поля,
Те же пашни и те же посевы.
Ныне умершие очи —
Очи отдаленнейших предков
Видели,
Как петля за петлей заплеталась кольчуга
Крепкой коры и сильные ветви,
Мирно и мощно царило оно над работами дня,
Ложе из мха в косматых погах раскрывая
В полдень усталым жнецам,
И сладок был сумрак его
Детям, любившимся здесь —
Некогда.

Ранним утром по нем в деревнях
Определяют погоду:
Оно причастно тайнам клубящихся туч
И солнц, на заре замутненных.
Оно — образ былого на страже осиротелых полей,
Но как бы глубоко проедена плоть ни была его
Памятью, —
Только январь склоняться начнет
И соки в старом стволе забурлят, —
Всеми ветвями своими и завязью почек —
Руки и губы его! —
Оно, напрягаясь в едином порыве, кидает свой
крик

В будущее. .

Нитями вешних лучей и дождей закрепляет
Нежные ткани листов, напрягает узлы,
Ветви свои расправляет,
Выше к небу подымает чело,
Так далеко простирает жадные корни,
Что истощает болото и пашни соседние,
И порой
Вдруг остановится — само пораженное
Яростью этой работы немой и глубокой.
Но чтоб расцвести и царить во всей полноте
своей силы,

Выдержать сколько борьбы приходилось зимою:
Ветра ножи, проникавшие в тело,
Толчки ураганов и бешенство бури,
Иней, как острый напильник,
Ненависть дробного града и снежной метели,
Мертвый мороз, проникавший
Белым зубом до самых глубинных волокон, —

Всё было вязким страданьем и болью звенящей...
Но оно никогда и ни разу
Не отказалось от воли к расцвету,
Более полному, более пышному
Каждой новой весной.

В октябре, когда золото блещет в листве его,
Часто шаги мои, тяжко-усталые,
Но всё же широкие, я направлял в богомолье
К этому дереву, пронзенному ветром и осенью.
Как исполинский костер листьев и пламени,
Оно подымалось спокойно в синее небо —
Всё напоенное миллионами душ,
Певших в дуплистых ветвях.
Шел я к нему с глазами, повитыми светом,
Трогал руками его и чувствовал ясно,
Как движутся корни его под землей —
Нечеловечески мощным движеньем.
Я грубую грудью своей к стволу приникал
С такою любовью и страстью,
Что строем глубоким его и целостной мощью
Сам проникался до самого сердца.
Смешан и слит с глубокой и полною жизнью,
Я прилеплялся к нему, как ветвь средь ветвей,
Глубже любя эту землю, леса и ручьи —
Это великое голое поле с клубящимся небом.
Жребий не страшен, и руки
Жаждут пространство обнять,
Мускулы тело легчат,
И кричал я: «Сила — свята!
Надо, чтоб сам человек метил печатью ее
Дерзкие планы свои — грубо и страстно.

Рая ключарница — ей право выламывать двери».
Ствол узлистый без памяти я целовал. . .
Когда же вечер спускался с небес,
Я терялся в мертвых полях,
Шел неизвестно куда, прямо вперед, пред собой,
С криком, бьющим со дна сумасшедшего сердца.

23 ноября 1916

ГОРОД

Все пути в город ведут. . .
Там
Из тумана и дыма,
Громоздя над ярусом ярус,
Точно со дна сновидений,
Город встает.

Там
Мосты, из стали сплетенные, кинуты
Прыжками сквозь воздух.
Глыбы камня, пилястры, колонны
Возносят лики Горгоны;
Предместья дыбятся башнями,
Трубы, и вышки, и шпили —
В ломаных взлетах над крышами. . .
Это Город-спрут
Дыбом взметнулся
В глубине равнины над пашнями.

Там
Красные цветы

*

Вздеты

На столбы и высокие мачты, —
Светятся даже в полдень,
Подобно чудовищным яйцам.
Солнца не видно —
Света исток затянут
Углем и дымом.

Там

Реки из нефти и олова
Бьют о камни и сваи.
Резкие свисты проходящих судов
От страха воют в тумане;
Зеленый сигнал — их взгляд
В океан, в пространство.

Там

На набережных гулко звенят, сталкиваясь, вагоны,
Лязгают цепи, краны скрипят, дребезжат фургоны,
Тяжко веса роняют темные кубы,
Тюки по трапам скользят в огненные подполья,
Спины мостов разверзаются посередине,
В чаще снастей подымаясь, подобно
Виселицам; а медные буквы
Вдоль по крышам, карнизам и стенам
Стремятся изназвать вселенную.

Сверху вертятся колеса, проносятся кебы,
Летят поезда, устремляя усилья
К станциям, версты и версты
Тянущим нити огней золотого фронтона.

Рельсы ползут, разветвляясь, под землю,
Вдоль по тоннелям, по кратерам,
Чтобы вновь появиться и, сталью сверкая,
мчатся мимо

В облаке пара и дыма.

Все пути в город ведут.
Это Город-спрут.

Улица — петли ее, как узлы,
Вкруг монументов захлестнуты —
Уходит и снова приходит обходами.
Неразрешимые толпы ее,
С руками безумными, лихорадочным шагом,
С завистью злобной в глазах,
Жадно хотят ухватить уходящее время.
Ночью, вечером, утром,
В шуме, в спорах, в тоске,
Наобум кидают они
Страстное семя своей работы,
Уносимое временем.
И в порывистом ветре безумия их
Хлопают двери темных и скучных контор,
Двери банков и мрачных притонов.
На улицах пятна ватного света,
Разодранно-красного, точно горящее вретище,
Отступают от фонаря к фонарю.
Жизнь алкоголем заквашена,
Бары разверзают на тротуары
Зеркальные скинии,
В которых дробятся опьянение и буйство.
Слепая свет продает у стены —
По копейке коробку.

Голод и блуд обнимаются в дальних углах.
И черный порыв ярости плотской
Пляшет танец смерти в глухих переулках.
Вождельенье растет и растет,
Ярость становится бурей,
Давят друг друга, не видя, жаждут
Упитья золотом, пурпуром, телом.
Женщины — бледные идола — бродят
Со знаками пола в своих волосах.
Воздух, воспаленный и рыжий,
Иногда от солнца отхлынет, день обнажая, —
И тогда — это точно великий крик,
Кинутый хаосом к свету.
Площади, рынки, дома и дворцы
Ревут, распаляясь, с такою яростью,
Что умирающий ищет напрасно минуты молчанья,
Которое нужно глазам, чтоб закрыться навеки.

Днем он таков.
Меж тем, когда вечера
Ваяют небесные своды ударами черного молота,
Город вечерний вдали царит над равниной,
Как образ безмерных ночных упований.
Он воззывает желанья, великолепья и чары,
Зарево меди кидает до самого неба.
Газ мириадный мерцает золотой купиною.
Рельсы становятся дерзкой тропою, ведущей
К лживому счастью в сопровожденье удачи и
силы.

Стены его представляются издали крепостью,
И всё, что идет от него — и туманы, и дымы, —
Светлым призывом доходит к далеким селеньям.

Это Город-спрут —
Осьминог пламенеющий,
Гордый скелет на распутье.
И все дороги отсюда
Ведут в бесконечность —
К Городу.

29 ноября 1916

ЗАВОЕВАНИЕ

Земля дрожит раскатом поездов,
Кипят моря под носом пароходов;
На запад, на восток, на север и на юг
Они бегут,
Пронзительны и яростны,
Зарю, и ночь, и вечер разрывая
Свистками и сигналами.
Их дымы стелются клубами среди туманов
Безмерных городов;
Пустыни, отмели и воды океанов
Грохочут гулами осей и ободов;
Глухое, жаркое, прерывное дыханье
Моторов взмыленных и паровых котлов
До самых недр глубинных потрясает
Землю.

Усилья мускулов и фейерверк ума,
Работа рук и взлеты мыслей дерзких
Запутались в петлях огромной паутины,
Сплетенной огненным стремленьем поездов
И кораблей сквозь пенное пространство.

Здесь станции из стали и стекла,
Там города из пламени и теней,
Здесь гавани борьбы и сновидений,
Мосты и молы, уголь, дымы, мгла;
Там маяки, вертясь над морем бурным,
Пронзают ночь, указывая мель;
Здесь Гамбург, Киль, Антверпен и Марсель,
А там Нью-Йорк с Калькуттой и Мельбурном.
О, этих кораблей в путях заросший киль!
О, груз плодов и кож, для неизвестных целей
Идущий сквозь моря самумов и метелей,
Сквозь ярость бурь и раскаленный штиль!
Леса, лежащие на дне глубоких трюмов,
И недра гор на спинах поездов;
И мраморы всех пятен и цветов,
Как яды темные, запекшиеся руды,
Бочонки и тюки, товаров пестрых груды,
И надписи: Кап, Сахалин, Цейлон.
А возле них, кипя со всех сторон,
Взмывает, и бурлит, и бьется в исступленья
Вся ярость золота. . . Палящее виденье!

О, золото! кровь беспощадной вседвижущей силы,
Дивное, злое, преступное, жуткое золото!
Золото тронов и гетто, золото скиний,
Золото банков-пещер, подземное золото,
Там оно грезит во тьме, прежде чем кинуться
Вдоль по водам океанов, изрыскать все земли,
Жечь, питать, разорять, возносить и мятежить
Сердце толпы — неисчетное, страстное, красное.

Некогда золото было богам посвященным
Пламенным духом, рождавшим их молнии.
Храмы их подымались из праха, нагие и белые,
Золото крыш отражало собою их небо.
Золото сказкою стало в эпоху русских героев:
Зигфрид подходит к нему сквозь морские закаты,
Видит во тьме ореолы мерцающей глыбы,
Солнцем лежащей на дне зеленого Рейна.
Ныне же золото дышит в самом человеке,
В цепкой вере его и в жестоком законе,
Бродит отсветом бледным в страстях его
и безумье,
Сердце его разъедает, гноит его душу,
Тусклым бельмом застилает божественный взор.
Если же вдруг раздражается паника — золото
Жжет, пепелит и кровавит, как войны, как мор,
Рушит безмерные грезы ударами молота.
Всё же
Золото раз навсегда в человеке вздыбило
Волю — к завоеванью безмерного.
О, ослепительный блеск победителя — духа!
Нити металла — носители быстрого слова —
Сквозь сумасшедшие ветры, сквозь сумасшедшее
море
Тянут звенящие нервы одного огромного мозга.
Всё повинуется некому новому строю.
Кузня, в которой чеканят идеи, — Европа.
Расы древних культур, — расчлененные силы,
Общие судьбы свои вы вяжете вместе с тех пор,
Как золото жалит ваш мозг общим желаньем!
Гавани, липкие воды от дегтя и вара,
Черные склады, кипящие штольни, гудящие домны,

Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою,
Он в городах гудел по вечерам; их пламя,
Неисчислимое и красное, твой озаряло лоб,
Их черный лай, и мстительные крики,
и улюлюканье охоты
Были лаем, криком и травлей твоей души;
Всё существо твое глубоко искажалось их
богохульствами,
И воля твоя была добычей их потока:
Вы ненавидели друг друга, обожая.

О, взлеты их, кощунства, преступленья,
Вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
Забыли их жертв число;
Чудовищные их нагроможденья заслоняют небо,
Ужас века сосредоточен в них;
Но их душа таит тот вечный миг,
Что в неисчетных днях собою метит время.
История была плодотворима
Из века в век приливом их идей;
Их мозг и кость питались новой кровью,
Что в старый мир вливается надеждой
И гением.

Они калят дерзання, причащают
Пространствам и колдуют горизонты,
Их притяжения вникают в дух, как яд;
И каждый, вознесенный над другими, —
Ученый ли, апостол иль поэт —
Несет свой пламенник в пыланье их пожаров.

Они в неведомое строят лестницы
Для восхожденья дерзостных исканий,
Светлыми ногами топчут ложь, что заковала

цепью

Мир с человеком, человека с богом.
Видали ль ночью вы короны их огней
И храмы из стекла и золота, откуда
Чудовищные взгляды одетых медью стекол
Устремлены к созвездьям сивиллинским?
В кварталах молчаливых посещали ль
Лаборатории, в которых неотступно
От вывода до вывода, от связи и до связи
Сквозь бесконечности преследует ученый
Мельчайший трепет жизни?

Тот человек, что судит, мыслит, волит,
Ими весит и мерит сам себя.
Все тайны, все загадки мира
Им служат ставкой уже целый век
В борьбе великой с судьбами.
О, ярость знания и осторожность схваток!
Загадка здесь — ее следят и травят,
И настигают, как зверя свирепого,
Чтоб уловить мгновение, когда
Ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
Покровы тьмы и истину откроют.
Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
И тяжкие мосты, что дают глыбы устоев
каменных,
Базальты порта и градские стены
Трепещут на четыре стороны пространства, —
Они не потрясутся столь полной радостью,

Как страстный дух искателя
Над новою победой.
Нечто в мире внезапно изменилось
Этим взрывом света из темноты;
И всё равно, прославят иль ославят гений того,
Кто выломал враждебные ворота,
Что защищали тайну, —
Сила его поглощена великой силой городов:
Их бытие еще полнее ею.

Так те, что мыслят, будущему мира
От времени до времени несут ярь мозга своего;
А между тем встают еще иные,
Те, что горят с толпой и для толпы.

Огни болотные и мученики грезы,
Они провидят ее идущей по садам мучений
И крови — к светлому свершению времен,
Когда дух справедливости проникнет человека.
Ложь издала законы — тексты черных истин:
Их надо грызть всечасно,
Ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
А если надо кровавых удобрений для светлых
всходов,
Если нужен великий гнев для полноты любви,
Если надо исступленье для сердца рабьего, —
То гулы набатов черных взмоют города
Рыкающим приливом вокруг новых прав.

Там, наверху, в кварталах старых, в тусклых
залах,
Где светы газа безграничат жесты,

А голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
Утверждают потребность всех нормальным кругом
права;

Таблицы, тексты, правила, системы и библии
Даются в передержках торжественных речей:
Для человека в мире нет господина иного,
чем он сам,

И в нем самом владычествует — мир;
Оратор говорит и сильно, и высоко; слово его
сверкает,

Косматое и истребительное, как полет кометы,
Как знамя безумное, простертое к победе;
А если он берет толпу трамплином —

Что до того? Он тот, чья воля полна чрез край
Вскипающими токами расцветов;

Отчаянья, и ярости, и гневов,
И грозное молчание горят в его руках:

Как некий тайный властелин, он видит
Подземное глухое набуханье внезапных сил.

Когда ж в согласии простом и неизбежном
сопрягнутся

Полет искателя с порывами трибуна,

То нет у неба такой грозы,

Таких громов у власти, у порядка такого
произвола,

Чтоб раздавить собой победу мировую.

1916

ТОЛПА

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
С пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
Как в котле, — трагические толпы;
В городах, внезапно потрясенных
Мятежом иль паникой, — во мне,
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысяченная душа.
Лихорадка с зыбкими руками,
Лихорадка в буйный свой поток меня
Увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
Сердце рвется к славе или преступленью,
И на дикий зов единокупной силы
Я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли —
Всё пронзает молнией сердца;
Всё известно прежде, чем сознание
Верной цели в мозг впилося, как гвоздь.

Факелами потрясают руки,
Рокот волн на папертях церквей,
Стены, башни, вывески, вокзалы —
Пляшет всё в безумье вечеров.
Простирают мачты золотые свету
И отчаянные огни,
Циферблаты отливают кровью;
И когда трибун на перекрестке

Говорит, то ловишь не слова —
Только жест, которым иступленно
Он клеймит венчанное чело
Императора и рушит алтари.
Ночь кипит и плещет грозным шумом,
Электричеством налитан воздух,
Все сердца готовы отдаться,
Душа сжимается безмерною тревогой, разрешаясь
Криками. . и чувствуешь, что каждое мгновенье
Может вспыхнуть иль раздавить рождающийся
мир.

Народ — тот, кому судьба судила
Руки, владеющие молнией и громом,
И власть открыть средь стольких смутных светов
Ту новую звезду, которая пребудет
Магнитом новой всемирной жизни,
Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
Сердце мое
В этот час,
В сердце мира поющий и бьющий?

Что нам до ветхих мудростей, до солнц
Закатных отпылавших истин?
Вот час, кипящий юностью и кровью,
Вот ярый хмель столь крепкого вина,
Что всякая в нем гаснет горечь,
Надежда широкая смещает равновесья,
Что утомили души:
Природа ваяет новый лик
Бессмертья своего;
Всё движется, — и сами горизонты идут на нас.

Мосты, аркады, башни
Потрясены до самых оснований.
Внезапные порывы множеств
Взрывают города,
Настало время крушений и свершений,
И жестов молнийных, и золотых чудес
На высотах Фаворов осиянных.

Как волна, потерянная в реках,
Как крыло, исчезшее в пространство,
Утони, душа моя, в толпе,
Бьющей город торжествующею яростью
и гневом.

Посмотри, как каждое безумье,
Каждый ужас, каждый клич калятся,
Расправляются и прыщут в небо;
Собери в единый узел миллионы
Напряженных мускулов и нервов;
Намагнись всеми токами,
Отдайся
Всем внезапным превращеньям
Человека и вещей,
Чтоб ощутить внезапно, как прозренье,
Грозный и жестокий закон, что правит ими, —
Написанным в тебе.

Жизнь согласи с судьбою, что толпа,
Сама того не зная, возглашает
Этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает
И долг, и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин

Поддерживают каждый ее порыв
К трагическим и красным горизонтам,
Творимым ею.
Грядущее! Я слышу, как оно
Рвет землю и ломает своды в этих
Городах из золота и черни, где пожары
Рыщут, как лев с пылающею гривой.
Единая минута, в которой потрясены века,
Узлы, которые победы развязывают в битвах.
Великий час, когда обличья мира меняются,
Когда всё то, что было святым и правым, —
Кажется неверным,
Когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
Когда толпа — носительница гнева, —
Сочтя и перечтя века своих обид,
На глыбе силы воздвигает право.
О, в городах, внезапно потрясенных
Кровавым празднеством и ужасом почным,
Чтоб вознести и возвеликолепить себя,
Душа моя, замкнись!

Июнь 1917

— «Все эти негодяи — трусы. Где ты живешь?»
— «Там, около фонтана. И я вернусь, мой
капитан».
— «Брысь, постреленок». Мальчишка убежал —
убогая уловка.

Солдаты хохочут вместе с офицером.
Хрип умирающих мешается со смехом.
Но смех утих, когда внезапно мальчик —
Бледный и гордый — появился вновь,
Сам подошел к стене и им сказал: «Я — здесь».
Бесмысленная устыдилась смерть, и офицер его
помиловал.

Дитя, я сам не знаю в этом урагане,
В котором смешалось всё: добро и зло, геройство
и злодейство,

Что в эту схватку тебя влекло, но говорю,
Что дух незрячий твой — высокий дух,
Мужественный и прямой, ты сделал на дне
последней бездны

Два шага: один — навстречу матери, другой —
навстречу смерти.
Ребенок, который предпочел спасенью, бегству,
жизни,

Весне, расцвету, детским играм — стену,
У которой пали его друзья, — прекрасен.
Слава поцеловала тебя в чело. о мужественный
отрок!

Ты был бы в древности отмечен Стезихором,
Чтоб защищать одни из врат Аргоса,
Ты был бы вписан в ряды священных отроков
Тиртеем в Сицилии, Эсхилом в Фивах,

Твое бы имя было начертано на медных досках,
Ты был бы одним из тех, вослед которым дева
С кувшином на плече, у водополя, где дремлют
буйволы,
Глядит задумчиво, не в силах оторвать
взволнованного взгляда.

15 марта 1921

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящая книга является первым изданием произведений М. А. Волошина, отражающим весь его творческий путь. Из обширного наследия поэта в нее вошли лишь лучшие, наиболее характерные стихотворения и переводы. Все произведения печатаются в хронологической последовательности; стихотворения, объединенные в циклы, — в том порядке, который зафиксирован в авторизованных источниках. Тематические разделы, существовавшие во всех печатных изданиях Волошина, не сохраняются, ибо поэт постоянно менял их порядок, состав и названия. В частности, разделы книг «Стихотворения. 1900—1910» (М., 1910) и «*Anno mundi ardentis. 1915*» (М., 1916) существенно трансформировались в сборнике избранных произведений «Иверни» (М., 1918): раздел «Годы странствий» превратился в «Странствия», «*Amogí amaga sacrum*» — в «Любовь», многие стихотворения из раздела «Звезда Полынь» вошли в «Киммерию» и т. д.

В дальнейшем поэт продолжал совершенствовать структуру своих поэтических сборников, дополняя их новыми произведениями из книги «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919; 2-е изд. — Берлин, 1923).

Перегруппировки циклов были связаны в первую очередь с творческой эволюцией Волошина, изменением его эстетических и философских взглядов. В неопубликованном предисловии к сборни-

ку «Иверни» («Предварение») поэт так объяснил внутреннюю связь разделов книги: «Лирическое средоточие этой книги стихов — странствие. Человек — странник: по земле, по звездам, по вселенным. Человеческий дух древнее, чем земля и звезды... Вначале странник отдается чисто импрессионистическим впечатлениям внешнего мира («Странствия», «Париж»), переходит потом к более глубокому и горькому чувству матери-земли («Киммерия»), проходит сквозь испытание стихией воды («Любовь», «Облики»), познает огонь внутреннего мира («Блуждания») и пожары мира внешнего («Армагеддон»), и этот путь завершается «Двойным венком», висящим в междузвездном эфире. Таков психологический чертеж этого пути, проходящего сквозь испытания стихиями: землей, водой, огнем и воздухом». Соответственно «Иверни» делились на восемь разделов, упомянутых Волошиным.

В 1920-х годах поэт подготовил к печати два новых сборника: «Selva oscura» и «Неопалимая купина». Тогда же он работал над циклом философских стихотворений «Путями Каина» (некоторые из них печатались в повременных изданиях как отрывки из поэмы). Волошин собирался издать их отдельной книгой, однако цикл остался незавершенным и вошел затем в «Неопалимую купину».

«Selva oscura» (1910—1914) по замыслу автора явилась второй книгой лирики, непосредственным продолжением «Стихотворений. 1900—1910». Он писал: «Война и Революция помешали ей выйти

отдельной книгой в свое время, но отдельные стихотворения ее вошли в сборник моих избранных стихотворений «Иверни»... С начала войны я уже не писал больше чистой лирики, но несколько стихотворений, дописанных в последующие годы, включены мною в эту же книгу». В «Selva oscura» имеются разделы «Блуждания», «Киммерийская весна» и «Облики», однако их наполнение иное по сравнению с соответствующими разделами сборника «Иверни». В 1922 г. Госиздат заключил с Волошиным договор на издание «Selva oscura», но книга не вышла в свет. Машинописный экземпляр «Selva oscura» (хранится в Доме поэта) автор дополнял отдельными произведениями, написанными в конце 1920-х годов.

«Неопалимая купина» — книга о войне, России и революции — объединяет произведения, созданные после 1914 г. Машинопись «Неопалимой купины» в 1922 г. была передана Волошиным В. В. Вересаеву для издания в Политиздате, но этот замысел не осуществился. В 1925 г. Волошин подготовил новое издание сборника. 3 августа 1925 г. он послал заявление в Главлит, в котором сообщил, что в книгу будут включены произведения 1914—1924 гг., в свое время опубликованные в различных периодических изданиях. Судить о составе этой книги можно по авторизованной машинописи. Творческие пометы и правка свидетельствуют о том, что Волошин уточнял текст и состав этой книги вплоть до 1929 г.

1929 г. был последним годом деятельности Волошина-поэта (см. вступ. ст., с. 39).

В настоящем издании тексты печатаются по следующим источникам: «Стихотворения. 1900—1910» (М., 1910), «Anno mundi ardentis. 1915» (М., 1916), «Иверни» (Избранные стихотворения) (М., 1918), «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы» (М., 1919).

При составлении сборника, подготовке текста и примечаний использован также обширный архив Волошина. В первую очередь это авторизованные машинописные экземпляры книг «*Selva oscura*» (1922) и «Неопалимая купина» (1925). В трех творческих тетрадах (1902—1907, 1907—1918, 1919—1931) отражен процесс создания большей части произведений Волошина — от черновых набросков и заготовок до белого текста. Помимо них сохранился путевой дневник 1900 г. («Журнал путешествий»), дневники 1901—1932 гг., разрозненные записи разных лет и письма. Все эти материалы в основном хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Используемые в комментариях материалы Волошина хранятся также в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральном государственном архиве литературы и искусства, Рукописном отделе Института мировой литературы им. М. Горького.

Дата в тексте, как правило, указывает на время окончательного завершения произведения. При наличии нескольких дат выбирается дата того источника, по которому печатается стихотворение. Те случаи, когда дата создания стихотворения не

совпадает с датой, указанной автором, специально оговариваются в примечаниях. Многие произведения Волошина 1903—1905 гг. сразу после окончания работы над ними были включены поэтом в письма к его первой жене М. В. Сабашниковой. То же относится к некоторым стихотворениям 1895—1922 гг., вошедшим в письма к матери поэта Е. О. Волошиной и к А. М. Петровой.

Значительная часть материалов, использованных при подготовке настоящего издания, была любезно предоставлена составителю вдовой поэта М. С. Волошиной (1887—1976).

СТИХОТВОРЕНИЯ

В вагоне. «Я его писал ночью в вагоне между Парижем и Тулузой под такт стуку поезда...» — сообщил Волошин А. М. Петровой 14 сентября 1901 г., вернувшись из путешествия в Андорру, Испанию и на Балеарские острова.

Кастаньеты. Начато на Балеарских островах (остров Майорка), куда Волошин приехал 18 июня 1901 г., закончено в Испании. 24 июня он писал матери из Вальдемозы: «Здесь чувствуешь себя совсем как будто в XIII веке. По вечерам все крестьяне... собираются в деревенском кабачке и там идут бесконечное пенье, танцы, гитара и кастаньеты». *Кругликова Елизавета Сергеевна* (1865—1942) — художница, спутница Волошина в путешествии по Испании и Балеарским островам.

Пустыня («Монмартр... Внизу ревет Париж...»). Вторая часть стихотворения (ст. 34—50) записана в «Дневнике» № 1, который Волошин начал вести, вернувшись из Средней Азии. Под текстом помета: «26 мая, вечер, Париж». Волошин приехал в Париж в марте 1901 г. Первая часть стихотворения, вероятно, была создана позже. В альбоме Н. Л. Ауэр-Миклашевской она сопровождается следующим посвящением, датированным 24 февраля 1902 г.: «Если Вам это стихотворение будет напоминать наши карабканья по Монмартру, то я буду спокоен, что все недостатки этих скверных стихов будут скрадываться великолепным видом». *Но мне мерещится порой* и т. д. Волошин провел в пустыне полгода — с середины сентября 1900 до конца февраля 1901 г., работая на изысканиях Ташкентско-Оренбургской ж. д. (см. вступ. ст., с. 10). *Тамерлан* — Тимур (1336—1405) — полководец и завоеватель Азии. *Джюсан* — степная трава.

Тангейзер. Стихотворение навеяно впечатлениями от поездки Волошина в Андорру в июне 1901 г., а также первым актом оперы Вагнера «Тангейзер, или Состязание певцов в Вартбурге» (1843—1845). «Это стихотворение называется просто «Тангейзер», — писал Волошин А. М. Петровой 14 сентября 1901 г., — а об Андорре тут я упомянул только потому, что писал его под этим впечатлением. Меня страшно поразила эта картина своим полным тождеством с первым актом вагнеровской оперы, когда грот Венеры исчезает в

громе и молнии, а Тангейзер остается один в широкой долине». *Тангейзер* — знаменитый миннезингер XIII в., жизнь и личность которого стали темой народных германских легенд, связанных с преданиями о горе Герзельберг, или Венериной горе. *Избранный богиней*. По преданию, богиня Венера увлекла Тангейзера к себе в грот, где он провел 7 лет. *Венерин грот* — пещера на горе Герзельберг, легендарный вход во владения Венеры. *Андорра* — карликовое государство в Восточных Пиренеях, между Испанией и Францией. «Туда нет никакой дороги, и она замечательна тем, что об ней никто никогда ничего не писал», — сообщил Волошин матери. Он посетил Андорру вместе с художниками Е. С. Кругликовой, Е. Н. Давиденко и А. А. Киселевым.

«Как мне близок и понятен...» Датируется на основании записи в «Дневнике» № 1. На одной из его страниц имеется помета Волошина: «То, что было написано с марта 1901 до декабря 1902 в Париже».

«...И мир — как море пред зарею...» Первая редакция стихотворения («Я — Вечный Жид...») записана в «Дневнике» № 1. Послано Я. А. Глову в письме из Парижа 1 января 1903 г. Служило вступлением к разделу «Годы странствий». Я. А. Глов — кузен М. А. Волошина, учился вместе с ним в Московском университете, был исключен за революционную деятельность.

ность; летом 1902 г. вел пропаганду среди рабочих и интеллигентов Феодосии.

Париж. Волошин впервые посетил Париж в 1899 г., жил там в 1901—1905 гг. и 1915—1916 гг., приезжал в 1906, 1908 и 1911 гг.

1. Дождь. В начале марта 1904 г. Волошин писал М. В. Сабашниковой: «Я так люблю парижский дождь. Всегда такой внезапный, такой неожиданный. У меня давно вертятся отдельные строфы, но я их никак не могу заключить». 9 марта 1904 г. он отправил стихотворение В. Брюсову. *Морды чудовищ* — химеры кафедрального собора Парижской богородицы (*Notre Dame*) (1163—1257).

2. «В серо-сиреневом вечере...» Записано в творческой тетради № 1 под заглавием «В Булонском лесу». Послано в письме М. В. Сабашниковой (начало июля 1905 г.). В том же письме Волошин сообщил, что читает книгу А. Л. Волынского (Флексера) «Леонардо да Винчи». «*Вечеря*» — картина Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (1497), написанная на евангельский сюжет.

3. «Осень... осень... Весь Париж...» Датируется по письму к А. М. Петровой из Парижа 14 декабря 1902 г. и записи в «Дневнике» № 1.

4. «На старых каштанах сияют листы...» Авторская дата: 1905; датируется по за-

писи в творческой тетради № 1 и письму к М. В. Сабашниковой 23 марта 1906 г. *Строй геральдических лилий*, т. е. лилий в гербах французских королей. Геральдическая лилия по своей форме напоминает лист каштана.

5. «Закат сиял улыбкой алой...» Послано М. В. Сабашниковой из Женевы в августе 1904 г. По замыслу Волошина, должно было войти в поэму, начатую стихотворным письмом (см. «Отрывки из посланий»). *Медон* — город во французском департаменте Сены и Уазы.

7. «Парижа я люблю осенний строгий плен...» *Большое Колесо* — аттракцион, сооруженный для Всемирной выставки в Париже (1900). *Башня-великанша* — Эйфелева башня (1889).

8. «В молочных сумерках за сизой пеленой...» *Трианон* (Большой и Малый) — дворцы в парке Версаля.

9. Диана де Пуатье. *Диана де Пуатье* (1499—1566) — герцогиня Валантенуа, возлюбленная короля Генриха II, имевшая большое влияние при французском дворе. После смерти короля была отправлена Екатериной Медичи в изгнание, последние годы провела в замке Аме. *Фонтенебло* — город в 59 км от Парижа, резиденция французских королей. *Валуа* — династия французских королей (1328—1589), к Ангулемской ветви которой принадлежали Франциск I и Генрих II. *Лун-*

ный серп. Диана (римск. миф.) — богиня Луны. *Средь лилий Генриха и саламандр Франциска.* Имеются в виду гербы королей Франции Генриха II (1547—1559) и Франциска I (1515—1547). *Заимф* — священное покрывало богини Астарты, прикосновение к которому грозило смертью. *Актеон* (греч. миф.) — знаменитый охотник из Фив, превращенный в оленя богиней Дианой (Артемидой) за то, что подсмотрел, как она купалась. *Мраморы Гужона* — знаменитая «Диана» работы французского скульптора эпохи Возрождения Жана Гужона (1510—1572); скульптурная группа, в центре которой — аллегорический портрет Дианы де Пуатье.

10. Голова *madame de Lamballe*. 27 сентября 1905 г. Волошин сообщил Сабашниковой, что прочел в книге французского историка Жюль Мишле «История французской революции» о том, «как отрубленную голову маркизы де Ламбалль принесли к куаферу — он завил ее, напудрил, и ее после понесли на пике к окну Марии-Антуанетты». Окончено в 1906 г., судя по письму Волошина М. В. Сабашниковой 16 марта 1906 г. («Я все утро писал стихи о мадам де Ламбалль»). Авторская дата: 1905. *Madame de Lamballe* — Мария-Тереза-Луиза де Ламбалль, принцесса Кариньян (1749—1792), приближенная королевы Марии-Антуанетты. В феврале 1792 г. во время событий Великой французской революции была заключена в тюрьму и 4 сентября того же года казнена. *Тирс* (греч. миф.) — жезл Диониса, увитый плю-

щом, виноградными листьями и увенчанный шишкой. *Тампль* — группа зданий в Париже (церковь, замок и башни), некогда принадлежавших ордену тамплиеров, во время революции башни были превращены в государственную тюрьму; здесь был заключен Людовик XVI с семьей.

12. Цеппелины над Парижем. Датируется по творческой тетради № 2. 30 апреля 1915 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Цеппелины устраивают великолепные фейерверки... над Парижем. Мы любовались на них в слуховое окошко, и весь «бой» в воздухе был у нас на глазах». *Цеппелины* — дирижабли, применялись для ночных налетов во время первой мировой войны. *Руны* — древнейшие германские письмена. *Телец* и *Кассиопея* — созвездия.

13. Весна. В «Anno mundi ardentis» стихотворение было посвящено Александре Васильевне Гольштейн, переводчице и писательнице, выступавшей в печати под псевдонимом А. Баулер.

14. «Неслись года, как клячья белой пены...» В «Anno mundi ardentis» напечатано под заглавием «Парижу», с посвящением Е. С. Кругликовой (см. с. 381), автору иллюстраций в книге «Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой» (Петроград, 1916). *Юный Дант* — Данте Алигьери (1265—1321). В юности он не был в Париже, однако в «Божественной комедии» он вспоминает Соломенную улицу в Латинском квартале, где слушал лекции.

*

По мнению биографов, это могло быть между 1308 и 1310 гг. *Отрок Бонапарт* — Наполеон I (1769—1821). Учился в Парижской военной школе в 1784—1785 гг.

«К твоим стихам меня влечет не новостъ...» *Балтрушайтис* Юргис Казимирович (1873—1944) — русско-литовский поэт.

В цирке. *Андрей Белый* — псевдоним писателя-символиста Бориса Николаевича Бугаева (1880—1934).

«Я вся — тона жемчужной акварели...» На автографе имеется помета Волошина: «К портрету Мар(гариты) Вас(ильевны)» — первой жены Волошина, художницы и поэтессы Сабашниковой (1882—1973).

«Я ждал страданья столько лет...» Судя по письму Волошина А. М. Петровой от 1 июля 1905 г., написано в ноябре 1903 г. в поезде между Москвой и Парижем. Авторская дата: «Декабрь 1903. Москва». Стихотворение автобиографично: Волошин познакомился с М. В. Сабашниковой в Москве в 1903 г.; в 1904 г. Сабашникова приехала в Париж учиться живописи и пробыла там до 21 июня. В 1905 г. она жила в Париже с января по июнь. 29 июня 1905 г. Волошин записал в «Дневнике» № 2, озаглавленном «История моей души»: «Все, что я написал за последние два года, — все было только обращением к Маргарите В(асильевне) и часто только ее словами». В 1906 г.

состоялась их свадьба, но брак оказался неудачным и кратковременным.

«Пройдемте по миру, как дети...» Упомянуто в ответном письме М. В. Сабашниковой Волошину 17 декабря 1903 г. 10 марта 1904 г. Волошин писал А. М. Петровой: «„Пройдемте по миру“ — главное в первой строфе, а не в последней».

«О, как чутко, о, как звонко...» Первый вариант стихотворения послан в письме М. В. Сабашниковой 6 января 1904 г. со словами: «Письмо — кусочек души, отрывок мысли, закрепленный именно в эту минуту».

«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» Авторская дата: «1904. Париж», однако стихотворение могло быть создано раньше, т. к. записано в творческой тетради № 1 перед стихотворением «Я вся — тона жемчужной акварели...» (1903). 6 января 1904 г. оно было послано М. В. Сабашниковой (см. с. 388). К ней обращены слова: «О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!»

Когда время останавливается. 9 августа 1904 г. Волошин записал в «Истории моей души»: «Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход — в прошлое. Завесу будущего нам заказано подымать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т. е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь. Иллюзия возможности действия.

Майя. В будущее можно проникать только желанием». 24 октября 1905 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Я его считаю стихотворением не цельным — это энциклопедия целого периода и нуждается во многих комментариях. Но отдельные строфы очень ценны».

1. «Тесен мой мир...» Написано после поездки с М. В. Сабашниковой в *St. Cloud* (Сен-Клу), пригород Парижа, которая состоялась летом 1904 г. Впоследствии Волошин неоднократно вспоминал о Сен-Клу и описал прогулку во втором послании к М. В. Сабашниковой (см. «Отрывки из посланий»). *Лампа Психеи*. Образ навеян книгой Марселя Швоба «Лампа Психеи», а также известным мифом об Амуре и Психее. При свете лампы Психея пыталась увидеть своего возлюбленного Амура, дотоле остававшегося для нее невидимым.

2. «Быть заключенным в темнице мгновенья...» Судя по творческой тетради № 1, начато в 1904 г. Послано в письме А. М. Петровой 15 июля, М. В. Сабашниковой — 16 июля 1905 г. *Ариадна* (греч. миф.) — дочь критского царя, которая помогла афинскому герою Тезею пройти мрачный Лабиринт, дав ему клубок ниток. Конец нити Тезей закрепил у входа. Ср. стихотворение В. Брюсова «Нить Ариадны» (1902).

«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...» *Одилон Рэдон* (1840—1916) —

французский художник, с которым Волошин познакомился в Париже в 1901 г. 22 августа 1901 г. он писал А. М. Петровой, что чувствовал себя совершенно потрясенным лицом Сатаны на рисунках Рэдона к «Искушению святого Антония». «Такого лица никто и никогда не давал Сатане. В наклоненной голове и в глазах, смотрящих в сторону, бесконечная скорбь познания. «Где же цель?» — спрашивает Антоний, которого Сатана уносит на своих крыльях за пределы мироздания. «Нет цели», — грустно отвечает Сатана». Рэдону посвящена одна из лучших статей Волошина. Офорт О. Рэдона, изображающий ангела, висел в парижской мастерской Волошина; ныне находится в Доме поэта (см. с. 446).

Рождение стиха. Приводится в письме Волошина М. В. Сабашниковой от 28 января 1904 г. *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт-символист, близкий друг Волошина с 1902 г.

«Зеленый вал отпрянул и пугливо...» Датируется по письму Волошина к А. М. Петровой от 10 марта 1904 г. *Распускается, как папоротник красный*. Согласно народному поверию, папоротник цветет один раз в году, в Иванову ночь (24 июня), кроваво-красным цветком.

«Я люблю усталый шелест...» В сб. «Стихотворения. 1900—1910» — под заглавием «Старые письма», с посвящением А. В. Гольштейн

(см. с. 387). Первый вариант послан Сабашниковой в начале марта 1904 г. 18 сентября того же года он сообщил ей: «Я часто перебираю Ваши письма. Это деревья Познанья облетевшие цветы». Лирические стихи 1904—1905 гг. Волошин думал объединить в цикле под заглавием «Старые письма».

Отрывки из посланий. В сб. «Стихотворения. 1900—1910» печатались как два самостоятельных произведения под заглавиями «Письмо» и «Второе письмо». Адресованы М. В. Сабашниковой (см. с. 388). Первое послание является письмом из Парижа от 5 июля 1904 г. Второе создано под впечатлением поездки в Сен-Клу в 1904 г. (см. примеч. к стих. «Тесен мой мир...», с. 390). Окончательный вариант послан в письме М. В. Сабашниковой 29 июня 1905 г.

1. «Я соблюдаю обещанье...» Стих «Онегина». «Отрывки из посланий» написаны онегинской строфой и пронизаны реминисценциями пушкинской поэзии. *Ритурнель* — повторяющаяся музыкальная фраза. *Таиах* (Тайа) — бюст египетской царицы, находящийся в парижском музее Гиме (зал VI, № 1076), оригинал — в Каире (см. примеч. к стих. «Таиах»). Волошин и Сабашникова посетили музей Гиме 6 июня 1904 г. «Королева Таиах, — записал в тот же день Волошин в дневнике. — Она похожа на Вас. Я подходил близко. И когда лицо мое приблизилось, мне показалось, что губы ее шевелились. Я ощутил гу-

бами холодный мрамор и глубокое потрясение. Сходство громадно». *Китеж* — легендарный город, часто упоминаемый в русских народных преданиях; во время нашествия Батыя он, согласно легенде, скрылся на дно озера Светлояр. *Тюильри* — дворец в Париже, окруженный великолепным садом; после французской революции 1793 г. был почти полностью разрушен.

2. «И были дни, как муть опала...» *Какая темная Обида*. «Я думал о Деве-Обиде и стою за это», — писал Волошин М. В. Сабашниковой, вероятно имея в виду образ Девы-Обиды в «Слове о полку Игореве». *И крови жертвенной напиток* — намек на эпизод, рассказанный в «Одиссее» Гомера: у входа в Аид Одиссей совершил жертвоприношение; кровь жертвенных животных лилась в яму, к которой сразу же слетелись души умерших: напившись жертвенной крови, они вновь обрели язык людей и стали рассказывать Одиссею о себе. *Калибан* — персонаж трагикомедии Шекспира «Буря». «*Некий встал с востока* и т. д. — цитата из стихотворения, записанного Волошиным в «Истории моей души» и принадлежащего, по всей вероятности, М. В. Сабашниковой.

Предвестия. Авторская дата 9 января является элементом текста. Судя по творческой тетради № 1, стихотворение окончено 20 июня. 1 июля 1905 г., посылая его А. М. Петровой, Волошин писал: «Несколько недель назад я написал

такое стихотворение под впечатлением того, что мне пришлось видеть, слышать и перечувствовать в январе в Петербурге». Волошин приехал в Петербург утром 9 января, был свидетелем Кровавого воскресенья и описал свои впечатления в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», опубликованной во французском журнале «Европейский курьер» (февраль 1905). *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Пред тем как сбылись мартовские Иды* и т. д. Намек на убийство Юлия Цезаря 15 марта 44 г. в день традиционного римского праздника — мартовских Ид. Незадолго до убийства прорицатель предупредил Юлия Цезаря, чтобы он боялся мартовских Ид, ибо дурные предзнаменования предвещают беду. *Священный занавес*, или внутренняя завеса, делил *скинию* (место общественного богослужения) на две части: большую — «святилище» и меньшую — «святая святых», доступную лишь священникам. *Голгофа* — гора, где, по преданию, был распят Иисус Христос и два разбойника. *Бронзовый Гигант* — Медный всадник, памятник Петру I в Ленинграде. Речь идет об основании Петербурга. *Солнце гневное явило лик тройне*. 9 января Волошин обратил внимание на то, что в небе над Петербургом видны три солнечных диска (явление отражения), и упомянул об этом в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге». *Пентаграмма* — магический знак, пятиугольник.

Т а и а х. Датируется по «Истории моей души». Обращено к М. В. Сабашниковой (см. с. 388).

Написано после временного разрыва с ней. Автограф стихотворения под заглавием «Эпилог» имеет приписку: «Это последние слова к Вам... Прощайте, царица Таиах!» *Таиах* (Тайа) — жена Аменхотепа III (ок. 1455—1419 до н. э.), фараона 18-й династии. Слепок с ее головы из музея Гиме украшал парижскую мастерскую Волошина, а впоследствии Дом поэта в Коктебеле.

«В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...» В автографе озаглавлено «Resignation», т. е. «Смирение». Послано в письме М. В. Сабашниковой 26 июня 1905 г. «Я теперь понимаю смирение, — писал Волошин. — У меня есть один путь, один выход — забыть о себе».

«Мы заблудились в этом свете...» В автографе имело заглавие «Надпись на античном барельефе». Имеется в виду барельеф в парке Версаля с изображением Орфея, уходящего в царство Аида. Авторская дата в «Стихотворениях. 1900—1910»: «Весна 1905». Датируется по творческой тетради № 1. Посвящено «египетской царевне Таиах», как сообщил Волошин А. М. Петровой 1 июля 1905 г., имея в виду М. В. Сабашникову (см. с. 388). *Орфей* (греч. миф.) — легендарный певец, своим пением приводивший в движение скалы и укрощавший диких зверей. В поисках умершей жены *Эвридики* он спустился в загробный мир. Растроганный дивной игрой Орфея на кифаре и его пением, Аид согласился вернуть Эвридику, но с условием: возвращаясь из загробного мира, певец не

должен был оглядываться на тень жены. Орфей нарушил этот запрет и потерял Эвридику навсегда.

Зеркало. Датируется по творческой тетради № 1. В письме к М. В. Сабашниковой (в июле 1905 г.) Волошин сообщил, что стихотворение написано под впечатлением ее слов, сказанных во время прогулки в Сен-Клу (см. с. 390): «Как глаз, лишенный век, я брошено на землю». 29 сентября 1905 г. он снова вспомнил о стихотворении и сообщил Маргарите Васильевне: «Я сказал себе весной: я — зеркало... И я стал зеркалом, трепещущим, вечно отражающим и ничего не задерживающим». *И капает вода.* 13 июня 1904 г. Волошин записал в «Истории моей души»: «Сумерки в мастерской. Кто-то смотрит в зеркало. Часы тикают. Капля капает из крана. Иногда перебивая: «Да, да, да. Так». «Тик-так... да-да...» В зеркале видны только большие, грустные, безнадежные глаза и черные губы. За окном город. Вечерний. Громады домов. И как будто он вдруг лопнет от напряжения».

«Небо в тонких узорах...» Датируется по творческой тетради № 1. Посылая стихотворение М. В. Сабашниковой, Волошин писал 6 июля 1905 г.: «Теперь идет дождь... Я слышу за окном, как он стелется мягко, непрерывно, ровно. не нарушаясь никаким звуком города. Я хожу по комнате, прислушиваюсь, и в душе у меня складываются и плывут строфы, которые еще в парке все пели и пели и никак не могли найти себя».

«Мир закутан плотно...» Послано в письме М. В. Сабашниковой в начале июля 1905 г. *Майя* — универсальное понятие индуизма, имеющее несколько значений: иллюзия, под которой скрыта некая сверхчувственная сущность, прама-терь — материя и т. д.

В мастерской. Стихотворение является письмом к М. В. Сабашниковой, отправленным 11 октября 1905 г. из Парижа. В нем описана новая мастерская Волошина на Монпарнасе (Boulevard Edgar Quinet, 16), куда он переселился в августе 1905 г. после отъезда Сабашниковой в Цюрих. *Notre Dame* — собор Парижской богородицы. *Таиах* — см. примеч. к стих. «Таиах», с. 395.

Вослед. *Антигона* (греч. миф.) — дочь фиванского царя Эдипа, героиня трагедий Софокла «Антигона», «Эдип в Колоне»; сопровождала слепого отца в изгнании.

«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» Датируется по письму Волошина к матери (1906) и упоминанию в письме М. В. Сабашниковой к Е. О. Волошиной от 22 сентября 1906 г. *Петрова Александра Михайловна* (1871—1921) — знаток татарского искусства, преподавала в Александровском училище Феодосии; на квартире Петровых Волошин жил в 1894—1896 гг., когда учился в феодосийской гимназии. Впоследствии он писал о Петровой: «... она ока-

залась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий». *Руны* — см. с. 387. *Богдановщина* — имение Сабашниковых под Москвой (ст. Издешково, Московско-Брянской ж. д.).

Руанский собор. Цикл посвящен знаменитому готическому собору XII—XVI вв. во французском городе Руан на р. Сене. Волошин посетил его с А. Р. Минцловой 24—25 июля 1905 г., сообщив затем М. В. Сабашниковой: «Моя душа проходит через ряд мистерий готических соборов». В журнале «Перевал» (1908, № 8-9) публикация стих. 4—7 сопровождалась предисловием Волошина, озаглавленным «Крестный путь». *Минцова Анна Рудольфовна* (ум. 1910) — теософка, переводчица, знаток истории и искусства Франции; была гидом Волошина в Руане и Шартре.

1. **Ночь.** Волошин впервые побывал в Руанском соборе в полночь 24—25 июля 1905 г.

2. **Лиловые лучи.** В стихотворении почти дословно повторяются строки из письма к М. В. Сабашниковой 24 июля 1905 г., в котором Волошин уверял, что видел в фиолетовом луче ее душу. *Роза* — большое круглое окно собора, расчлененное фигурным переплетом.

3. **Вечерние стекла.** *Кана* Галилейская — палестинский город, находясь в котором, по преданию, Христос превратил воду в вино. *Осанна* — молитвенный возглас.

4. С т и г м а т ы. *Стигматы* — следы распятия. *Пилястры* — четырехгранные полуколонны, одной гранью вделанные в стену.

5. С м е р т ь. Восхождение на башню Руанского собора состоялось в полдень 25 июля 1905 г. Волошин описал его в письме к М. В. Сабашниковой 26 июля того же года. *Лития* — в православном богослужении часть всенощного бдения накануне праздников.

6. П о г р е б е н ь е. *Крипты* — подземная галерея под собором, место захоронения, здесь: могильные плиты.

7. В о с к р е с е н ь е. *И стоит собор — первоприсестница* и т. д. 24 июля 1905 г. Волошин писал М. В. Сабашниковой из Руана: «А снаружи весь собор, светлый и пышный, был похож на 13-летнюю первоприсестницу, которая, осторожно подбрав кисей, кружева и ленты своего белого облака, ступает кончиками ног по черным плитам запыленного временем города».

К и м м е р и й с к и е с у м е р к и. «Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического)», — писал Волошин в статье «К. Богаевский», а в автобиографии заметил: «Истинной родиной духа для меня был Коктебель и Кимме-

рия, земля, насыщенная эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен». В цикле косвенно отразилась душевная драма Волошина, который в 1907 г. переживал разрыв с первой женой М. В. Сабашниковой. *Богаевский Константин Феодорович* (1872—1943) — художник, друг Волошина, ему принадлежат иллюстрации к сборнику «Стихотворения. 1900—1910», включавшему «Киммерийские сумерки».

1. *Полынь*. В сб. «Стихотворения. 1900—1910» авторская дата: 1907, но, по-видимому, стихотворение было написано раньше, т. к. приводится в письме Волошина жене от 14 декабря 1906 г. Судя по письму А. М. Петровой от 28 января 1907 г., Волошин предполагал включить «Полынь» в сборник «мистических и философских стихотворений для немногих». Этот сборник под заглавием «Ad rosam» он предполагал издать в «Орах», но не осуществил этого замысла. В автографе стихотворение имело заглавие «Звезда Полынь», указывающее на ассоциативную связь с одноименной картиной К. Ф. Богаевского, написанной на сюжет Апокалипсиса (окончена в 1907 г.). Волошин неоднократно обращался к этому образу, считая его не только символом ужаса (Звезда Полынь в Апокалипсисе, 8, 10—11), но также символом познания и магии.

2. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...» Имеется в виду дорога из Феодосии в Коктебель, по которой Волошин с юношеских лет ходил пешком, отды-

хая обычно на вершине горы Кучук-Янышары, где теперь находится его могила. *Орарь* — часть дяконского облачения, длинная лента, перекидываемая через плечо. *Чобр*, или чабрец, чабер — душистая низкорослая трава, растущая на юге.

4. «Старинным золотом и желчью напитал...» В стихотворении описан Карадаг, горная гряда вулканического происхождения близ Коктебеля в Крыму. *Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал* — обломки базальтовых скал в Карадаге, похожие на доисторических чудовищ. *Чобр* — см. предыдущее примеч.

5. «Здесь был священный лес...» *Божественный гонец* — Гермес (греч. миф.), посланник богов, часто изображался обутом в сандалии с крылышками.

7. «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...» *Гекзаметр* — античный шестистопный дактилический стих. *Семизвездье*, или Плеяды — группа звезд в созвездии Тельца.

8. *Mare internum. Mare internum* — древнее название Средиземного моря. *До темных врат*. Имеются в виду Геркулесовы столпы — скалы по берегам Гибралтарского пролива. *Гераклов град* — *Кадикс* (Кадис) — город в Испании, основанный в XI в. до н. э. По преданию, Геракл, совершая десятый подвиг, воздвиг около Кадиса один из Геркулесовых столпов. *Стикс* (греч.

миф.) — река подземного царства мертвых, олицетворение ужаса и мрака, попасть в нее можно было из пещеры, находящейся на берегу Средиземного моря, на юге Пелопоннеса. *Оникс* — полудрагоценный камень, разновидность халцедона. *Взводни* — высокие продольные волны. «*Одиссея*» — поэма Гомера.

9. *Гроза*. Эпиграф — неточная цитата из «Слова о полку Игореве». *Див* — мифическое существо в «Слове о полку Игореве». *Посулье* — местность по берегам р. Сулы. *Тутнуть* — стучать, греметь, шуметь. *Ардавда*, или Ардабда — таврское или аланское название Феодосии, упоминаемое безымянным автором в V в. *Корсунь* — греческая колония Херсонес. *Посурожье* — в IX—XI вв. так называлась местность близ Сурожа (Судака). *Весть Стрибожья*. Стрибог — упоминаемый в «Слове о полку Игореве» языческий бог ветра. *Яруг* — глубокий овраг. *Обида вещь* — см. Дева-Обида, с. 393.

10. *Полдень* («Травую жесткою, пахучей и седой...»). В автобиографическом очерке «О себе самом» Волошин с гордостью заметил, что его сонет «Полдень» был в свое время перепечатан в крымском журнале, посвященном виноградарству. *Карадаг* — см. с. 401.

11. *Облака*. *Марный* — туманный. *Пиния* — тощая сосна, дерево с зонтикообразной кроной. *Глициния* — вьющееся растение. *Эриннии* (греч.

миф.) — богини мщения. *Ассуры* (санскр. миф.) — темные силы, борющиеся с богами.

12. *Сехмет*. *Сехмет* — богиня Мемфиса, супруга Пта, изображалась с головой льва, была олицетворением солнечного зноя. *Луда* — сплав олова со свинцом. *Персть* — пыль, прах.

14. *Одиссей в Киммерии*. Имеется в виду эпизод из поэмы Гомера, рассказывающий о путешествии Одиссея в царство умерших, «печальную страну киммерийцев». *Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна* (1872—1907) — писательница, жена Вячеслава Иванова. В конце 1906 — начале 1907 гг. Волошин и М. В. Сабашникова жили на «башне» у Вячеслава Иванова. Смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (17 (30) октября 1907 г.) послужила невольной развязкой сложных и запутанных взаимоотношений обеих супружеских пар. *Уж много дней рекою Океаном*. Согласно представлениям древних греков, мрачное царство Аида находилось на крайнем северо-западе за рекою Океаном. *Персефона* (греч. миф.) — жена Аида, владычица подземного мира, царства усопших. *Раина* — южный тополь.

«Как Млечный Путь, любовь твоя...»
Послано в письме М. В. Сабашниковой от 17 марта 1907 г.

«Блуждая в юности извиистой дорогой...»
Финальное стихотворение раздела «Апогі амага sacrum» («Любви посвящена го-

*

речь», или «Любви горькая святыня») в сб. «Стихотворения. 1900—1910». В автобиографии 1925 г. Волошин разделил всю свою жизнь на семь семилетий, обозначив пятое (1905—1912) как «блуждания духа», или «*Selva oscura*» (итал. — «темный лес»). *Я в темный... лес вступил...* — из «Божественной комедии» Данте.

Солнце. В сб. «Стихотворения. 1900—1910» было посвящено Борису Алексеевичу Леману, поэту и критику, писавшему под псевдонимом Б. Дикс. В антологии «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» (Пб.—М., 1909, под ред. М. Л. Гофмана) есть его статья о творчестве Волошина.

Полдень («Звонки стебли травы...»). Датируется по творческой тетради № 2.

Осенью. *Вир* — водоворот, омут.

«Священных стран...» *Серафим* (христ. миф.) — шестикрылый ангел.

«Над горестной землей...» В сб. «Стихотворения. 1900—1910» было посвящено поэтессе Поликсене Сергеевне Соловьевой (1867—1924), писавшей под псевдонимом *Allegro*. *Хаос* (греч. миф.) — источник жизни мира.

«Перепутал карты я пасьянса...» Послано в письме Волошина А. М. Петровой в ноябре 1908 г. В сб. «Стихотворения. 1900—1910»

было посвящено поэтессе Аделаиде Казимировне Герцык (Жуковской) (ум. 1925). *Иль-де-Франс* — наследственная область французской королевской династии Капетингов с Парижем в центре; ядро нынешней Франции. *Версаль* — город и дворец под Парижем, бывшая резиденция французских королей. *Грааль* — чаша с кровью Христа, которая, согласно легенде, хранилась в таинственном замке. *Монсальват* — легендарное место, где собирались рыцари Круглого стола (Парцифаль и др.), охраняющие Грааль. *Меганом* — мыс в Крыму между Коктебелем и Судаком; в Судаке жила А. Герцык.

«Возлюби просторы мгновенья...» В сб. «Стихотворения. 1900—1910» было посвящено Екатерине Алексеевне Бальмонт, жене поэта К. Д. Бальмонта. Посылая стихотворение матери, Волошин сообщил ей 2 января 1909 г.: «Эту осень у меня бывали моменты глубокой грусти. Вот ещё одно стихотворение, написанное в эту же осень». *Схима* — монашеский чин, налагающий самые строгие правила.

«Пришла изночница; в постель...»
Изночница — бессонница.

«Вещий крик осеннего ветра в поле...» Датируется по творческой тетради № 2. *Вопли Деметры*. Имеется в виду древнегреческий миф о похищении Аидом Персефоны, дочери богини плодородия и земледелия Деметры. Оплакивая дочь, Деметра покинула Олимп и не возвра-

щалась до тех пор, пока Зевс не повелел Аиду отпускать Персефону к матери на две трети года. По представлениям древних греков, с этим связана смена времен года на земле: осень наступает, когда Персефона покидает мать и уходит в мрачное царство Аида, только весной, с ее возвращением, природа оживает.

П р и з ы в. *Гранатовые зерна* — символ брака. В греческом мифе о похищении Персефоны (см. предыдущее примеч.) рассказывается, что Аид, отпуская жену на землю, дал ей проглотить зерно граната. *Чобр* — см. с. 401.

«К э т и м г у л к и м м о р с к и м б е р е г а м . . .» В сб. «Стихотворения. 1900—1910» посвящено поэтессе Елизавете Ивановне Дмитриевой (Васильевой) (1887—1928), с которой Волошин познакомился в апреле 1908 г. в Москве. В конце мая 1909 г. она приехала отдыхать в Коктебель.

О н а. Написано под влиянием работ философа-идеалиста, поэта В. С. Соловьева (1853—1900), в частности его учения о Мировой Душе и Вечной Женственности. Волошину был также близок неоплатонизм В. С. Соловьева, его понимание истории, выраженное в «Трех разговорах», и апокалипсические пророчества, характерные для «Письма о конце всемирной истории. . .». *От Гималайских ступеней До древних пристаней Европы.* В сентябре 1900 — феврале 1901 гг. Волошин находился в Средней Азии (см. вступ. ст., с. 10). В автобиографии он писал: «Сюда до меня дошли

«Три разговора» и «Письмо о конце всемирной истории...» Вл. Соловьева... Но надо всем было ощущение пустыни, той широты и равновесия, которое обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину. Здесь же создано решение на много лет уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы». *Микенская Афродита* — статуя богини любви и красоты Афродиты, найденная при раскопках древнегреч. города Микены. *Таиш* — см. с. 395. *Мона Лиза* — картина Леонардо да Винчи, шедевр портретной живописи. *Севилья* — главный город одноименной испанской провинции, в XVI—XVII вв. был центром испанского искусства.

Sogona astralis. В сб. «Стихотворения. 1900—1910» был посвящен поэтессе Е. И. Дмитриевой (Васильевой), см. с. 406. По форме представляет собой венок сонетов: цикл из 15 сонетов сплетен в единое целое благодаря сонет-ключу, который ставится первым или последним. Каждая строка этого сонета последовательно является первой и последней строками остальных 14 сонетов, составляющих венок. В «*Sogona astralis*» выражено «эзотерическое», т. е. тайное, предназначенное лишь для посвященных восприятие мира, сложившееся у Волошина в результате жестокого душевного кризиса под влиянием целого ряда идеалистических, мистических, теософских и антропософских концепций (в том числе под влиянием трудов Рудольфа Штейнера, философии А. Бергсона и теорий Вяч. Иванова). *Стожар* —

созвездие Плеяды; здесь: сияние звезд. *Икар* (греч. миф.) — юноша, дерзко устремившийся к Солнцу на крыльях из перьев, скрепленных воском. Солнце расплавало воск, и Икар упал в море. *Мы беглецы, и сзади наша Троя* — намек на многолетние странствования Одиссея (греч. миф.), покинувшего разрушенную Трою и возвращающегося на родину со своими спутниками. *Фавор* — гора близ Назарета, где, согласно евангельской легенде, Христос явился своим ученикам в образе бога, окруженный сияющим светом. *Альфа Пса* — Сириус, звезда первой величины в созвездии Большого Пса. *Вега* — яркая звезда в созвездии Лиры. *Бета Медведицы* — звезда Мерак в созвездии Большой Медведицы. *Лета* (греч. миф.) — река забвения, поток воды которой заставляет забыть все земное; здесь также намек на «крушение» Ахилла, чью мать, богиня Фетида, пыталась сделать неуязвимым. *Орковы ключи* (римск. миф.) — ключи мертвой воды, бьющие в загробном мире бога смерти Оркуса. *Персефонея* — см.: Персефона (с. 403). *Пелид* — сын Пелея Ахилл, герой древнегреческого эпоса «Илиада», погиб во время осады Трои. Явившись Одиссею среди теней загробного мира, Ахилл горько сетовал на свое безрадостное существование в подземном царстве Аида. *Навий яд* — трупный яд. *Лаокоон* — жрец бога Аполлона, о гибели его и сыновей, удушенных гигантскими змеями, рассказывается в древнегреческих сказаниях троянского цикла; здесь: скульптурная группа «Лаокоон и его сыновья, обвитые змеями» работы Агесан-

дра, Полидора и Атенодора (I в. до н. э.). *Грааль* — см. с. 405. *У птиц — гнездо, у зверя — темный лог* и т. д. Восходит к тексту Евангелия. «Лисицы имеют норы и птицы гнезда, а сын человеческий не имеет, где преклонить голову» (Матфей, 7, 20). *Рапсод* — певец. *Скрыт в яслях бог* и т. д. — намек на евангельскую легенду о рождении Христа. *Плащаница* — полотно, покрывало, которым обертывали тело усопшего. *Изида* — древнеегипетская богиня неба, земли и подземного мира; *пелена* Изиды — смерть. *Менада* (греч. миф.) — жрица бога растительного мира, покровителя виноградарства и виноделия Диониса. *Орфей* — см. с. 395. *Рамена* — плечи. *Живые звенья, Которыми связует нас Луна*. Теософы утверждали, что на Луне человеческий дух развивает образное сознание с его символическим характером. *Кто оцет жаждал* (еванг.) — намек на страдания распятого Христа, которому вместо воды поднесли к губам губку, смоченную уксусом (оцетом).

Делос. Программное стихотворение, напечатанное в первом номере журнала «Аполлон» (1909—1917); посвящено его редактору *Сергею Константиновичу Маковскому* (1878—1962). *Делос*, или Микро-Дилос — небольшой каменистый остров в Эгейском море, по преданию, родина *Феба* — бога, покровительствующего искусству. В творческой тетради № 2 сохранилась запись Волошина: «Делос — бродячий остров, рожденный ударом Посейдонова трезубца. Зевс приковал его

ко дну моря алмазными цепями в сердце Циклад. На нем вырос впервые лавр». Медуза *Горгона* (греч. миф.) — чудовище, взгляд которого обращал все окружающее в камень. *Сирос, Парос, Наксос* — острова в Эгейском море, принадлежащие к группе Киклад, или Циклад. *Мирто* (Мирт) — остров на юге Эвбеи. *Микон*, или Миконос — остров в Эгейском море, примыкающий к Эвбее. *Гневный Лучник* — Феб. Изображался с серебряным луком за плечами и золотыми стрелами, которыми он поражает врагов. *Мойры* (греч. миф.) — богини судьбы. *Эллада* — Древняя Греция. *Циклады*, или Киклады — группа островов в Эгейском море близ Греции. *Цинт* (Кинт, или Кинф) — гора на острове Делос, у подножия которой находится храм Аполлона.

«Станет солнце в огненном притине...» *Притин* — предел движения, зенит солнца. *Ликей, Фойбос, Эойос* — эпитеты бога Аполлона (греч. миф.) — светлый, чистый, утренний.

«Ступни горят, в пыли дорог душа...» *Невидимый град* — намек на сказание о невидимом граде Китеже (см. с. 393). *Осокорь* — разновидность тополя.

«Ты живешь в молчанье темных комнат...» В автографе имело заглавие «Черубине де Габриак». Черубина де Габриак — образ, связанный с литературной мистификацией, идея которой принадлежала Волошину, а исполнение — Е. И. Дмитриевой (см. с. 406). В 1909 г. стихотво-

рения, подписанные этим псевдонимом, были присланы в редакцию журнала «Аполлон». Псевдоним придуман летом 1909 г. в Коктебеле. Волошин писал: «Габриак был морской черт, найденный в Коктебеле на берегу против мыса Мальчин. Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду». Стихотворения Черубины де Габриак были напечатаны в журнале «Аполлон», и долгое время в редакции были убеждены, что их автор — светская дама, таинственная незнакомка редкой красоты. В ноябре 1909 г. Волошин сообщил А. М. Петровой: «О Черубине создана легенда, и она существует уже как совершенно самостоятельная личность». Но мистификация вскоре раскрылась. Впоследствии Е. И. Дмитриева писала Волошину: «„Черубина“ поистине была моим рождением, увь! — мертворождением». Некоторые стихи Черубины де Габриак Волошин тщательно правил. Черубина — героиня Брет-Гарта. Волошин так охарактеризовал ее в «Воспоминаниях о Черубине де Габриак»: «Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины». *Любишь ты вериги и запреты* и т. д. В стихах Черубина де Габриак часто рекомендовала себя фанатически настроенной католичкой. *Бензой* — росный ладан, курительная смола, добываемая на Малайских островах. *Нард* — ароматическое вещество, добываемое из растения, встречающегося в Гималаях. *Содом* и *Гоморра* — города в устье реки Иордан, которые, по библейскому преданию, были сожжены за то, что их жи-

тели отличались крайней распущенностью нравов. *Леонардо* — Леонардо да Винчи (1452—1519).

«День морозно-сизый расцвел и замер...» В «Антологии» книгоиздательства «Мусагет» (М., 1911) печаталось в цикле «Киммерийская весна»; в «*Selva oscuga*» отсутствует.

Из цикла «Киммерийская весна». Печатается по машинописному тексту «*Selva oscuga*», за исключением стихотворения «Коктебель», имеющего более поздний авторизованный источник текста.

1. «Моя земля хранит покой...» *Эвксинский понт* — древнегреческое название Черного моря (Гостеприимное море).

2. «Седым и низким облаком дол повит...» Опыт применения античного размера (алкеевой строфы) в русском стихосложении. 4 мая 1910 г. Волошин писал А. М. Пешковскому: «Я, когда уехал из Москвы после нашего разговора, целый месяц выстукивал в уме алкееву строфу и сделал потом несколько опытов».

3. «К излогам гор душа влекома...» *Увал* — крутой склон или скат. *Плантаж* — глубокая обработка земли для посадки винограда.

5. «Звучит в горах, весну встречая...» *Введение* — церковный праздник введения богородицы во храм.

6. «Облака клубятся в безднах зеленых...» *Киик-Атлама* — гористый мыс в Черном море возле Коктебеля.

7. «Над синевой зубчатых чащ...» *Гамадриада* — сонмище дриад, лесных нимф, живущих в ветвях деревьев и кустарников.

12. Карадаг. *Карадаг* — см. с. 401. *Самофракийская Победа* — статуя конца IV—II вв. до н. э. богини победы Нике, найденная при раскопках на острове Самофракия в Эгейском море. *Херубу* — херувимы; здесь: причудливые скалы в Карадаге. В журнале «Аполлон» Волошин писал: «...на базальтовых стенах Карадага, нависших над морем, можно видеть окаменевшее сложное шестикрылье Херубу, сохранившее формы своих лучистых перьев». *Вход в Аид*. Волошин имеет в виду Ревуший грот в Карадаге.

13. Коктебель. *Киммерия* — см. с. 399. *Изваян профиль мой*. Южная оконечность горы Кок-Кая в Карадаге, обращенная к морю, напоминает профиль Волошина.

14. «Акрополи в лучах вечерней славы...» *Кастилия* — одно из феодальных королевств XI—XV вв. в центре Пиренейского полуострова. *Трояда* — так древние называли северо-западную часть Малой Азии с главным городом

Троей. *Апулия* — часть древней Япигии, занимавшей юго-восток Италии.

15. Пустыня. О своем восприятии Азии и Европы Волошин писал в творческой тетради № 3 в апреле 1919 г.: «Мне было дано почувствовать в пустыне материнство Азии. Европа — кактус среди пустыни (Азии). Вернись. Иди в Латинский мир приобрести грани, чтобы отражать радугу света. Россия отпустила меня. Теперь она зовет: пойми, проникнись мной, назови меня, разгадай мои сны!». *Сослан в глубь степей* — см. вступ. ст., с. 10. *Неопалимая купина* — горящий, но не сгорающий куст терновника, из которого, по библейскому преданию, бог разговаривал с Моисеем на горе Хорив.

«Себя покорно предавая сжечь...» *Страстной путь* (еванг.) — крестный путь Иисуса Христа на место казни — Голгофу.

«Раскрыв ладонь, плечо склонила...» *Венерино кольцо* — термин хиромантии, полукруг, характеризующий темперамент человека.

«К Вам душа так радостно влекомая!...» Послано в письме поэтессе Марине Цветаевой (1892—1941). О своем восприятии этого письма и встречах с Волошиным Цветаева рассказала в воспоминаниях «Живое о живом». «*Вечерний альбом*» — название первой книги стихов М. Цветаевой, вышедшей в 1910 г., когда Цветаева была еще гимназисткой.

«Дети солнечно-рыжего меда...» В творческой тетради № 2 посвящено писателю Алексею Николаевичу Толстому (1882—1945). Ответ на стихотворение А. Н. Толстого «Талисман» («Родила меня мать в гололедицу...», 1909). *Пчелы у чресл Афродиты*. Согласно древнегреческому мифу, богиня любви и красоты Афродита проходит по земле, сопровождаемая зверями, птицами, вокруг ее бедер роем вьются пчелы.

«В неверный час тебя я встретил...» *И в кровь вино не претворилось*. Намек на церковный обряд причащения крови и телу Христа.

«Судьба замедлила сурово...» *Росстань* — перекресток дорог.

«Теперь я мертв. Я стал строками книги...» *Не отходи смущенной Магдалиной* и т. д. Мария из галилейского города Магдалы — грешница, которую, по евангельскому преданию, Христос обратил в праведницу: первой пришла к его гробу и обнаружила, что он пуст.

«То в виде девочки, то в образе старушки...» В машинописи стихотворения имеются инициалы посвящения балерине Наталье Алексеевне Милюковой, с которой Волошин встречался в Париже в декабре 1911 г. В письме 22 сентября 1912 г. она благодарила Волошина за отзыв в газете и добрые советы: «По крайней

мере в душе «девочки-старушки» они пустили глубокие корни. И если что выйдет из моих танцев, из моих попыток создать нечто новое, то Вам, первому моему учителю и руководителю, буду я обязана этим».

«Безумья и огня венец...» Судя по творческой тетради № 2, в 1911 г. Волошин задумал цикл «Облики» и написал для него несколько «портретов женщин». В этот цикл входили «Я вся — тона жемчужной акварели...», «Над головою подымая...», «Ты живешь в молчанье темных комнат...», «То в виде девочки, то в образе старушки...» и другие стихи, рисующие «облики» М. В. Сабашниковой, М. П. Кудашевой, Черубины де Габриак и др. *Сивилла* — прорицательница, предсказывающая будущее, здесь: намек на А. Р. Минцлову (см. с. 398).

«Отроком строгим бродил я...» *Киммерия* — см. с. 399. *Орион* (греч. миф.) — великан, охотник, превращенный богами в созвездие. В стихотворении намек на миф об ослеплении Ориона и его исцелении лучами солнца.

Два демона. *Теолог* — богослов. *Рулетка Зодиака* — пояс, шириной в 15° на небесной сфере, по которому движутся Солнце, Луна и планеты. Разделялся на 12 знаков по числу зодиакальных созвездий: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Ры-

бы. *Лития* — см. с. 399. *Клюй, коршун, печень!* Намек на миф о Прометее, наказанном богами за то, что он похитил с неба огонь для людей. *Цевница* — свирель.

М а и е. Обращено к Марии Павловне Кудашевой (урожд. Кювилье) (р. 1895), с которой Волошин познакомился в январе 1913 г. Впоследствии она стала женой Ромена Роллана.

«Я узнаю себя в чертах...» *Отриколийский кумир* — «Зевс Отриколи», бюст «отца богов и людей» Зевса (греч. миф.). В Ватикане (музей Пио-Клементино) находится римская копия с греч. оригинала IV в. до н. э. *Быком, и облаком, и птицей*. Имеются в виду древнегреческие мифы о Зевсе, который менял свой облик, представляя перед возлюбленными то в виде быка (миф о похищении Европы), то облака (миф об Ио), то лебедя (миф о Леде), то кукушки (миф о Гере). *Семела* — мать Диониса, отцом его был Зевс. *Даная* — мать Персея, родившая его от Зевса. *Орел* — священная птица Зевса.

«В янтарном забвенье полуденных минут...» Напечатано к 300-летнему юбилею со дня смерти В. Шекспира (1564—1616) в золотой книге поэзии «A book of Homage to Shakespeare», London — Oxford, 1916, p. 516—517. В 1916 г., возвращаясь в Россию через Англию, Волошин заехал в Оксфорд и принял участие в шекспировских торжествах. *Тьеполо* (1696—1770) — итальян-

ский живописец, автор монументальных полотен. *Джорджионе* (1478—1511) — художник венецианской школы. *Акант*, или медвежья лапа — травянистое растение. *Буксус* — низкорослая разновидность самшита. *Веласкес* (1599—1660) — испанский художник.

«Я быть устал среди людей...» *К враждебным ропотам молвы*. В автобиографическом очерке «О самом себе» Волошин писал: «В 1913 г. у меня произошла ссора с русской литературой из-за моей публичной лекции о Репине. Я был предан всероссийскому ostrакизму, все редакции периодических изданий для меня закрылись, против моих книг был объявлен бойкот книжных магазинов». Публичная лекция, которую упоминает Волошин, издана отдельной брошюрой («О Репине», М., 1913).

«Как некий юноша, в скитаньях без возврата...» *Как некий юноша*. Намек на диалоги Платона «Пир» и «Федр», в которых говорится, что человек, стремясь к любви, красоте и духовному совершенству, обречен вечно искать свою вторую половину (брата или сестру). Также намек на евангельскую притчу о блудном сыне.

«Над головою подымая...» В публикации альм. «Гриф» (М., 1914) служило вступлением к венку сонетов «Лунария», посвященному Майе — Марии Павловне Кудашевой (см. с. 417). *Майя* — см. с. 397. Здесь: божественная творческая сила, ассоциирующаяся с творческим нача-

лом. Обыгрывается также имя Кудашевой и имя нимфы гор. *Дрок* — растение с ярко-желтыми цветами, растущее в Крыму.

«Томимый снами, я дремал...» В «*Anno mundi ardentis*» было посвящено М. В. Сабашниковой. *Вошел последним внутрь ковчега*. В автобиографии 1925 г. Волошин писал: «В самые последние часы перед началом войны успел проехать в Базель, где принимал участие в построении Дома св(ятого) Иоанна». Также намек на библейское сказание о всемирном потопе и ковчеге праотца Ноя. *Дорнах* — местечко в Швейцарии, близ Базеля, где под руководством антропософа Р. Штейнера строился храм св. Иоанна (Гетеанум). В 1914 г. по приглашению М. В. Сабашниковой, участвовавшей в деятельности «интернационального братства», создававшего храм, Волошин приехал в Дорнах.

«Плывущий за руном по хлябям диких вод...» *Плывущий за руном*. Имеется в виду древнегреческий миф об аргонавтах, отправившихся в Колхиду за золотым руном. *В землю сеющий драконы зубы* и т. д. Предводитель аргонавтов Ясон по требованию царя Колхиды Ээта запряг волшебных быков и засеял поле зубами Дракона, полученными от богини Афины. Из земли поднялись вооруженные воины и бросились на аргонавтов, пытаясь их уничтожить. Ясон кинул в толпу воинов камень, и они вступили в битву между собой, истребляя друг друга.

«В эти дни великих шумов ратных...» В «Anno mundi ardentis» было посвящено писателю Илье Григорьевичу Эренбургу (1891—1967), с которым Волошин сблизился в Париже в 1915 г. Посылая стихи А. М. Петровой, Волошин писал 7 февраля 1915 г.: «Они лучше скажут все, что делалось внутри».

Реймская богоматерь. В «Anno mundi ardentis» эпиграфом служило высказывание Родена о Реймском соборе. Написано после разрушения собора немецкими войсками при отступлении из Реймса (город был занят немцами в сентябре 1914 г.). Стихотворение навеяно также книгой Огюста Родена «Кафедральные соборы Франции» (Париж, 1914). *Реймская богоматерь* — знаменитый готический собор 1211—1311 гг., в котором короновались французские короли. *Овидь* — горизонт, край земли. *Шампань* — область Франции.

Аполлион. Печатается по тексту сборника «Иверни». Вторая редакция стихотворения под заглавием «Война» вошла впоследствии в цикл «Путями Каина». Посылая стихотворение А. М. Петровой, Волошин писал: «...там весь мой взгляд на войну». С первых дней империалистической войны он занял позицию «христианского» пацифизма и непротивленчества, осуждая любое убийство и любое насилие. В 1916 г. Волошин был призван в армию как ратник ополчения 2-го разряда, но, вернувшись в Россию, написал письмо военному

министру с отказом от воинской службы. Своеобразно понятый пацифизм сочетался у Волошина с яростным отрицанием технического прогресса, который, по его мнению, привел лишь к изобретению и усовершенствованию всевозможных средств уничтожения человека. 22 января 1915 г. он писал матери о демонах, для которых человечество построило стальные и медные тела, а 13 августа того же года сообщил ей: «Я Россию как народ исключаю из своих безнадежных выводов. Но Европа безнадежна. Она во власти Демонов машин, Демонов жадности». Те же мысли — в статье Волошина «Демоны разрушения и закона». *Аполлион* (библ.) — Ангел Бездны, о котором говорится в «Откровении Иоанна Богослова» (Апокалипсис, 9, 11). В созвездье Льва Волошин впервые увидел над Парижем немецкие цеппелины. *Проклятье Вавилона*. По библейскому преданию, бог наказал людей, пытавшихся достичь неба и строивших Вавилонскую башню, тем, что разделил их языки, и они перестали понимать друг друга. *Одни и те же речи* и т. д. 29 апреля 1915 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Самое страшное для меня в настоящей войне ложь и то, что все говорят одно и то же».

Д р у г у. Эпиграф — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Арион». Обращено к художнику К. Ф. Богаевскому (см. с. 400), который в 1915 г. был призван в армию. Волошин в это время находился на юге Франции, в Биаррице. *Ардавда* — см. с. 402. *Крылатый парус напряга-*

ли — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Арион». *Да не прервутся нити прях.* В античной мифологии богини судьбы Парки (Мойры) изображались в виде прях; нити, которые они прядут, — дни человеческой жизни.

«Ты держишь мир в простертой длани...» В «Аппо mundi ardentis» под заглавием «Пролог» было посвящено писателю Андрею Белому, который принимал участие в строительстве антропософского храма св. Иоанна (Гетеанума). *В начальный год Великой Брани* и т. д. Перед самым началом первой мировой войны (1914—1918) Волошин приехал в Базель и Дорнах (см. с. 419). *И, на замо́к небесных сводов.* Имеется в виду храм св. Иоанна, который строился высоко в горах. *Извергнуть тучи саранчи.* Имеется в виду одно из пророчеств Апокалипсиса (см. стих. «Аполлион»). *Пасти жезлом железным* — цитата из Апокалипсиса (12, 5 и 9, 15). *Не их, не ваш, не свой, ничей.* В годы первой мировой войны Волошин занял позицию «над схваткой» (см. вступ. ст., с. 23).

«Не ты ли...» *И топчешь, грозный, Грозды людские В точиле гнева?* Имеется в виду образ Апокалипсиса «точило гнева божия» (14, 19). *Благословить Убийц и жертву.* Отвергая войну как насилие, Волошин в 1914—1915 гг. проповедовал христианские заповеди. В частности, 28 января 1914 г. он писал матери, что в «Новом завете есть, в сущности, только одна заповедь: Люби!» (см. вступ. ст., с. 23).

«И был повергнут я судьбой...» *Сей град* — Париж, в гербе которого имеется изображение ладьи, плывущей по волнам. *Горькою звездой*. Имеется в виду Звезда Полярная, предвестие конца света (Апокалипсис).

«Не успокоена в покое...» *Гоморра* — см. с. 411. *Мирра* — благовонная смола из коры тропических деревьев.

Подмастерье. В сборнике «Иверни» было посвящено композитору Юлии Федоровне Львовой (1873—1950). «Мой поэтический символ веры — см. стихотворение „Подмастерье“...», — писал Волошин в автобиографии. 17 июля 1917 г. он сообщил А. М. Петровой: «„Подмастерье“ и есть по замыслу стихотворение дидактическое и написано, и обработано, как таковое. Оно написано вполне по тому рецепту, который в нем изложен: «Речение, в котором все слова притерты, пригнаны и сплавлены... становится лирической строфой»... я вовсе не «переделывал» мою прозу в стихи: я просто ее продолжал обрабатывать и чеканить до тех пор, пока она не стала стихом — вот и все. Так же написаны были и „Аполлион“, и „Воскресение мертвых“». *Словесного святого ремесла* — неточная цитата из стихотворения Каролины Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...» («Моя напасть, мое богатство, мое святое ремесло»). *Терпуг* — напильник. *Тацит Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — римский историк. *Ты будешь Странником* — см. с. 378 и 414.

М а т е р и н с т в о. По замыслу тесно связано со стихотворением «Пещера» («Сперва мы спим в пурпуровой пещере...»). Судя по творческой тетради № 2, задумано еще в 1912 г. Первый вариант стихотворения был создан в 1915 г., после того, как мать Волошина Елена Оттобальдовна (1850—1923) 27 июня сообщила ему содержание своего сна: «...во сне только ты да я; никакой обстановки, без времени и пространства. Ты только упорно молчишь. Я прошу, молю, требую, негодную, упорно говоря и повторяя только несколько слов: скажи мне имя свое, Макс!» 16 августа 1915 г. Волошин писал А. М. Петровой, что этот сон «даже не символичен, а вполне реален. Это общая формула всей жизни и всех наших отношений». Окончательный вариант стихотворения был послан Ю. Ф. Львовой 15 июля 1917 г.

Д м е т р и у с - и м п е р а т о р. В автобиографии Волошин писал: «Мои стихи о России, написанные за время революции, вероятно, будут восприняты как мое перерождение как поэта: до революции я пользовался репутацией поэта наименее национального, который пишет по-русски так, как будто по-французски. Но это внешняя разница. Я подошел к русским современным и историческим темам с тем же самым методом творчества, что и к темам лирическим первого периода моего творчества. Идеи мои остались те же. Разница только в палитре, которая изменилась соответственно темам, и, может быть, большей осознанности формы». Давно интересовавшую его

историю Смутного времени Волошин изучал по работам П. Пирлинга, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др. Судя по записям в творческой тетради № 3, он задумал несколько стихотворений о «смутняках», в том числе «Написание о царях московских» и др. 15 января 1918 г. Волошин сообщил А. М. Петровой: «Пока у меня единый русский демон — Дмитрий-император. Он уже — историческое выявление демонизма...». В тот же цикл поэт думал включить поэмы о Степане Разине, Ермаке, протопопе Аввакуме и др. В авторизованной машинописи имеется помета Волошина, объясняющая даты, вынесенные в название стихотворения: «1591 — убиение Дмитрия в Угличе; 1613 — казнь сына Дмитрия в Москве». В Угличе 15 мая 1591 г. был зарезан сын Ивана Грозного царевич Дмитрий (р. 1581). *Голод был, какого не видали.* Речь идет о голоде вследствие неурожая 1601 г. *Мезга* — кора дерева. *Вышел я.* Имеется в виду поход Лжедмитрия I (ум. 1606). *Пасолнцы* — побочные солнца — явление отражения. *Марина Мнишек* — дочь сандомирского воеводы, была обручена с Лжедмитрием I, их свадьба состоялась в Москве 8 мая 1606 г. *Сопель* — дудка типа свирели. *Пепл собрали* и т. д. Тело Лжедмитрия I, убитого в ночь с 16 на 17 мая 1606 г., сожгли и, зарядив прахом пушку, выстрелили в сторону Польши и Литвы. *Я пошел из Польши, из Литвы.* В 1607 г. на историческую сцену выступил самозванец Лжедмитрий II, ставленник польской и литовской шляхты. *Царь Василий* — Василий Иванович Шуйский (1552—1612), боярин, был главным

участником расследования причин смерти царевича Дмитрия. Став царем (1606—1610), приказал перенести тело царевича Дмитрия из Углича в Москву и торжественно похоронить в Архангельском соборе. Шуйский неоднократно менял свое мнение о причинах смерти царевича. В 1591 г. говорил о печальном самоубийстве (сам напоролся на нож), в 1605 г. — признал в Лжедмитрии I чудесно спасенного царевича, затем объявил его самозванцем. *Тушино* — село под Москвой, где находился военный лагерь Лжедмитрия II, прозванного «тушинским вором». Лжедмитрий II был убит татаринном Урусовым и его братом в городе Калуге в декабре 1610 г. *Жмудь* — древнелитовское племя, обитавшее в низовьях Немана. *Казнили казнию последней*. Самозванец Лжедмитрий III (Исидор, Сидорка, или Матюшка), появившийся в Пскове, в 1612 г. был пойман и казнен. В 1613 г. в Москве у Серпуховских ворот был повешен малолетний сын Марины Мнишек и Лжедмитрия I.

С т е н ь к и н с у д. «Мне хотелось Святой Руси противопоставить Русь грешную и окаянную», — писал Волошин А. М. Петровой 26 декабря 1917 г. Исторические аналогии и аллюзии Смутного времени (см. примеч. к стих. «Дметриус-император») сочетались у Волошина с попыткой осмыслить сущность русской революции как очередной взрыв бунтарской стихии, как народное возмездие. Однако трактовка исторических событий, данная им, крайне субъективна. *Море Хва-*

лынское — древнерусское название Каспийского моря. *Шихан* — крутой островерхий холм. *Проклинают ли Стеньку* и т. д. В неопубликованном наброске статьи «Как Стенька Разин придет русскую землю судить» Волошин пересказывает легенду о том, что Разин не умер, а заточен в горе на берегу Каспийского моря; иногда он бродит по берегу и спрашивает у встречных, предадут ли его еще анафеме в церквах, зажигают ли сальные свечи и т. д. Это — условный знак, что приближается день, когда он придет судить русскую землю и расправляться с угнетателями. *Сарынь* — толпа, ватага. По преданию, волжские разбойники, нападая на корабль, кричали: «Сарынь, на кичку!», т. е. на нос корабля. *Струг* — плоскодонное гребное судно. Василий *Ус* и Федор *Шелудяк* — сподвижники Разина. *Привезли на Москву показать*. Степана Разина и его брата Фрола привезли в Москву и после жестоких пыток казнили 6 июля 1671 г. *Мне к чему царевать да насилловать* — цитата из «прелестных писем» Степана Разина, в которых была изложена его политическая программа.

Взятие Бастилии. 13 декабря 1917 г. Волошин сообщил А. М. Петровой, что пишет «целый цикл из французской революции». В него входили созданные в 1917 г. стихотворения «Бонапарт», «Термидор», «Робеспьер». *Бастилия*, или Крепость Сент-Антуан — государственная тюрьма в Париже, взятая революционным народом 14 июля 1789 г. Это событие послужило началом Вели-

кой французской революции. *Сент-Антуан* — предместье Парижа, где находилась Бастилия. *Пале-Рояль* — дворец в Париже, построенный в 1629—1636 гг. для кардинала Ришелье; в период Великой французской революции сады Пале-Рояля служили местом народных собраний; именно здесь 12 июля 1789 г. Камиль Демулен произнес речь с призывом «К оружию!», которая послужила сигналом к штурму Бастилии. *Демулен Камиль* (1760—1794) — деятель французской революции, сподвижник Робеспьера. *Бертье* — Бертье де Савиньи (ум. 1789) — интендант королевской армии, был убит на Гревской площади восставшим народом. *Де-Лоней* (Лонэ, ум. 1789) — губернатор Бастилии, убитый и обезглавленный во время штурма крепости. *Марли ле Руа* — замок на левом берегу Сены, в 14 км от Парижа, в лесистой местности.

Демоны глухонемые. Стихотворение открывало сборник «Демоны глухонемые» (Харьков, 1919) и имело два эпитафия — из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...»:

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой

и из Библии: «Кто так слеп, как раб мой, И глух, как вестник мой, мною посланный?» (Исайя, 42, 19). 19 января 1918 г. Волошин сообщил А. М. Пет-

ровой: «Тут не только русские бесы, но демоны истории, перекликающиеся поверх формальной ткани событий». Смысл образа он пояснил в письме к ней же 30 декабря 1917 г.: «Ведь демон, Вы знаете, не непременно бес, это среднее между богом и человеком: в этом смысле ангелы — демоны и олимпийские боги — тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением. И в той и в другой форме глухонмота является неизбежным признаком посланничества, как Вы видите по эпитафии из Исайи. Они ведь только уста, через которые вещает святой дух».

Из бездны. Апокалипсическое видение мира, взорванного войной и революцией, было свойственно Волошину начиная с 1914 г. Тем не менее в автобиографии 1925 г. он писал: «Из самых глубоких кругов преисподней Тerrorsа и Голодза я вынес свою веру в человека». *Бесы земных разрух* — намек на евангельскую легенду о бесах (Лука, 8, 32—36), которую переосмыслил Достоевский в романе «Бесы». Во многом разделяя взгляды Достоевского на революционное движение в России, Волошин в отличие от него видел в духе разрушения начало истинной свободы, понимаемой им анархически.

Преосуществление. *Монах, писавший «Акты Остготских королей»* — Иорданес, или Иордан, называемый иногда Иорнандом, историк VI в. *Торакта* — гора в Этрурии в 40 км от Рима. *То-*

тила — остготский король (541—552). *И сорок дней был Рим безлюден.* «После разрушения сорок или более дней Рим оставался настолько опустошенным, что из людей никто в нем не задерживался, но только звери», — писал римский историк Аммиан Марцеллин (330—400) в «Истории римского государства». Эти слова Волошин сделал эпиграфом к стихотворению в книге «Демоны глухонемые». *Священный Путь* — улица на Римском форуме, ведущая на Капитолий. *Принял папа Державу.* После падения Западной Римской империи Григорий I Великий, римский папа (590—604), сосредоточил в своих руках не только церковную, но и светскую власть.

Европа. О замысле стихотворения Волошин упоминает в письмах к А. М. Петровой 26 января и 10 мая 1918 г. Говоря о Руси-Славии как своей духовной родине, он пишет: «Она для нас остается ценностью духовной, какой, в сущности, была и раньше». В этом стихотворении поэт отдал дань неославянофильским взглядам, трактуя их в религиозно-мистическом духе. *Блудница, сидящая на звере, на водах многих с чашею в руке* — образы Апокалипсиса. *Блудница*, «сидящая на водах многих», символизирует собой Вавилон (см. с. 421). *Девушка, лежащая на быке* — намек на древнегреческий миф о похищении Европы Зевсом, явившимся ей в облике белого быка. *Пчельный рой у чресел Афродиты* — см. с. 415. *Бычий Ход*, или *Бычий Брод* — пролив Босфор. *Махмут-завоеватель* — Мехмед II Фатих (Завоеватель) — турец-

кий султан (1451—1481); в мае 1453 г. завоевал Константинополь; тем самым прекратилось существование Византийской империи. *Русь — третий Рим*. Имеется в виду формула старца Филофея: «Два Рима пали, третий стоит, четвертому — не бывать», которую широко использовали русские славянофилы и неославянофилы. У Волошина убежденнее в особой исторической миссии России, nasledующей величье Рима и Константинополя, шло от В. Соловьева и сочеталось с мистическими пророчествами о расцвете духа в Славии. *Неистовый Хирург* — Петр I.

Неопалимая купина. Завершало раздел «Пути России» в кн. «Неопалимая купина» (1925). *Неопалимая купина* — см. с. 414. Неопалимая купина, считавшаяся символом богородицы, в поэтическом переосмыслении Волошина стала символом России. *Карл под Полтавой*. Армия шведского короля (1697—1718) Карла XII была разбита русскими войсками в битве под Полтавой (1709). *В Германии русское вече*. Имеется в виду революция 1918 г. в Германии. *Стенька* — Степан Разин. *Святой Серафим* (1760—1833) — монах, живший в Саровской пустыне. По настоянию фанатически настроенной царицы Александры Федоровны в начале XX в. был канонизирован как «святой». Волошину принадлежит поэма «Святой Серафим», над которой он начал работать в 1919 г.

Бегство. В творческой тетради № 3 посвящение расшифровано так: «Товарищам по шхуне

«Казак» — Малишевскому, Врублевскому, Борису, Парфену и Григорию. 10—15 мая 1919». Описание плавания Волошина и его спутницы Татьяны Цемах на шхуне «Казак» из Одессы в Крым: «10 мая 9 ч. утра — отход из Одессы, 11 — Кинбурн, 12 — Очаков, 13 — отход из Очакова, 14 мая — Ак-Мечеть, 15 — Евпатория на рассвете». Цемах Т. — поэтесса, биолог, работала на Карадагской биостанции. Малишевский, Врублевский и Борисов — большевики, которые везли из Одессы в Крым секретные бумаги Особого отдела. Пути из Одессы были перекрыты французским флотом. В воспоминаниях Волошин писал: «Мы были остановлены: к нам на борт сошел французский офицер и спросил переводчика. Я выступил в качестве такого и рекомендовался «буржуем», бегущим из Одессы от большевиков. Очень быстро мы столкнулись. Общие знакомые в Париже и т. д. Нас пропустили. . . «А здорово вы, товарищ Волошин, буржум представились, — сказали мне после обрадованные матросы, которые вовсе не ждали, что все сойдет так быстро и легко». *Березань* — остров в Черном море, а также поселок на берегу реки Березань возле лимана. *Кинбурн* — оконечность Кинбурнской косы. *В заливе Ак-Мечети* шхуну «Казак» обстреляли из пулемета. «Матросы, — пишет Волошин, — ответили малым загибом Петра Великого. Я мог воочию убедиться, насколько живое слово может быть сильнее машины: пулемет сразу поперхнулся и остановился»

Написание о царях московских. По замыслу Волошина, должно было входить в цикл о «смутняках» (см. с. 425). Стихотворное переложение выдающегося памятника древнерусской литературы «Написание вкратце о царех московских, о образех их и о возрасте и о нравах» из «Летописной книги» 1626 г., приписываемой большинством исследователей князю И. М. Катыреву-Ростовскому (ум. 1641), приближенному царя Михаила Федоровича Романова. Волошин использовал книгу «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского», СПб., 1908. *Царь Иван* — Иван IV Грозный (1547—1584). *Царь Федор* Иоаннович (1584—1598) — наследник Ивана IV Грозного. *Царь Борис* — Борис Годунов (1598—1605). *Схима* — см. с. 405. *Срачица* — сорочка. *Царевич Федор* — сын Бориса Годунова, убит в 1605 г. *Крин* — лилия. *Царевна Ксения* — дочь Бориса Годунова, была пострижена в монахини. *Чредима* — нарядна, опрятна и хозяйственна. *Зелная* (от зело) — крепкая, сильная, великая. *Расстрига* — Лжедмитрий I. *Марина Мнишек* — см. с. 425. *Царь Василий* — Василий Иванович Шуйский — см. с. 426. *Боярин Федор* — Федор Никитич Романов, с 1601 г. — митрополит Филарет. *Тавлея* — игра в шашки или кости на специально расчерченной доске.

Киммерийская сивилла. Первый набросок стихотворения сделан в 1910 г., упоминается в творческой тетради № 2 среди произведений

1911 г. *Сивилла* — см. с. 416. У греков были сивиллы дельфийская, киммерийская, фессалийская и др.

Посев. В «Неопалимой купине» открывает цикл «Возношения», который в творческой тетради № 3 обозначен как «Молитвы о любви и понимании России. Заклятья на Россию».

С о н. *Звериный круг* — т. е. круг Зодиака, буквальный перевод с греческого.

Д и к о е П о л е. *Лепь*, или лепота — красота. *Припонтйское Дикое Поле* — степь, прилегающая к Черному морю. Там строились крепости и укрепленные засечные черты для обороны от набегов татар. Многие казаки с Дикого Поля и холопы принимали участие в крестьянских восстаниях. *Киммерийская степь* — см. с. 399. *Туга* — печаль. *Хляб* — неологизм от «расхлябанный» (неустойчивый, непостоянный). *Хазары и печенеги* — кочевые племена VIII—IX вв. в Средней Азии и Поволжье. *Равенна* — город в Италии, неоднократно переходивший из рук в руки. Им владели этруски, сабиняне, галлы, римляне, готы, лангобарды и т. д. «*Изникли, как обры*». Легендарное царство обров было уничтожено в VII в. Здесь имеется в виду пословица «Погибли, как обры», приводимая в русской летописи. *Улусы* — кочевые орды, феодальные уделы кочевых племен. *Аристотель Фиоравенти* (между 1415 и 1420 — ок. 1486) — итальянский

архитектор, строитель Успенского собора в Московском Кремле. *Пядь* (устар.) — подошва ноги или кисть руки. *Концы* — народные низы. *Егорий* — христианский святой Георгий Победоносец; считался также покровителем земледельцев и скотоводов. «Егорий — волчий пастырь» — название стихотворения и сказки А. Н. Толстого. *Печерские церкви* — Киево-Печерская лавра, древнейший монастырь на Руси, основан в 1051 г.

Готовность. Датируется по творческой тетради № 3. *Апокалипсический Зверь*. Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова — последняя книга Нового завета, содержащая пророчества о конце света.

Из цикла «Путями Каина». Цикл, создававшийся в 1922—1929 гг., был задуман как философское произведение, связанное единством мысли и композиции. В процессе работы его заглавие менялось: «Война и мир», «Распятый Прометей», «Пути человека» и т. д. Менялся и порядок расположения стихотворений: первым было то «Огонь», то «Магия», то «Мятеж». План, сохранившийся в творческой тетради № 3, позволяет судить, что Волошин предполагал включить в цикл стихотворения «Таноб», «Распад», «Наука», «Взрыв», «Цареубийство», «Боги-игрушки» («Петрушка»), «Любодейство», «Евхаристия» и др. Из них был закончен лишь «Таноб». В автобиографии 1925 г. Волошин определил задачу цикла как «пе-

*

реоценку материальной и социальной культуры». 23 декабря 1923 г. он писал А. М. Пешковскому: «„Путями Каина“ — это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и рус(ская) революция затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую почти все мои социальные идеи, большую часть отрицательные. Общий тон — иронический». Главные идеи цикла сложились у Волошина гораздо раньше: в 1904—1907 гг. и в 1914—1915 гг. под воздействием трудов философов-идеалистов, начиная с Платона до В. Соловьева и О. Шпенглера. В цикле отразились также те увлечения Волошина, которые он сам охарактеризовал как «блуждания духа»: теософия, антропософия, масонство, буддизм, интерес к магии. В результате произведенная им переоценка материальной и социальной культуры человечества свелась к анархическому отрицанию всякой государственности, пристрастному осуждению цивилизации и технического прогресса, к «космической» демонологии и попытке подменить социальные и политические проблемы психологическими, эстетическими и религиозно-этическими. Вместе с тем в лучших произведениях цикла Волошину удалось создать образцы «научной» поэзии, отразив актуальные проблемы философии и политэкономии в емких художественных образах. Название цикла — «Путями Каина» — символически связано с одним из главных моментов духовного развития Волошина — его пассивным, «христианским» пацифизмом. *Каин* (библ.) — старший сын

Адама и Евы, который убил своего брата Авеля и был проклят богом. Первый человек на земле, совершивший убийство.

1. **Огонь.** Один из вариантов, написанный 9 июня 1922 г., служил вступлением ко всему циклу. *Агни* — бог огня в ведийской мифологии. *Риг-веды*, или *Веды* — священные книги древних индусов, здесь: гимны огню. «Риг-Веда — пылающая библия огня, — говорит Поль де Сен-Виктор. — Из тысячи ее гимнов пятьсот призывают всемогущий огонь: касаясь земли, он принимает имя Агни», — писал Волошин в статье «Порох». *Праманта* (Прамантиха) — вертящийся кусок дерева, с помощью которого добывали огонь; в инд. миф. — один из эпитетов бога огня Агни.

2. **М а г и я.** *Синбад* — Синбад-мореход, герой арабских сказок «Тысяча и одна ночь». *Ундина* — русалка. *Саламандры* — духи огня в средневековых поверьях. *Кобольды* (герм. миф.) — вид эльфов. *Эльфы* (сканд. миф.) — легкие, воздушные существа, собирающиеся при лунном свете. *Никсы* — у древних германцев водяные духи.

3. **Меч.** Поэтическое переложение статьи Волошина «Меч», входившей в его трактат «Демоны разрушения и закона». Написано под влиянием работ М. Метерлинка «Хвала стойлу», «Похвала шпаге» и «Бог войны». *Меч сподобился кресту.* «Средневековье было священным царством меча, являвшего прообраз креста», — писал Волошин.

На справедливой стали и т. д. В статье «Меч» Волошин писал: «На клинке меча высечены слова молитвы, которую он возглашает каждым ударом. Слова, окрылявшие высоким значением справедливую сталь: «In te, Domine, speravi!» — восклицает один меч XVI века». «Отклер» — меч Оливье, друга неистового Роланда. «Дюрандаль» — меч Роланда. «Он — Фея». Волошин имеет в виду список оружия Людовика VIII, где против записи о мече, носящем имя Лансело-дю-Лак, имеется приписка: «Про него утверждают, что он — фея». *На «Да» и «Нет»*. На одной стороне меча Сида Кампеадора было написано: «Si! Si!» («Да! Да!»), на другой — «No! No!» («Нет! Нет!»). *Хоронили В лесах Германии* и т. д. Волошин писал: «В Германии, когда меч отрубил 99 голов, собирались палачи со всей страны и торжественно со сложными религиозными обрядами в полнолуние, в полночь, в пустынном месте хоронили усталый меч». *Меч был вытеснен машинным производством* — намек на изобретение гильотины. Сен-Жюст Антуан (1767—1794) и Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — деятели Великой французской революции, были гильотинированы 28 июля 1794 г. Здесь: намек на непреклонность и решительность Робеспьера и Сен-Жюста, проводивших в жизнь политику якобинской диктатуры. *Антиномия* — противоречие между двумя правильными, но исключаящими друг друга положениями. Учение об антиномии было развито немецким философом Иммануилом Кантом (1724—1804). Здесь обыгрывается мысль Канта, что разум

неизбежно впадает в противоречие с самим собой, стремясь познать мир. *«Не мир, а меч»*. Имеется в виду поучение Иисуса Христа (Матфей, 10, 34). *«Отмщенье мне...»* — цитата из Библии («Второзаконие», 32, 35, и «Послание апостола Павла к римлянам», 12, 19).

4. Порох. Замысел относится к периоду первой мировой войны. 16 августа 1915 г. Волошин писал А. М. Петровой: «...есть для меня враги более важные, чем немцы. Это теперешние орудия разрушения, демоны взрыва, демоны машин, демоны организации». Идеи стихотворения, более полно выраженные в статье «Порох» (второй части трактата «Демоны разрушения и закона»), отчасти заимствованы из работ Метерлинка (см. примеч. к стих. «Меч») и статьи Поль де Сен-Виктора «Музей артиллерии». *Со дна реторт*. Имеются в виду алхимические опыты изобретателя пороха немецкого монаха Бертольда Шварца. *Аркебуза* — старинное фитильное ружье. *Неистовый Орланд* — герой знаменитой одноименной поэмы Лудовико Ариосто (1516).

5. Пар. Идеи стихотворения более полно изложены в статьях Волошина «Демонизм машины», «Автомобиль» и «Современная одежда». *Минотавр* (греч. миф.) — чудовище с туловищем человека и головой быка. *Пересоздал По своему подобию человека*. В статье «Современная одежда» Волошин протестовал против стандартных европейских костюмов. Он уверял друзей, что совре-

менная одежда, особенно черная, не что иное, как примитивное подражание машине.

6. К о с м о с. «Последняя, написанная летом глава «Космос» — эволюция космогонии от Каббалы до «теории относительности» (вернее, до новой физики), — сообщил Волошин А. М. Пешковскому 23 декабря 1923 г. — Весь этот круг мыслей, обычно не затрагиваемых поэзией, поэтому приходится идти совершенно непротоптанными дорогами, и не знаю, что удалось формулировать, что нет». *Разверзлись два смеженных ночью глаза.* Здесь и ниже цитата из Каббалы о сотворении мира. *Гексаграмма* — шестиугольник, каббалистический знак. *Каин* — см. с. 436. *Зодиак* — см. с. 416. *Халдеи* — древний народ, обитавший в устьях Тигра и Евфрата во II тысячелетии до н. э. *Палестра* — гимнастическая школа в Древней Греции. *Метоп* — часть фриза на колоннах, украшенная рельефными изображениями. *Эпод* — заключительная часть песнопения, которое исполнял хор в античной трагедии. *Эсхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург. *Пиндар* (518 или 522—442 до н. э.) — древнегреческий поэт. *Голгофа* — см. с. 414. *Земля была недвижимым темным шаром.* Аристотель, Птоломей и другие ученые и философы древности считали Землю неподвижным центром вселенной. Геоцентрическая система мира господствовала до XVI в. Коперник и Галилей доказали ее несостоятельность. *Эмпирей* (греч. миф.) — наиболее высокая часть неба, наполненная чистым огнем и светом, местопребывание бо-

гов. *Интердикт* — практиковавшееся в средние века запрещение исполнять религиозные обряды, налагаемое папой «за грехи». *Галилей* Галилео (1564—1642) — итальянский физик, механик и астроном. *Фома* — апостол по прозвищу Дидим (неверующий), который не поверил в воскрешение Христа. *Ипостась* — философский термин Аристотеля, означающий «сущность»; в христианском вероучении обозначал каждое лицо из святой троицы. *Лаплас* Пьер Симон (1749—1827) — французский астроном. *Ньютон* Исаак (1642—1727) — английский физик, механик, астроном. *Всё относительно* — намек на открытие А. Эйнштейном принципа теории относительности в 1905—1916 гг. *Аэролит* — метеорит. *Космогония* — теория происхождения мира. *Льяло* — форма для отливки. *Вавилонские башни* — см. с. 421.

7. *Левифан*. В «Anno mundi ardentis» и в сборнике «Иверни» имело два эпитафия — из Библии («Книга Иова», 41, 16 и 26): «Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов... На все высокое он смотрит смело. Он — царь надо всеми сынами гордости» и из книги утопии английского философа Томаса Гоббса (1588—1679) «Левифан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). Посылая стихотворение А. М. Петровой, Волошин заметил 15 декабря 1915 г.: «Его считаю очень важным для себя». По отношению к государству Волошин стоял на позициях абстрактного анархического идеализма. У Томаса

Гоббса он перенял лишь идею отрицания гражданской войны и осуждение насилия. *Левиафан* — в ветхозаветной «Книге Иова» страшное морское чудовище. Образ Левиафана вслед за Гоббсом неоднократно использовали русские революционные демократы. *Иов* — праведник, веру которого бог (по библейскому преданию) подверг испытаниям, отняв у него богатство, семью и здоровье. Иов возроптал и поднял бунт против бога.

8. Суд. В «Anno mundi ardentis» печаталось с эпиграфом из Апокалипсиса: «И отдала земля мертвых, бывших в ней». Стихотворное переложение евангельской легенды о Страшном суде. Эсхатологические образы и темы, ожидание неминуемо надвигающейся мировой катастрофы были характерны для Волошина в годы, предшествующие первой мировой войне. Их истоки следует искать в увлечении Волошина философией и творчеством В. С. Соловьева (см. с. 406), в частности его работами «Три разговора» и «Письмо о конце всемирной истории...». *Звериный круг* — круг Зодиака.

Колдовство. *Кила* — грыжа. *Невстаниха* — лень, сонливость. *Ярыжные* — пьяницы, мошенники.

«Выйди на кровлю. Склонись на четыре...» Это и два следующих стихотворения были вклеены в машинописную тетрадь «Selva os-siga», где они примыкают к циклу «Киммерийская

весна». В автобиографическом очерке «О самом себе» Волошин цитировал строки из этого стихотворения для характеристики цикла акварелей восточного Крыма: «Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая, естественно, сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть и за изменением лица которой я слежу ежедневно».

К а л л и е р а. *Шервинский Сергей Васильевич* (р. 1892) — поэт, переводчик, литературовед, бывал в Доме поэта в Коктебеле. *Каллиера* — средневековый город, обнаруженный при раскопках возле Коктебеля. Волошин еще в 1915 г. нарисовал и подарил Феодосийскому музею акварель «Возможный вид Каллиеры», угадав примерное место ее расположения. *Амфоры и пифосы* — древнегреческие глиняные сосуды. *Отроковица эллинской земли В венецианских бусах*. Каллиера в XIII в. была венецианской гаванью.

«Ф и а л к и вол н и гиа ц и н т ы п е н ы . . .»
9 декабря 1926 г. Волошин отправил это стихотворение и «Выйди на кровлю. Склонись на четыре. . .» в письме художнице А. П. Остроумовой-Лебедевой, сообщив ей: «Посылаю два маленьких стихотворения о Коктебеле, написавшихся после стольких лет лирического молчания».

К о к т е б е л ь с к и е б е р е г а . Написано на акварели, изображающей Коктебельскую бухту. Стихотворные надписи на акварелях — излюбленный жанр Волошина, напоминающий японские

танка и кай-кай. *Пушкин на них поглядел*. Вечером 18 августа 1820 г. Пушкин проплыл на корабле «Мингрелия» мимо Коктебеля.

«Весь жемчужный окоем...» Обращено к жене поэта — Марии Степановне Волошиной (урожденной Заболоцкой, 1887—1976).

Сказание об иноке Епифании. Печатается по авторизованной машинописи, сверенной с автографами. Первый вариант «Житие инока Епифания» написан в 1926 г., белой автограф с датой: 15 февраля 1929 г. озаглавлен «Старец Епифаний». Посылая авторизованную машинопись профессору Сергею Федоровичу Платонову (1860—1933) 15 марта 1929 г., Волошин писал: «Посылаю Вам мою последнюю поэму на раскольничью тему. Моя творческая роль была здесь самая скромная: выбрать самое ценное и характерное из подлинника и стих подчинить интонациям живой речи». Волошин пользовался следующими источниками: «Житие инока Епифания» в кн.: «Старая вера. Старообрядческая хрестоматия. Сост. А. С. Рыбаковым, К. Н. Швецовым и П. Г. Носовым», М., 1914, и «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. 1, вып. XXXIX «Русской исторической библиотеки», Л., 1927. *Епифаний* — один из видных деятелей русского раскола, друг и духовный наставник протопopa Аввакума (которому посвящена поэма Волошина «Протопоп Аввакум»), был осужден на церковном соборе 1666—1667 гг., расстрижен и заключен в Пустозерский мона-

стырь. Сожжен в 1682 г. вместе с протопопом Аввакумом, дьяконом Федором и попом Лазарем. *Зосима* (ум. 1478) и *Савватий* (ум. 1445) — основатели Соловецкого монастыря. *Никон* (Никита Минов, 1605—1681) — московский патриарх, церковный реформатор. *Арсен* — Арсений Грек (р. ок. 1610), один из ближайших сподвижников Никона, «справщик» книг на Печатном дворе, организатор школы в Чудовом монастыре. *Виданьской* — остров, образованный разделением реки Суны на два рукава. *Вольяшный* — литой, резной. *Вытегра* — река, впадающая в Онежское озеро. *Кошница* — корзина. *Подворье у Николы Угрешского* — контора и гостиница Николаевского монастыря на Угреше в Московском Кремле. *Бухвостов* Василий Борисович — полковник, голова московского стрелецкого полка, с 1697 г. — воевода.

Тварь. Глава из поэмы «Святой Серафим», которую Волошин начал писать 12 декабря 1919 г. Перелагая житие Серафима Саровского (см. с. 431), Волошин пользовался книгой Чичагова «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», СПб., 1903. По замыслу Волошина, «Тварь», как и стихотворение «Святой Франциск», должно было выразить положительную идею поэта: опрощение человека, сближение и единение с животными — свидетельство культуры его духа. Толстовско-руссоистские иллюзии Волошина были порождены активной неприязнью к материальной и социальной культуре, которую он резко критиковал в цикле «Путями Каина». *Лев служил Герасиму*. Имеет-

ся в виду «Житие преподобного Герасима» (ум. 1554). *У яслей Вифлеемских* — намек на евангельскую притчу о рождении Иисуса Христа.

Дом поэта. Программное стихотворение, подводящее итог 30-летней поэтической деятельности Волошина. На этом основании, в нарушение хронологической последовательности стихов, печатается последним. В 1925 г., отпраздновав свой юбилей и рассказывая о нем в письме Э. Ф. Голлербаху, Волошин заметил: «„Волошинский Дом“ — это не я. А целый коллектив». 9 ноября 1926 г. он писал А. П. Остроумовой-Лебедевой: «Сейчас заканчиваю большое стихотворение о Коктебеле же — «Дом поэта», которое посвящается всем гостям и друзьям Коктебеля». *Дом поэта* находится в пос. Планерское в Крыму (см. вступ. ст., с. 5—6). Мастерская построена по проекту Волошина в 1913 г., в нише расположен гипсовый слепок *Таиах* (см. с. 395). Мебель частично сделана руками Волошина. В этих стенах прошел последний период жизни Волошина (1917—1932). В годы гражданской войны Волошин превратил Дом поэта в политическое убежище (см. вступ. ст., с. 28). Так, в 1920 г. Волошин укрыл у себя И. Хмилько (Хмельницкого), одного из делегатов VII областной подпольной партийной конференции РКП(б), преследуемого белогвардейцами. В 1931 г. Волошин безвозмездно передал свой дом Союзу писателей. В нем был расположен первый корпус Дома творчества писателей «Коктебель»; сейчас — Дом-музей Волошина. *Медитации* — раздумья. Ай-

лант — китайский ясень, растет на юге СССР. *Алкеев стих* — см. с. 412. *Вулкан Метал огонь*. Горный массив Карадаг является остатком древнего потухшего вулкана. *Запечатлевшим некое подобье* — см. с. 413. *В борьбе племен*. Район Феодосии был ареной борьбы многих народов: в древности здесь обитали скифы, затем греки, римляне, гунны, татаро-монголы и другие кочевые народы. В 60-х годах XIII в. на этом месте возник генуэзский торговый город Кафа, который в 1475 г. завоевали турки, а в 1771 г. — русские. При Екатерине II с 1783 г. Крым был включен в состав Российского государства. *Ахейцы* — одно из древнегреческих племен, живших в начале II в. до н. э. *Мертвых кличет голос Одиссея* — см. с. 393. *Неолит* — последняя эпоха каменного века. Следы жизни древних людей найдены при раскопках возле Феодосии и в Карадаге. *Милет* — древнегреческий город. *Сарматы* — варварские племена, жившие в причерноморских степях. *Ольвия* — древнегреческая колония, находившаяся близ Одессы. *Слезница* — сосуд для благовоний, который ставили в могилу. *Глет* — слюда. *Бусый* — темно-серо-голубой. *Улисс* — Одиссей (см. с. 393). *Полки книг*. В Доме поэта хранится уникальная библиотека русской и французской литературы, насчитывающая около 5000 томов. *Понт* — см. с. 412. *Мои ж уста давно замкнуты*. «Перед войной, — писал Волошин, — я был подвергнут всероссийской травле со стороны буржуазных газет во главе с «Русским словом», и для меня были закрыты большинство редакций, во время войны мое отрицательное отношение к ней

не позволяло мне писать в газетах и книги мои не принимались книжными магазинами». «*Мир посетит в минуты роковые*» — измененная цитата из стихотворения Тютчева «Цицерон». *Мрежи* — рыболовные сети.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Число переводов Волошина довольно велико. Они издавались отдельными книгами, входили в состав «Стихотворений. 1900—1910», печатались в периодических изданиях. Волошин переводил Гейне, Анри де Ренье, Верхарна, В. Гюго, Малларме, Эредиа, Поля Клоделя, Вилье де Лиль Адана, Поль де Сен-Виктора и др. В «Предварении о переводах» из Верхарна он писал: «Поэт переводит другого поэта на язык своего творчества: это неизбежно. Шиллер, переведенный Жуковским, становится Жуковским, не переставая быть Шиллером». В настоящий раздел включены немногие переводы Волошина, наиболее значимые для его творческой эволюции. Некоторые из них поэт называл не переводами, а «воспоминаниями», пояснив: «Я хотел только вспомнить любимые мною поэмы на родном мне языке, но вспомнить вместе с их ритмом и с их музыкой».

Анри де Ренье

Анри де Ренье (1864—1936) — французский поэт и романист.

«Нет у меня ничего...» Перевод стихотворения из цикла «Оделетты» (№ 2) из книги «Les Jeux rustiques et divins», Paris, MCMVI.

«Приляг на отмели. Обеими руками...» Перевод стихотворения «Sur la Grève» из книги «Les Medailles d'Argile», Paris, MCMVII. Опубликовано в статье Волошина «Анри Ренье» вместе с высказыванием Ренье: «Воистину мудр тот, кто строит на песке, сознавая, что все тщетно в неиссякаемых временах и что даже сама любовь так же мимолетна, как дыхание ветра и оттенки неба».

Кровь Марсия. Перевод поэмы «Le Sang de Marsyas» из книги Анри де Ренье «La Cite des Eaux», Paris, MCMVII. В «Биографических сведениях» Волошин упомянул о том, что в XVII в. был «слепой бандурист Матвей Волошин; с него поляки содрали кожу живьем, как с Марсия...». Древнегреческий миф о сатире Марсии Волошин вслед за А. Ренье излагает вольно. Согласно легенде, Марсий нашел тростниковую флейту, брошенную богиней Афиной. Научившись играть на ней, он так возгордился, что вызвал на состязание Аполлона, который легко победил Марсия, а потом жестоко наказал за дерзость. Кожу Марсия повесили в гроте у г. *Келены* во Фригии, и при звуках тростниковой флейты она начинала шевелиться. *Сиринкс*, или Сиринга (греч. миф.) — нимфа, которая превратилась в тростник, убегая от преследовавшего ее бога лесов и рощ Пана. Пан сде-

лал из тростника свирель и назвал ее сиринксом. *Аркадия* — гористая область в центре Пелопоннеса. *Бог-кифаред* (греч. миф.) — Аполлон, игравший на кифаре. *И черепаха рокотала глухо*. В древнегреческих мифах рассказывается о том, что Гермес изобрел лиру, натянув струны на панцирь черепахи. *Сильван* (римск. миф.) — бог, покровитель лесов и лесных обитателей.

Эмиль Верхарн

Верхарн Эмиль (1855—1916) — выдающийся бельгийский поэт. Волошин познакомился с ним в Париже в 1904 г., о чем сообщил А. М. Петровой 1 июня. В «Предварении о переводах» из Верхарна Волошин писал: «Мои переводы Верхарна сделаны в разные эпохи и с разных точек зрения. В одних, как «Ноябрь», «Осенний вечер», «На север», я старался передать только инструментовку верхарнского стиха, в других, касающихся города, я, отбросив рифмы, старался дать стремление его метафор и построение фразы, естественно образующей свободный стих». «Мои переводы — отнюдь не документ: это мой Верхарн, переведенный на мой язык. Я давал только того Верхарна, которого люблю, и опускал то, что мне чуждо и враждебно».

У ж а с. Датируется по письму Волошина А. М. Петровой в 1904 г., где упомянуто под заглавием «Страх». Перевод стихотворения «Le

реиг» из книги Верхарна «Представшие на моих путях». *Пряха* — мойра (богиня судьбы) Клото (греч. миф.), которая прядет нить жизни человека.

На север. В автографе подзаголовок — «Воспоминание из Верхарна». Перевод одноименного стихотворения из книги «Лозы моей стены».

Н о я б р ь. Перевод одноименного стихотворения из книги «Лозы моей стены». День «*Всех Святых*» — церковный праздник, отмечаемый 1 ноября. День «*Всех Мертвых*» — день поминовения усопших, отмечается 2 ноября.

Человечество. Датируется по письму Волошина А. М. Петровой от 1 июля 1905 г. Перевод одноименного стихотворения из книги «Вечера». *Голгофа* — см. с. 414.

Дерево. Перевод одноименного стихотворения из книги «Многоцветное сияние».

Город. Перевод одноименного стихотворения из книги «Поля в бреду». *Лики Горгоны* — см. с. 410. *Вретище* — грубая ткань, дерюга. *Скиния* — см. с. 394.

Завоевание. Перевод одноименного стихотворения из книги «Многоцветное сияние». *Золото скиний* — см. с. 394. *Зигфрид* — герой немецкого героического эпоса XIII в. «Песнь о Нибелунгах».

*

Г о р о д а. Перевод одноименного стихотворения из книги «Буйные силы». *Созвездья сивиллинские*. По звездам сивиллы (см. с. 416) предсказывали будущее.

Т о л п а. Перевод одноименного стихотворения из книги «Лики жизни». *Фавор* — см. с. 408.

Виктор Гюго

Гюго Виктор (1802—1885) — французский романист и поэт. Волошин переводил его стихи из книги «Страшный год» в марте 1921 г. к юбилею Парижской коммуны.

Н а б а р р и к а д е. Перевод стихотворения В. Гюго «За баррикадою на мостовой старинной...» из книги «Ужасный год». Следом за Гюго Волошин поэтизирует юного защитника баррикады как «непротивленца» и приукрашивает версальцев. В «Воспоминаниях революционера» П. Кропоткин рассказывает этот эпизод со слов члена Коммуны Бенуа Малона, по свидетельству которого версальцы ребенка расстреляли. *Стези-хор* (ок. 640—555 до н. э.) — греческий поэт. *Тиртей* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий певец, прославлявший доблесть спартанцев.

**ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
М. А. ВОЛОШИНА**

1. «Стихотворения. 1900—1910», М., 1910.
2. «Лики творчества», кн. 1, СПб., 1914.
3. «Anno mundi ardentis. 1915», М., 1916.
4. «Иверни» (Избранные стихотворения). М., 1918.
5. «Верхарн (Судьба. Творчество. Переводы)», М., 1919.
6. «Демоны глухонемые», Харьков, 1919; 2-е изд. — Берлин, 1923.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Максимилиан Волошин. <i>Вступительная статья С. С. Наровчатова</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ ²

В вагоне	43	381
Кастаньеты	46	381
Пустыня («Монмартр... Внизу ревет Париж...»)	48	382
Тангейзер	51	382
«Как мне близок и понятен...»	53	383
«...И мир — как море пред зарею...»	54	383
П а р и ж		
1. Дождь	55	384
2. «В серо-сиреневом вечере...»	56	384
3. «Осень... осень... Весь Париж...»	57	384
4. «На старых каштанах сияют листья...»	58	384

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая цифра (курсивом) — страницу примечаний.

² Звездочкой отмечены стихотворения, публикуемые впервые.

5. «Закат сиял улыбкой алой...» . . .	59	385
6. «Слепые застилая дни...»	59	
7. «Парижа я люблю осенний строгий пен. . .»	60	385
8. «В молочных сумерках за сизой пеленой...»	61	385
9. Диана де Пуатье	62	385
10. Голова madame de Lamballe	62	386
11. Париж в 1915 году	64	
12. Цеппелины над Парижем	65	387
13. Весна	65	387
14. «Неслись года, как клочья белой пены...»	66	387
«К твоим стихам меня влечет не но- вость...»	68	388
В цирке	69	388
«Я вся — тона жемчужной акварели...»	71	388
«Я ждал страданья столько лет...»	72	388
«Пройдемте по миру, как дети...»	73	389
«О, как чутко, о, как звонко...»	74	389
«Сквозь сеть алмазную зазеленел вос- ток...»	75	389
Когда время останавливается		
1. «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...»	76	390
2. «Быть заключенным в темнице мгновенья...»	77	390
3. «И день и ночь шумит угрюмо...»	77	
4 «По ночам, когда в тумане...»	78	
«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...»	81	390

Рождение стиха	82 391
«Зеленый вал отпрянул и пугливо...»	83 391
* «Дрожало море вечной дрожью...» .	84
«Я люблю усталый шелест...»	85 391
Отрывки из посланий	
1. «Я соблюдаю обещанье...»	86 392
2. «И были дни, как муть опала...»	89 393
Предвестия	93 394
Танах	95 394
«В зеленых сумерках, дрожа и выра- стая...»	97 395
«Мы заблудились в этом свете...» . . .	98 395
Зеркало	99 396
«Небо в тонких узорах...»	101 396
«Мир закутан плотно...»	103 397
В мастерской	104 397
Вослед	106 397
«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»	108 397
Руанский собор	
1. Ночь	109 398
2. Лиловые лучи	110 398
3. Вечерние стекла	110 398
4. Стигматы	111 399
5. Смерть	112 399
6. Погребенье	113 399
7. Воскресенье	114 399
Киммерийские сумерки	
1. Польша	116 400
2. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...»	117 400

3. «Темны лики весны. Замутились влагой долины...»	117
4. «Старинным золотом и желчью на- питал...»	118 401
5. «Здесь был священный лес. Боже- ственный гонец...»	119 401
6. «Равнина вод колышется широ- ко...»	119
7. «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...»	120 401
8. Mare internum	121 401
9. Гроза	122 402
10. Полдень («Травую жесткою, паху- чей и седой...»)	122 402
11. Облака	123 402
12. Сехмет	124 403
13. «Сочилась желчь шафранного ту- мана...»	125
14. Одиссей в Киммерии	126 403
«Как Млечный Путь, любовь твоя...»	127 403
«Блуждая в юности извиистой доро- гой...»	128 403
Солнце	129 404
Полдень («Звонки стебли травы, и дви- женья зноя пахучи...»)	130 404
Осенью	131 404
«Священных стран...»	133 404
«Над горестной землей — пустынной и огромной...»	135 404
«Перепутал карты я пасьянса...»	137 404
«Возлюби просторы мгновенья...»	138 405
* «Пришла изночица; в постель...»	140 405

«Вещий крик осеннего ветра в поле...» . . .	141	405
Призыв	142	406
«К этим гулким морским берегам...» . . .	144	406
Она	145	406
<i>Corona astralis</i>	147	407
Делос	157	409
«Станет солнце в огненном притине...» . . .	159	410
* «Дубы нерослые подъямлют облак крон...»	160	
«Ступни горят, в пыли дорог душа...» . . .	161	410
«Ты живешь в молчанье темных ком- нат...»	162	410
«День морозно-сизый расцвел и замер...» . . .	163	412
Из цикла «Киммерийская весна»		
1. «Моя земля хранит покой...» . . .	164	412
2. «Седым и низким облаком дол по- вит...»	164	412
3. «К излогам гор душа влекома...» . . .	165	412
4. «Солнце! Твой родник...» . . .	166	
5. «Звучит в горах, весну встре- чая...»	166	412
6. «Облака клубятся в безднах зеле- ных...»	167	413
7. «Над синевой зубчатых чаш...» . . .	168	413
8. «Сквозь облак тяжелые свитки...» . . .	168	
9. «Опять бреду я босоногий...» . . .	169	
10. «Твоей тоской душа томима...» . . .	169	
11. «Заката алого заржавели лучи...» . . .	170	
12. Карадаг	171	413
13. Коктебель	172	413
14. «Акрополи в лучах вечерней сла- вы...»	174	413

15. Пустыня («И я был сослан в глубь степей...»)	174	414
«Себя покорно предавая сжечь...»	177	414
«Я, полуднем объятый...»	178	
«Склоняясь ниц, оваян ночи синью...»	179	
«Раскрыв ладонь, плечо склонила...»	181	414
* «К Вам душа так радостно влекома!...»	182	414
* «Дети солнечно-рыжего меда...»	184	415
«В неверный час тебя я встретил...»	185	415
«Пурпурный лист на дне бассейна...»	186	
«Судьба замедлила сурово...»	187	415
«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	188	415
«То в виде девочки, то в образе старушки...»	189	415
* «Возьми весло, ладью отчаль...»	190	
«Безумья и огня венец...»	191	416
«Обманите меня... но совсем, навсегда...»	192	
«Отроком строгим бродил я...»	193	416
Два демона		
1. «Я дух механики. Я вещества...»	195	416
2. «На дно миров пловцом спустился я...»	195	
* «Так странно, свободно и просто...»	197	
Майе	198	417
«Я узнаю себя в чертах...»	199	417
«В янтарном забытьи полуденных минут...»	201	417
«И будут огоньками роз...»	202	
«И было так, как будто жизни звенья...»	203	
«Я быть устал среди людей...»	204	418

«Как некий юноша, в скитаньях без воз- врата...»	205	418
«Мой пыльный пурпур был в лоскутьях...»	206	
«Над головою подымая...»	207	418
«В эту ночь я буду лампадой...»	209	
«Любовь твоя жаждет так много...»	210	
«Томимый снами, я дремал...»	211	419
«Ангел непогоды пролил огонь и гром...»	212	
«Плывущий за руном по хлябям диких вод...»	213	419
«В осенний день по стынувшим полянам...»	214	
«В эти дни великих шумов ратных...»	215	420
«Я глазами в глаза вникал...»	216	
Реймская богоматерь	217	420
Аполлион	219	420
Другу	223	421
«Ты держишь мир в простертой длани...»	225	422
«Не ты ли...»	227	422
▪ «Верь в безграничную мудрость мою...»	230	
«И был повергнут я судьбой...»	231	423
«Чем глубже в раковины ночи...»	232	
«Пламенный истлел закат...»	233	
«Не успокоена в покое...»	234	423
Подмастерье	235	423
Материнство	238	424
Дметриус-император	240	424
Стенькин суд	244	426
Взятие Бастилии	247	427
Демоны глухонемые	248	428
Из бездны	249	429
Преосуществление	251	429
Европа	253	430

Неопалимая купина	256	431
Бегство	258	431
* Написание о царях московских	260	433
* Киммерийская сивилла	265	433
Посев	266	434
* Сон	268	434
Закливание (от усобиц)	270	
Дикое Поле	271	434
Готовность	275	435
Из цикла «Путями Каина»		
1. Огонь	276	437
2. Магия	279	437
3. Меч	283	437
4. Порох	286	439
5. Пар	289	439
6. Космос	293	440
7. Левиафан	303	441
8. Суд	306	442
* «Среди верховных ритмов мироздания...»	309	
* Колдовство	310	442
«Выйди на кровлю. Склонись на четыре...»	312	442
Каллиера	313	443
«Фиалки волн и гиацинты пены...»	314	443
Коктебельские берега	315	443
* «Весь жемчужный оком...»	316	444
Сказание об иноке Епифании	317	444
* Тварь	325	445
* Дом поэта	328	446

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

Апри де Ренье

«Нет у меня ничего...»	334	449
«Приляг на отдели. Обеими руками...».	335	449
Кровь Марсия	335	449

Эмиль Верхарн

Ужас	346	450
На север	347	451
Ноябрь	348	451
Декабрь (<i>Гости</i>)	350	
Человечество	351	451
Дерево	352	451
Город	355	451
Завоевание	359	451
Города	362	452
Толпа	367	452

ВИКТОР ГЮГО

На баррикаде	371	452
------------------------	-----	-----

*Максимилиан Александрович
Волошин*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1977,
464 стр. План выпуска 1975 г. № 360

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *Л. П. Полякова*
Корректор *Е. А. Омеляненко*

Сдано в набор 3/VIII 1976 г. Подписано
к печати 13/VI 1977 г. А 09790. Формат
84×108¹/₆₄. Бумага тип. № 1. Печ. л. 7¹/₄+1
вкл. Усл. печ. л. 12,23. Уч-изд. л. 13,47 Ти-
раж 25 000 экз. Заказ № 813. Цена 1 р. 38 к.
Изд-во «Советский писатель», Ленинград-
ское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.
Ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградская типография № 5 Союзпо-
лиграфпрома при Государственном коми-
тете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 190000, Ленинград, Центр, Крас-
ная ул., 1/3.

